

ВЛАДИМИР ГРЖОНКО

THE HOUSE

Роман

© Copyright Vladimir Grjonko, 2001

И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.
Бытие 3, 4-5

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Крыша, залитая битумом, раскалилась как противень, и я был единственным на ней пирогом. Дернуло же меня сюда залезть! Впрочем, ничего удивительного в этом нет. По крайней мере, для меня. Человеку, уставшему от уличной толпы, ничего не остается, как залезть на крышу. И чем выше она – тем лучше. Я удивительно не суетлив. И даже, наверное, несуетен. С точки зрения людей устроенных, средних, разумных, которых я обычно называю «добропорядочными бургерами», эти качества сильно мешают жить, потому что это никакая не несуетность, а просто лень. Я готов согласиться. Из нежелания спорить. Хотя, возможно, мне и действительно просто лень. Может быть, я еще спою хвалу этому человеческому качеству.

Сейчас стоит лето, конец июля. Я иду по улице и стараюсь не переходить на солнечную сторону. Почти нечем дышать, но заходить в магазины, где работает кондиционер, не хочется. Опять же суета. Я почему-то привязался к этому слову, и оно начинает нервировать меня не меньше самой суеты. В общем я, проталкиваясь через людей и рыхлый воздух, бреду. Делать особенно нечего. От этого жара еще отвратительней. Единственное спасение в воспоминании о зиме. Не менее отвратительной зиме с ветром и сыростью, когда кажется, что лучше умереть, только бы из тепла не выходить. То есть о зиме вообще. Однако вспоминается почему-то другое.

Раннее утро, я тащусь на свою очередную поденщину. Легко догадаться, что жить почти не хочется. От выхода из метро идти, наверное, с милю. Мне холодно и невыспанно. Весь город вокруг зевает и вздрагивает. Надо бы бегом, но я, по своей идиотской привычке к пунктуальности, и так приехал на полчаса раньше. А начальство ранними приходами на работу баловать не стоит. Потому мерзну, клянусь все на свете, но вынырываю из потока серых спин и сворачиваю с прямой авеню на неторопливую стрит. Ну что ж, сделаю небольшой круг, разомнусь. Холод адский и только-только начинает светать. Теперь я бреду по одной из самых богатых частей города. Здесь никто никуда не торопится. Или это так просто кажется? Прохожу мимо домов, где квартиры занимают целый этаж, а то и два. Сейчас в этих квартирах, в тепле, почивают самые добропорядочные бургеры города и окрестностей. Я прохожу мимо. Швейцары в мраморных подъездах начинают отращивать на невыспанных физиономиях подобострашие. Я их понимаю – работа есть работа, а значит, и деньги. Как-то раз сам видел, как добропорядочный бургер, выходя из такси, оставил водиле на чай десять центов и дал доллар подбежавшему открыть ему дверь швейцару.

Ну их всех к черту. Я, конечно, против социального равенства. Я за социальное неравенство. Знаю, чем заканчивается уравнивание и ненависть к богатым и удачливым. Избави Бог!

Я так задумался, что подошел к очередному подъезду ближе, чем следовало. Дверь внезапно открылась перед моим носом, вернее, перед виском. Ну да, швейцар-то смотрит не на проходящего, а на выходящего. Из вестибюля вышла дама. Нет, увы, не молодая, хотя и не старая. Стройная и холеная. И посмотрела на меня. Еще бы! От моего столкновения с высоченной стеклянной створкой пошел такой гул – тротуар завибрировал! А мне не больно, просто растерялся от неожиданности. Я давно заметил, что чем громче удар, тем менее

больно. Звук выдаивает энергию удара за мгновение до самого удара. Я так думаю. Но дама, вероятно, думала иначе, потому что глянула на меня с участием и спрашивает, все ли со мной в порядке. Со мной – то да. А вот с ней... За какие-то секунду-две взгляд из нейтрально-участливого превращается... Даже и не объяснить. Нет, совсем не в похотливый. Но в какой-то интимный, что ли. Как будто были когда-то близки, очень близки, потом не виделись сто лет, и вот теперь узнала и мгновенно все вспомнила. Это ерунда, конечно. Я ее первый раз в жизни вижу, да и она меня. Но взгляд примерно такой. Я не строю иллюзий относительно своей внешности. Женщины обычно любят меня только ушами. Ну, может, я кокетничаю немного, но чтобы вот так, как сейчас...

Такого никогда не было. Я полон комплексов. Тут же осознаю, что плохо подстрижен, еще хуже одет, и шея тонкая и не по-мужски длинная. По-моему, уж лучше толстяком быть необъятным. Как-то увесистей в жизни. Я же легок, и моя несостоятельность обычно сдувает меня куда-то к задней двери, запасному выходу. А уж там я, естественно, умом крепок. Так было всегда, так есть и так уже и будет. То есть я просто хочу сказать, что растерялся и вообще от ситуации, и от какой-то идиотской мысли, что может быть я действительно что-то когда-то с ней... Взгляд был очевидный, недвусмысленный и немного недоумевающий – что же это я? Если бы я был похож на какого-то ее друга, она, очевидно, назвала бы меня по имени. Из сострадания так на первого встречного не смотрят, особенно если он на ногах и не пострадал. Нет, тут было явно что-то другое.

– Так с вами все в порядке, – повторила она скорее утвердительно, чем вопросительно.

Я как-то по-шутовски пожал плечами, пробормотал что-то, а себе сказал приблизительно следующее:

– Кретин, улыбнись и будь обаятелен. Ты же умеешь, если надо. Это невежливо, она ждет и потом...

Все это бесполезно, я упорно молчал, и пауза затягивалась. Черт их знает, этих бургерш, может она с мужем поругалась и теперь ищет, с кем ему досадить. А мне-то зачем приключения? Но это я вру сам себе. Я ее уже успел разглядеть: довольно хороша собой и моложе, чем мне показалось вначале. Но главное не это. Взгляд был мягким и ощутимо добрым, и не таил никакого подвоха. В этом я уверен. Кроме того, я, конечно же, авантюрист и романтик. Моментально представил себе ее... Нет, она мне определенно нравилась. Тогда следовало что-то делать – был явно мой ход. Сколько она простоит на холоде?

И вот тут-то она опять меня удивила. Неожиданно шагнув ближе, она подняла руку и погладила меня по щеке. Вернее, даже не погладила, а дотронулась ладонью, коснувшись кончиками пальцев моего уха. Потом провела за ним пальцами и, слегка сжав мочку, опустила руку. Такой ласки от незнакомки я совсем не ожидал. Я было начал говорить, но она, еще раз улыбнувшись, уже уходила от меня к машине, которую я и не заметил вначале. Здоровенный такой лимузин с затемненными стеклами. Я удивился еще больше: дама обошла машину спереди, открыла дверь и уселась на водительское место! Пожалуй, это было посильнее поглаживания щеки. Я довольно давно живу в Городе, всякое видел, но чтобы respectable женщина сама водила длинный лимузин... Это черт знает что! Для вождения в свое удовольствие у них обычно есть «Мерседесы», БМВ на худой конец! М-да. Сумасшедшей она не казалась, да и машину повела уверенно, четко вписалась в поворот и, поддав по прямой, скрылась из виду.

Я обернулся. Швейцар выглядел так, как будто ничего необычного не случилось. Впрочем, это его работа. А меня, между прочим, ждет моя. Я вдруг почувствовал, что совсем замерз. К тому же подозревал, что швейцар все-таки пялится на меня, и прибавил шаг, благо, теперь это было уже необходимо, чтобы не опоздать.

Вся эта маленькая история, быть может, и не много значила сама по себе. Даже совсем ничего не значила. Так, занятая встреча. Ну, может, еще упущенная по глупости возможность авантюры, приключения с трудно предсказуемым финалом. Можно себе нафантазировать много интересного, включая киношные сюжеты с яхтами и пальмами. Это скрашивает долгие поездки в метро.

Чуть позже, придя на работу и начав свой нудный трудовой день, я попытался взглянуть на всю историю со стороны. В ней было что-то детективное, а, значит, и любопытное. Я покрутил ситуацию и так, и эдак. Объяснения было не найти. Можно, конечно, снова подойти к тому же дому в то же время и посмотреть, что из этого получится. Может быть, в конце концов, со второго захода я не буду таким болваном и заговорю с ней. Ведь не мальчик же я! Однако, то ли из-за швейцара, который наверняка меня запомнил, то ли из-за какого-то инстинктивного желания уберечь себя от неприятностей, но после того случая я так ни разу и не позволил себе пройти мимо ее дома.

Иногда я о ней вспоминаю. Вернее, пытаюсь снова почувствовать ее необычную ласку, запах руки, да и вообще все вместе, кроме своего дурацкого столбняка. Обычно это меня приятно волнует, как волнует все потенциально возможное, но не случившееся. Помню, как-то раз, в детстве, бежал я изо всех сил по склону, поросшему молодыми елками. Бежал и не видел толком, что там впереди. Неожиданно склон кончился, и я выскочил на самую кромку обрыва. Что-то еще несло меня вперед, казалось почему-то, что перемахну и обрыв, ерунда. Однако в последнее мгновение все-таки остановился, опомнился. Тогда-то ничего: просто пошел вверх по склону, назад. А вот после... несколько ночей не спал, представляя себя со сломанными ногами и шеей. Может быть я преувеличиваю и слишком копаюсь в мелочах, однако «не случившееся приятное» вызывает во мне не менее сильные чувства. Наверное, даже если бы на самом деле все случилось так, как это происходит в моих фантазиях, я вспоминал бы об этом с меньшим удовольствием и уж точно – без затаенного холодка в груди.

Много всякого произошло с тех пор. Говорить об этом не очень хочется, потому что это покажется стандартным набором бедствий и неудач маленького и не очень благоразумного человека в большом городе.

Фортуна, если она есть, редко бывала на моей стороне. А в последнее время я никак не могу отделаться от ощущения, что кто-то очень хочет довести меня до крайней степени отчаяния, окончательно загнать в угол, лишить надежды – этой неумной маленькой вертлявой бабы, про которую все знаешь, ничего хорошего не ждешь и не думаешь, но она все равно манит, зараза. И опять хочется жить дальше.

Так вот, если меня все-таки загнать и лишить, я начисто забываю о своей несуетливости и несуетности. Тут ко мне лучше не подходить! Что-то странное, от доисторических предков происходящее, просыпается внутри меня, и я начинаю выживать любыми способами. Наверное поэтому я так не люблю полицейских. Не люблю и боюсь. Я же законопослушен, ну или почти законопослушен – откуда это во мне? Видимо, то потенциальное зло, на которое я способен, при виде всех этих блях, кобур и портупей оживает и гонит меня от мента подальше. Или просто ненависть к тому, кто заведомо сильнее и безусловно прав?

Ну менты ментами, до них дело пока еще не доходило. А вот этим одуряющим июльским днем я иду по улице и, честно говоря, не знаю, куда и зачем.

Еще в начале весны я потерял работу. Вообще-то я был этому даже рад. Тяжелая и, самое главное, занудная, эта работа только-только давала возможность выжить. Приходя утром и садясь за свой верстачок, я каждый раз чувствовал, что только что приступил к похоронам очередного дня. Так что когда мой босс, изобразив на холеном чистом лице сожаление и глядя мимо меня, сообщил, что, увы, работы для меня больше нет, во мне поднялась странная смесь чувств. Но заботу о хлебе насущном я сразу же отодвинул куда-то

подальше. Это успеется. Все остальное показалось мне очень смешным. Черт знает сколько времени я должен был подчиняться этому человеку, выслушивать его с почтением и улыбаться приветливо только потому, что в пятницу он, с явной неохотой, выписывает мне мой чек, номинал которого чуть больше стоимости бумаги, на которой он напечатан. Сорок часов в неделю он имел больше прав на мою жизнь, чем я сам! Я почувствовал, что, высвободившись откуда-то, подымается кружащая голову легкость. Под языком электрически покалывало. Босс все еще стоял с последним моим чеком в руке и, все так же глядя мимо, сочувствовал. И тут я ему широко улыбнулся. Он не понял – может быть я его не понял? Я улыбался совершенно искренне.

– Еще раз очень сожалею – быстро сказал он и ткнул в меня своим чеком.

– О, тебе жаль, – сказал я, – а мне, мне еще больше жаль! Но ты не расстраивайся, как-нибудь все устроится.

Говоря это, я поднял руку и потрепал босса сначала по плечу, а потом, несколько ощутимее, по щеке. Чисто выбрит, однако! Кажется, он не очень понимал, что происходит, а жаль.

– Но ты как-нибудь продержишься без меня. Дай-ка я тебя обниму на прощание, – и, сминая все еще направленный мне в грудь чек, я полез было лобзаться.

Чек еще опадал, а человека уже не было.

– Ура! – закричал я по-нашему и хотел было станцевать что-нибудь экзотическое.

Но... такого я себе не могу позволить. И не потому, что так не чувствую, а как раз наоборот – слишком остро и отчетливо понимаю, что именно этого-то душе моей и хотелось. Но ее баловать нельзя. Почему-то нельзя. Нельзя и все.

В общем, взял я свой чек, и даже как-то искренне поверил в этот момент, что боссу и впрямь было жаль со мной расставаться. Хотя и понимал, что это ерунда. И даже немного неловко стало и за него, и за себя. И жаль. И его, и себя. Хотя мистер Розен, владелец ювелирного бизнеса – маленького такого цеха, где работают шесть человек (вернее, теперь пять), менее всего нуждается в моей жалости. Он и вообще-то ни в чем не нуждается. Маленький, толстенький, сидящий еврей, говорящий по-английски со смешным акцентом. Родом из Южной Африки, где, кажется, был совладельцем алмазных копей. По-моему, временами он забывает, что имеет дело не с закрепощенными южно-африканскими черными, а наоборот, с освобожденными иммигрантами разных национальностей.

Последние несколько недель, по утрам, меня начинало трясти от его голоса – громкого и какого-то невыносимо притворного. Он будто притворялся, что недоволен или озабочен делами. И вообще, у меня сложилось впечатление, что бизнес он имеет не всерьез, не для денег, а так – играет в бизнес. А на самом-то деле у него какая-то совсем другая, хорошая, настоящая жизнь. Впрочем, может быть так и есть на самом деле.

Но то, что для него игра, увы, жестокая реальность для меня. Как-то раз, когда я еще совсем недолго проработал у Розена, и он был мне даже немного симпатичен, меня вдруг потянуло на откровенность, и я стал рассказывать ему разные перипетии из своей прежней доиммигрантской жизни. Он охал и ахал, но через некоторое время я вдруг увидел, что для него это как кино с разными ужасами, когда и страшно, и понимаешь, что это только кино. Он вообще любопытный тип. И если бы я не так ненавидел работу у него, я, может быть, наслаждался бы зрелищем бизнесмена-солипсита. Ну а сейчас он, наверное, продолжает играть в бизнес, но уже без меня. У меня свои игры. Печальные.

И вот иду я, солнцем палимый, вспоминаю обо всем понемногу, стараясь не думать, что денег почти совсем нет, а есть куча проблем. В какой-то момент мне становится очень неуютно на этой раскаленной улице. Нужно срочно решать, куда идти. Снова всплыл в

памяти зимний эпизод с дамой в лимузине. А что? Самое время и настроение заняться этим делом.

Я огляделся и пошел в сторону запомнившегося мне дома. Это оказалось совсем недалеко. И улица, как всегда тихая, и пространство под тентом подъезда были совершенно безлюдны. Так, ну и что же дальше? Стоять здесь и ждать, пока она появится? А если ее вообще в городе нет? Ведь лето, жара. Сквозь витринные стекла я глянул вовнутрь. В вестибюле – огромном холле, выложенном мрамором, никого не было.

Все еще непонятно чем движимый, я неторопливо прошел через холл, остановился у лифта и вдруг понял, куда мне хочется – вверх. В лифте нажал последнюю, шестнадцатую кнопку и поехал. На этаже я вылез, огляделся и обнаружил лестницу, ведущую еще выше. Мне захотелось выше. Я поднялся, толкнул скрипучую дверь и оказался на крыше.

Солнце уже ушло из зенита, и поэтому с одной стороны пристройки, дверь из которой и вела сюда, была тень. Я шагнул в нее. Здесь жгло не так сильно, битум не прогибался под ногами и можно было сесть. Наверное, я чего-то не понимаю, но в тот момент мне было просто все равно, но я не просто сел – я лег. Прямо на крышу.

Конечно, если бы здесь были люди, я бы ни за что не лег. Более того, не лег бы, будь я в другом состоянии. Я ведь существо абсолютно городское. На улице и в общественных местах я сажусь на что-либо, только тщательно потрогав это место рукой, а также удостоверившись, что вокруг все спокойно. Ложиться я не отваживаюсь даже на газоне в Центральном парке. Чего, собственно, я боюсь – жалящих гадюк, гадающих собак или просто опасаясь оказаться в самом невыгодном, с точки зрения обороны, положении, я не знаю.

Но на крыше нет ни собак, ни насекомых, а только я и немного мусора – каких-то бумажек и стаканчиков из-под кофе. Надо мной – бесцветное городское небо, и я лежу, растянувшись в тени, а где-то внизу сонно волочится улица. Внутри меня тоже, еще более сонно, копошится ощущение, что надо бы встать, что это идиотство – вот так лежать на неведомой крыше неизвестно зачем. И что, собственно, я пришел продолжить свое зимнее приключение.

Вдруг мне, совершенно по-мазохистски, становится жаль себя. А жалеть себя, унижительно лежа на грязной крыше – это удивительно славно. Есть особая прелесть в признании своих слабостей и тайных желаний. Что-то неуловимо сексуальное проскальзывает в искренних исповедях. Нарочитое покаяние, по-моему, греховней самого греха. Но, в моем случае, это совершенно безобидно. Хотя бы потому, что в этом состоянии жалости к себе я слабею и как-то сонно-философски реагирую на окружающих, если они имеются. Но сейчас вокруг не было ни души; снизу, с улицы поднимался только смог и, иногда, звуки сирен и гудки.

Впрочем, я так глубоко задумался, что не замечал и этого. Я уже не прикладывал никаких усилий для выбора направления своей жалости. Слегка позванивало в ушах. Еще успел представить себе таинственную силу, которая, могла бы плавно приподнять меня и мягкой кошачьей лапой снести с крыши. Но не на улицу, от которой я сбежал, а туда – дальше и восточнее – и еще чуточку дальше. В общем, домой, на диван. Но такой силы не существовало, как не было у меня сил противиться густому, вязкому сну. И нагретый битум пах нефтью, домом и детством...

Я заснул как-то тихо и радостно. Говорят, психологи называют это утробным бегством. То есть когда плохо и неудобно в этом мире, то хочется уйти, спрятаться, сжаться в комочек и спать. Как в материнской утробе. Не знаю, так ли это, но спалось мне действительно хорошо и спокойно. Может быть впервые за несколько прошедших ночей, проведенных в раздумьях о том, что делать дальше.

Чаще всего, открывая глаза, я помню, где их закрыл. Но не всегда. Вот и сейчас, проснувшись, я на мгновение прислушался к себе, но, не найдя объяснения, решил поднять голову и осмотреться. Но что-то плотно держало мою голову. Я попробовал пошевелиться и тут, с нарастающим чувством ужаса и беспомощности, обнаружил, что пошевелиться-то и не могу!

Надо мной зависло черное, почти беззвездное небо. Судя по ослабевшему шуму снизу, с улицы, был поздний вечер. Я не знаю, как это произошло, но, похоже, пока я спал, солнце перевалило через пристройку, раскалило и размягло битум, на котором я лежал, и вплавило меня всем телом в полужидкую кашу. Я влип. Потом солнце ушло, и черная липкость застыла, точно и нежно повторяя очертания моего тела. Влип. От этой мысли я нервно рассмеялся.

Буквальное выражение моего положения в жизни. Вдруг почувствовал, что руки и ноги у меня онемели. Вспенилась и забулькала паника. Я задергался. Вырывать из битума голые по локоть руки было больно, да и не хватало сил. Ноги в джинсах еле шевелились, а майка пропиталась так, что приклеилась сама кожа на спине. Вдруг мне очень захотелось закричать. Громко. Я сдержался, но продолжал свои судороги.

Не знаю, чем бы все это закончилось – истерикой? обмороком? – я был близок и к тому, и к другому. Однако бессмысленное дерганье очень скоро выбило меня из сил. Я расслабился. И стал успокаиваться.

В конце-то концов, сказал я сам себе, я же ненавижу суету. Так отчего же я сейчас так засуетился? Или, может, моя ненависть и презрение к суете – только суесловие, пустой треп? Доболтался, идиот! А вот сейчас попробуй без суеты и с достоинством выбраться из этой ситуации! Хотя, собственно, что произошло? Ну влип, ну идиотское положение. А вся моя предыдущая жизнь мудра и не комична? Что особенно ужасное и необратимое случилось сейчас?

О, я умею себя уговаривать! всю жизнь, страшно боясь боли, я уговаривал себя, что боль, в сущности, – только ощущения моего тела, сигналы, которые нервы передают в мозг, и не более того. И мне становилось легче. Вот и сейчас. Ну влип и влип. О том, что, вероятно, придется звать на помощь или, в лучшем случае, как-то выбираться из своей одежды, я сейчас старался не думать. Лежи и расслабься, крыша – романтичнейшее место для мечтаний и философствования. Получай удовольствие. И я стал получать.

Действительно – крыша, ночь, залипший я. Я даже вдруг почувствовал, что мне не одиноко. Сколько крыш в Городе? Для меня – бесконечно много. А значит, есть какой-то шанс, что еще где-то, на какой-то из крыш, залип еще как минимум один идиот-иммигрант вроде меня. А, может быть, и больше. И лежим мы совершенно неподвижно, глядя в незвездное небо. И нам хорошо. Потому что это замечательно, когда у тебя нет выбора, и ты обязан лежать. Случай, приклеив тебя, как бы перекладывает всю ответственность и за тебя, и за происходящее на свои витиеватые плечи. В самом-то деле я не попался в ловушку, я парю, я чертовски свободен и спокоен. Пусть Случай сам выверчивает эту ситуацию как ему будет угодно. Даже любопытно будет взглянуть.

Но Случай не торопился. Я полежал еще немного, стараясь не обращать внимание на занемевшие конечности. Кажется, сказал я себе, пора начинать что-то делать. Кричать, например. Главное – не задумываться над униженностью своего положения. Все это не со мной. Я смотрю телевизор. Комедия ситуации. Иначе до утра, до горячего солнца я, похоже, не доживу.

Я попробовал взвесить шансы. Кричать нужно очень громко и долго – пока не услышат жильцы последнего этажа. Потом эти добропорядочные бюргеры будут решать, не послышалось ли им, а если нет, то звонить ли в полицию или наплевать. Хотя нет, когда

жильцам дома с мраморным вестибюлем мешают спать, они тут же жалуются. Значит, полиция. Ну нет, спасибо. Объяснять им, что я не вор, не верблюд и не шизофреник с суицидным уклоном – это уже не комедия. В полицию не хочу.

С другой стороны, можно попробовать вылезти самому – без штанов. Может быть, совсем голышом. И куда дальше? Опять полиция? Что по этому поводу думает Случай, или внутренний голос, или кто он там? Возможно, когда-нибудь потом я буду смеяться над этой ситуацией и еще привирать для смеха, себе и окружающим. Но как миновать, как пережить этот промежуток во времени между «мною сейчас» и «мною тогда»? Я сделал глубокий вдох, и еще один. Выбора не было.

Попробовать освободиться от одежды, потом постараться хоть клочок от нее выдрать из битума, обмотаться и... Опять полиция. Мимо ночного швейцара я так просто не проскочу. А-а-а! Плевать мне на все это! В конце концов, у абсурда есть какая-то своя логика. То, что со мной происходит – абсурд, следовательно, нужно дать ему дойти до завершения. По его логике. Буду вылезать. Какая все-таки ерунда! Несколько кусков ткани – и ты чувствуешь себя спокойно и достаточно уверенно. Дело не только в полиции или в том, что стыдно. Внутренняя незащищенность. Голым, например, в бане, трудно спорить или требовать чего-нибудь. Особенно от одетого человека. Адам, прикрытый фиговым листом, беспрекословно подчинился воле Божьей. А нынешний человек? Даже агрессия в голом человеке не столь ярка. В тех же банях, в раздевалках, где-то еще, где люди совсем раздеты – там почти не бывает сильных споров и драк. Бред. Надо вылезать отсюда.

К счастью, я здорово похудел в последнее время, и джинсы были великоваты в поясе. Выгибаясь как можно сильнее, я понял, что из штанов как-нибудь вылезу. Вылезу, если высвобожу спину и руки. Особенно руки. Я попробовал согнуть руку в локте. Не идет. Сила не та. Надо рывком. Больно! М-да, сказать проще, чем сделать. И еще я забыл про голову. Я коротко стригусь, но вытянуть из битума даже мои волосы будет непросто. Есть идея. Надо медленно-медленно и непрерывно двигаться, насколько позволяет мне одежда и битум. От трения и тепла моего тела битум разогреется, и тогда будет не так больно выдираться. А может и одежду, ну хотя бы штаны, удастся спасти.

Я начал двигаться. Это напоминало движение, которым, лежа в постели, стараются почесать спину о простыню. Но там, в постели, это забава, а тут я через минуту начал задыхаться. Запах битума, днем казавшийся мне приятным, сейчас выводил из себя и мешал дышать. Но останавливаться нельзя, иначе эта дрянь опять застынет! Нет, больше не могу! Я снова откинулся на своем ложе. Мне было больно, глаза щипал пот и, кажется, слезы. Это не кино, не комедия. Это в самом деле и сейчас! И нет никакого «меня тогдашнего», а есть просто я, этот проклятый битум – и все! Однако, шевельнулось что-то во мне, как-то же эта история кончиться должна? Как-то должна. Но как? В этот момент я бы, наверное, закричал, если бы у меня были силы. Но их не было. Я постарался о чем-нибудь подумать, сосредоточился, чтобы унять подбирающуюся истерику.

Вдруг меня ударило под сердце – я услышал скрип открывающейся двери. На крыше кто-то был! Я лежал у противоположной от двери стены, в темноте заметить меня не могли, следовательно, нужно было кричать. На мгновение я представил себе мое позорное выдергивание из лап дикого битума с помощью полицейских и «скорой помощи», а может быть еще и пожарных. И не смог заставить себя закричать.

Человек, вышедший на крышу, явно что-то искал. Я видел отраженный луч фонарика. Вскоре я увидел и силуэт. Человек шел вдоль барьера, отгораживающего карниз, держа фонарик в опущенной руке и светя им под ноги. Если он, обойдя крышу по периметру, уйдет, то я так и останусь здесь лежать. Но, может, он все-таки наткнется на меня? Это самое лучшее, что можно придумать. Тогда все произойдет как бы само собой.

Ну, решил я, найдут так найдут. А нет – нет. Что будет после – я не знал. Точно так же, как и не знал, что делать, если меня обнаружат. В темноте меня можно принять за труп, а если я заговорю неожиданно, то это тоже может испугать. Я же не знаю, кто это, может какой-то придурок-старик. Такой может и умереть от страха. Славное будет соседство с покойничком. Веселая перспектива...

Я не успел обдумать эту ситуацию, потому что человек, обойдя крышу, направился к двери. Она скрипнула. Сейчас уйдет, подумал я, тогда все, незавидна моя доля. Но дверь закрылась, а свет фонаря не исчез. Более того, он стал приближаться ко мне, огибая пристройку.

Так, сейчас найдут, а хорошо ли это? Холодок пробежался по телу. Что я должен сказать в тот момент, когда луч доберется до меня? Лежать молча, глядя в небо? Или улыбнуться навстречу? Просто позвать на помощь?

Тут луч фонаря упал на меня, ослепив, и я понял, что – все, думать уже не надо. Началось! Так на американских, или, как их тут называют, русских горках, вагончики медленно тянутся в гору, все выше и выше. Ты и не думал, что это так высоко, глядя со стороны. И ты уже не хочешь так высоко. Но вагончики неумолимо ползут вверх. И вот ты уже на самом верху и понимаешь, что сейчас будет рывок вниз. Сильный, страшный. Вагончики притормаживают на секунду. Ну же! Вот оно! Теперь уже все само по себе, теперь уже не остановить! Начало движения, начало чего бы то ни было – вот что пугает. Потом уже ничего, по инерции. Но начало! Момент рождения и момент смерти. Именно момент! Все, я родился.

– Ну привет, – сказал голос. – Я так и думала, что ты где-то здесь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мне хотелось, чтобы это поскорее кончилось. Так хотелось, что я уже не пытался ничего понять и совсем не удивлялся. Вырванный из лап битума, обернутый собственной майкой, я тащился, не очень понимая куда. Только на площадке шестнадцатого этажа, столкнувшись у лифта с какими-то людьми, я почувствовал, что вместе со стыдом ко мне возвращается способность соображать. К счастью, мы не воспользовались лифтом – я бы не перенес долгих и естественных в такой ситуации взглядов. Я быстро притворился перед собой, что ничего необычного не происходит, и прошествовал за спасительницей на следующий, пятнадцатый этаж. Один из мужчин у лифта, невысокий и пухлый, бросил на меня любопытствующий взгляд; другой, по-моему, просто не заметил. И сразу же, от неловкости и по какому-то контрасту, ведущая меня неведомо куда женщина стала мне ближе и родней – мы были с ней заодно. Вероятно, это была естественная реакция организма на медленно текущий абсурд, в котором я вяло барахтался, уносимый течением. На секунду показалось, что мы с ней уже давно идем по этой лестнице, тысячу этажей, и она уже тысячу раз так знакомо и хорошо улыбается мне, делая рукой мягкий жест – то ли пытаюсь дотронуться до меня, то ли поощряя идти за ней. Но этажом ниже она остановилась перед дверью – дубовой солидной дверью – и толкнула ее. Дверь открылась (вернее сказать, отворилась – так солидно и неторопливо она это сделала), и я, плывя по течению, вошел. Хотя нет, вру: к этому моменту я уже почти пришел в себя; в груди сладко ныло предвкушение очаровательной авантюры, но мне по-прежнему хотелось казаться себе ошарашенным и безвольно влекомым событиями. Короче, я шагнул через порог.

Квартиру я не рассматривал. Только почувствовал, что она большая, с высокими потолками. Где-то у окна горела небольшая напольная лампа. Сделав пару шагов, я остановился. Что делать дальше, я просто не знал. Моя спутница закрыла дверь и сразу исчезла. Та ли это женщина? Я, конечно, узнал ее. Узнал не потому, что запомнил лицо, а по каким-то неуловимым, но явственно чувствующимся мелочам, которые кольнули меня еще тогда, зимой. Ощущение было сходным с тем, как когда подбрасываешь монету с твердой уверенностью, что выпадет решка, но все-таки не веришь в это. И когда она выпадает, начинаешь сомневаться в этой своей изначальной уверенности. Хочется выдать это за простое совпадение. От этих совпадений и дурацких предвкушений мне вдруг сделалось зябко. А может из-за работающего на полную мощность кондиционера.

Я постоял еще немного. Женщина не появлялась. Ну что ж, глупее чем сейчас я уже показаться не могу. Я пошел к креслу, но, дойдя до середины комнаты, сообразил, что, усевшись там, обязательно его испачкаю. Ага, не так уж мне и наплевать. Тут мне ужасно захотелось выпить рюмку водки. Но ее как назло не было. Моей незнакомой знакомки тоже. Я опустился прямо на пол – матовый, паркетный и прохладный – лицом к двери, подобрав ноги под себя. Не хотелось, чтобы она появилась у меня за спиной, неожиданно. Поза показалась мне пляжной, но в комнате пахло не морем, а чуточку сигарным дымом и чужим уютом. Впрочем, все равно. У меня еще не успела занять спина, как что-то вроде бы изменилось; я повернул голову и увидел ее. Она была в шортах и майке, открывающей живот, и босиком. Нет, я явно поторопился назвать ее немолодой. Даже в слабом свете лампы было видно, что ноги стройные, с гладкой кожей, с ухоженными породистыми ступнями. М-да!.. Тут я понял, что, кажется, загляделся на ее ноги несколько дольше, чем хотел. Конечно, ситуация располагает, но глядеть с пола на подошедшие близко, почти вплотную, ноги – это

хамство. Я перевел взгляд на ее лицо. Сейчас она уже не улыбалась, а смотрела на меня почти как тогда, зимой: недоуменно-вопросительно.

Да что же это? Я подождал. Молчание затягивалось. Только теперь вряд ли она развернется и уедет. Я не нашел ничего лучшего, как сказать:

– Присаживайтесь.

Кажется, я слегка обалдел и переигрываю в невозмутимость, как провинциал в столичном ресторане. Она молча опустила рядом со мной на пол. Опять же: рядом, совсем рядом, как не садятся с измазанными незнакомцами, но и не так, чтобы намеренно коснуться полуголого меня своими гладкими ногами. Вероятно, так женщины подсаживаются к мужьям, с которыми прожито уже много лет, и прикосновение к которым уже не жжет сексуально, а лишь теплит огонек собственничества. Она по-прежнему молчала. Я еще могу уйти в себя и отдалиться случаю, прилипнув к крыше, но молчать и глядеть в пространство, когда на меня вопросительно и добро смотрит красивая женщина, а я при этом еще липкий и грязный, в трусах и обрывках майки – это выше моих сил.

– Ну вот, – сказал я и попытался изобразить светскую улыбку. – У вас славная гостиная и сигарами хорошо пахнет.

Тут я сбавил пафос и сказал интимней:

– Люблю, знаете ли, хорошие сигары.

Она, словно ждала моего сигнала, привстала и на четвереньках дошла до стоящего у стены большого ящика вроде комода, открыла дверцу и что-то там начала передвигать. Я же пока разглядывал обращенный ко мне зад и две розовые пятки. Да-а, холеная...

Но не очень ловкая. Пробежка на четвереньках не была грациозной. Тут в меня по паркету понеслась здоровенная пепельница, и за ней прикатилась изрядной величины сигара в блестящей обертке. Я не большой знаток сигар, но эта, по-моему, была дорогая. И, понятно, для меня. Я поднял сигару с пола, обнажил и понюхал. Хорошо. «Интересно, – подумал я, – а если бы я сказал, что люблю хорошее виски? И еще хороший секс? Не ври сам себе! Пока что у тебя не хватило духу сказать, что ты любишь хорошо пописать и помыться после крыши.» Ну что значит «духу»? Просто не успел еще спросить про туалет. Не прямо же с порога. Тем временем она вернулась ко мне и мягко, но непреклонно, вытащила из моих липких рук сигару, повернула ее вертикально, понюхала кончик и повертела в пальцах, глядя через сигару на меня. Здоровенная сигара смотрелась в ее руках почти неприлично. Что-то такое, видимо, в моем взгляде было, что она широко улыбнулась, быстро куснула сигару и протянула ее мне. Причем откушенное как-то безразлично сплюнула на пол. Сплошной подтекст. Но не для человека, которому срочно нужно выяснить, где здесь ванна и туалет. Тем не менее, я сунул сигару в рот и привычно полез было за спичками. Проклятая липкость!

– Послушайте, – наконец-то начал я, – я бы, если вы не возражаете, м-м... попал бы в ванную. А то как-то...

И неопределенно махнул сигарой. И улыбнулся, естественно. Что-то вроде гримаски разочарования промелькнуло на ее лице. Где-то там, в уголке губ. Я что же, что-то не то сказал? Не созвучное обстановке и обстоятельствам? Мы же почти давно знакомы. Слушай, а может это вообще не та, которая ударила меня дверью зимой? В любом случае – какие могут быть разочарования, когда грязный голый человек хочет в ванную? Однако она поднялась с пола и довольно презрительно отмахнула мне следовать за ней. Только что почти родная, она показала мне спину с формальной вежливостью стюардессы на дешевой авиалинии.

Странное дело, я уже почти освоился в предлагаемой мне ситуации. То есть, и даму эту за старую подругу принимал, и огорчался своему промаху с туалетом. И все это вместо того, чтобы посмотреть на ситуацию со своей стороны – реально. Некая дама помогла мне освободиться на крыше и любезно привела к себе. Ведет себя странновато, но это уж меня не

касается. Казалось бы так. Как-то, вроде бы между делом, она утянула меня, бедолагу, в свои затайливые игры. Почему это меня так волнует ее неудовольствие? Ванну ей испачкаю, что ли? Что еще я могу натворить? Однако неуютно мне. Правил ее игры я не знаю и уже ошибся раз, а теперь на ощупь бреду за ней и по коридору, который оказался справа за комодом, и по ситуации, в которой я почему-то не свободен.

Ванна была роскошно утоплена в пол. В углу, за стеклянной перегородкой, был душ. Я оглядел себя в зеркало и понял, что душем я не обойдусь. Хорошо бы, конечно, попросить бензину и оттереть эту черную дрянь, но меня явно не поймут и пошлют, как минимум, на бензоколонку. Остается ванна и куча шампуней на ее бортике. Надо постараться отмокнуть ибо, что бы меня там дальше не ожидало, отмывшись, я буду лучше готов ко всему. К тому же налипший битум уже ощутимо жег кожу. Не хватает еще и чесаться в присутствии дамы. Я открыл воду, выбрал шампунь и забултыхал его под струей. Получилось аппетитно, почти по-кулинарному: полная ванна сверкающей синеватой пены. Уже лежа в воде, я почувствовал, как отпускает меня идиотское ощущение причастности к только что канувшему прошлому. Пена у щеки тихо пришепetyвала разными дальними голосами. Хорошо в общем. И даже отгираться не хотелось. Ну ладно, – подумал я, – а потом? Вылезать из ванны, искать полотенце, просить какие-нибудь штаны и... Уходить? Или остаться и подставить свою голову под приключение? Конечно, откуда-нибудь издалека и снаружи кажется, что двух мнений быть не может: остаться и разобраться. Авантюра загадочна и роскошна. Но сейчас, внутри и здесь, пока я ее еще не пережил, мне почему-то все больше хотелось вырваться на улицу и затеряться где-то в переулке. Хрен с ней, с моей знакомой незнакомкой, даже если она и соблазнительна! Я хочу домой. Я почти уже встал в ванне, когда произошли две вещи сразу: погас свет и распахнулась дверь. Света в коридоре не было, и только из дальнего его конца, из гостиной, долетал полусвет лампы. Из обвалившейся на меня темноты я почти сразу увидел появившийся в дверях силуэт. На уровне лица горела здоровенная красная точка. Я и испугаться толком не успел, как сообразил, что это она с зажженной сигарой во рту. Запах сигары был силен и хорош. Она медленно стала приближаться ко мне, и я услышал, что она хихикает. Я стоял на коленях, держась руками за бортик. Недавнее лежание в ванне, вместе с пришедшей отстраненностью, дало мне возможность трезво подумать, что она пришла экстравагантно отжаться – в почти полной темноте, в свете сигарного маячка. Тут она произнесла свою первую фразу с тех пор, как мы оказались в квартире.

– Я принесла тебе сигару.

Ну, тут начиналось знакомое мне действие, и я встал во весь рост. Даже был как-то разочарован. Что будет дальше, я уже знал. Но ошибался. Видимо не привыкнув к темноте, она протянула сигару почему-то зажженным концом ко мне и не рассчитала расстояния. Пыхающий кончик пронесся в миллиметре от моего плеча. Я инстинктивно дернулся в скользкой ванне, но, к чести свой, не упал. От неожиданности она выронила сигару прямо в воду.

– Ну спасибо!

Сказано это было как ругательство и, в первый раз за всю эту историю, от души. Не люблю я, знаете ли, когда меня жгут сигарой.

– Ты прелесть, – сказала она, – но... нам пора.

Если бы она просто произнесла «нам пора», я принял бы это за продолжение приглашения. Однако это ее «но» настораживало.

– Выходи, если ты уже закончил мыться.

– Интересно, а что мне на себя надеть?

– Завернись в полотенце, если хочешь, сейчас не до этого. Тебя уже ждут.

Она развернулась, как-то по-мышинному юркнула за порог и закрыла дверь. Вдруг я услышал стремительную и неприятную музыку в ушах, вероятно, отголосок вибрации, затомившейся где-то под желудком. Я не великий трус, но и не великий храбрец. Да и не в этом дело. Что-то, проскользнувшее в ее голосе, какая-то тень сюрприза, снова оттенок обиженной стюардессы... Словом я извиняю себя за этот громкий марш трусости. Дурные сны никогда не повторяются буквально, но тут я сидел голышом в чужой квартире, и где-то там меня уже ждали... Свет так и не зажгли, а мне было как-то не до поисков выключателя. Я, можно сказать, почти с удовольствием пошел за абсурдом, но сейчас, кажется, он идет за мной – и разница тут ох как велика! Но... надо вылезать. Зная, что в ванной всегда висит что-нибудь вроде полотенца, я на ощупь нашел дверь и на ней – даже лучше, чем полотенце – халат. Хороший махровый халат. Правда, в темноте так и не понял, мужской он или женский. Ну да черт с ним! Моя стюардесса, которую я обнаружил прямо за дверью, приглашающе улыбнулась, и я уже было двинулся в сторону гостиной. Она поймала меня за плечо и кивнула головой в противоположный конец коридора. Теперь ее молчание не показалось мне занятным, как в начале, и я подумал, что, имея на себе халат, а перед собой – только довольно хрупкую женщину, я мог бы и сбежать, а не безвольно плестись за ней. Но я, не очень юный, побитый жизнью, по-прежнему цепляюсь за наивность и любознательность – и все норовлю подставить другую щеку. Этакий Иисус–переросток. Не распяли вовремя, точнее, как-то незаметно сломался и распятия, по случаю, избежал, а теперь подставляй щеку, не подставляй... Вот так я развлекаюсь и иду за своей дамой. География этой квартиры произвела бы на меня впечатление, если бы я не был так задумчив. Мы прошли с десяток шагов прямо, свернули налево, спустились на несколько ступенек вниз, еще раз свернули, снова прошли вперед; коридор теперь подозрительно напоминал не частную квартиру, а, скорее, какой-то офис. На одной двери даже, кажется, была какая-то табличка. Только я не мог разглядеть толком: мы шли быстро, и коридор был освещен слабо каким-то боковым светом. Чем дальше мы шли, тем больше я успокаивался. Под конец стало уже интересно. А что, если меня, прямо в этом замечательном халате, кажется, все же женском, выведут сейчас в большую залу, полную разодетой публики? Хотя вряд ли. Моя дама по-прежнему была в шортах и босиком. Да и с чего бы ей выставлять меня идиотом? А может я вообще попал к маньякам? И я до сих пор не задал ей ни одного вопроса. Ни о той зимней встрече, ни о том, как она меня нашла на крыше. От ошеломленности? От нежелания дурацкими вопросами портить игру? Я и сам не знал. Шел и шел за ней и, по мере приближения к ТОЙ двери, – а дверь была в самом конце официозного коридора, – я по ее спине чувствовал, что она возвращается в то начальное состояние нашей давней близости, и это почему-то делало меня зависимым от нее, и мне снова приятно было смотреть на ее ножки и хотелось отвечать так, как от меня ожидают, чтобы не разрушать подловатое ощущение самозванства.

У самой двери мы остановились. Женщина обернулась ко мне и снова, как тогда зимой, провела вдруг пальцами по моей щеке и уху. Мое ощущение было прежним, ее, похоже, тоже, потому что она снова улыбнулась мне доверительно. Потом взялась за ручку двери и легонько толкнула ее соблазнительной попкой. Признаться, я ожидал увидеть если не залу, то уж роскошный кабинет или, по крайней мере, ярко освещенную комнату. А, может, наоборот, будуар с интимным светом и огромной кроватью. Комната, в которую мы попали, выглядела скорее уныло и обыденно, чем странно, но в этом и заключалась ее странность. Вернее, это была даже не комната, а, скорее, подсобное помещение. Во всяком случае, у комнатки был низкий скошенный потолок, как если бы мы находились под лестницей. Окна не было, но была еще дверь, два довольно старых кожаных кресла и подержанный журнальный стол, над которым низко висела лампа с ярким абажуром. Все это выглядело бы уютно, на мой вкус, если бы не криво поехавший потолок и несвежие стены.

– Ты садись,– сказала моя дама и мягкой рукой подтолкнула меня к креслам.

Я сел в правое и поплотнее запахнул халат. Мои голые ноги со следами битума смотрелись жалко. Ее голые ноги были по-прежнему хороши. Я вообще иногда низенький, серенький и неинтересный, а иногда высокий, статный и обаятельный. Это как получится. Она что-то почувствовала, потому что чуть наклонилась ко мне, приблизила свое лицо к моему и спросила:

– Ты, может быть, хочешь чего-то алкогольного?

Ну еще бы! Хотя если получится как с сигарой... Ответить я не успел. Она исчезла раньше, чем я открыл рот. Оставшись один, я поджал ноги в кресле – кондиционер и здесь работал на полную мощность. Вдруг из-за той, замеченной еще при входе, двери раздался явственный шум спускаемой в унитаз воды. Потом шум другой воды – из-под крана; еще немного погодя дверь распахнулась, и в комнату вошел мужик. Да-а. Я почувствовал, что и попка, и ножки, щедро мне показанные, уходят – да нет, просто уносятся от меня вскачь! Мужик был довольно, но не чрезмерно, высок, лет сорока, но моложав и ухожен. К моему удивлению, он тоже был в халате. Но в каком! В настоящем мужском халате с шелковыми отворотами и кистями. Из-под халата выглядывали ноги в брюках, а из-под отворотов – белая рубашка. Но сильнее всего впечатляло его лицо. В нашей жизни грань между уверенностью в себе и самоуверенностью истерлась как старый половик, но чужому настороженному глазу это различие всегда очевидно. Здесь была уверенность, глубокая и не наигранная уверенность в себе. Словом, это был не киношный сладкий красавчик, а настоящий мужик. Я внутренне ошетинился. Однако он, дойдя до середины комнаты, не обнаружил никакой агрессии. Обнаружил он как раз, наоборот, удивление, почти испуг.

– Да ? – спросил он растерянно.

Похоже, он просто не ожидал меня здесь увидеть. Что же это получается? Мужик посмотрел на меня вопросительно. Интересно, с какого места я должен рассказывать? С крыши? А может быть с удара дверью? Но он сориентировался быстрее.

– А-а, вас привела Джулия. Простите сразу не понял. Вы..?

И он поощрительно наклонил голову. Следовало представиться. Ну, тут мне скрывать нечего. Я приподнялся в кресле, в соответствии со своими представлениями о вежливости, и протянул руку.

– Я – Алекс.

Руки он мне не пожал, и я сразу его понял: моя-то изрядно измазана. Он уселся в кресло, роскошно отпахнув халат и, подавшись ко мне через стол, сказал:

– А я – Гарри.

И замолчал. Даже смотрел не на меня, а куда-то в сторону. Выглядело все это совершенно по-идиотски. Как будто и он чего-то ждал. Мы сидели как два последних пациента в приемной у несимпатичного доктора. Признаюсь, я человек нетерпеливый. Очень скоро мне это надоело. Это было уже не любопытство, а скорее – резкая кислота раздражения, подкатившая из желудка.

– Послушайте, Гарри, я бы хотел понять, что тут происходит и...

Он повернул голову и, по-моему, скрывая неудовольствие, сказал, почти точно копируя мои интонации:

– Послушайте, Алекс, после всего, что произошло, вы либо уходите, либо стараетесь сдерживать свое нетерпение. Кроме того, Джулия сейчас должна вернуться, а начинать разговор без нее... ну, хотя бы, просто невежливо.

Его начальное предложение покинуть этот приют бреда как-то потонуло в боязни невежливого поступка. Похоже, он и мысли не допускал, что я могу встать и уйти прямо сейчас. Я быстренько рассудил, что если у меня есть физическая возможность уйти сейчас,

то, вероятно, и потом я смогу это сделать когда захочу. Мужик он хоть и здоровый, но не бандит явно. Так что силой меня держать не будут, – успокоил я себя и свое раздражение. Тут, наконец, распахнулась дверь и вошла Джулия. Никакого алкоголя она почему-то не принесла, но зато сменила шорты и майку на длинное вечернее платье с огромным декольте. Теперь у меня, похоже, была возможность разглядеть ее грудь. Увы, ноги были куда лучше. Она остановилась передо мной и снова улыбнулась знакомо и доверчиво.

– Ну вот, теперь и начнем, – сказала она, как будто знала, что мы ее ждем.

Круто развернувшись, она уселась на пол почти у моих ног.

– И вот что Алекс, – она говорила доверительно и чуточку с нажимом, но все же ласково. Как медсестра с капризничаящим больным. Я даже не удивился, что она знает мое имя. – Сделаем так: сейчас ты выслушаешь все, что Гарри тебе расскажет, хорошо? А мы с тобой (тут она сделала весьма интимную паузу, черт бы ее побрал!), мы с тобой еще поговорим...

Я, естественно, кивнул. Джулия откинулась на отставленные руки и поджала под себя ноги. Я взглянул на Гарри. Приход женщины никак не прервал его задумчивости. Джулия смотрела на него выжидательно и совсем не как сообщница. До этого момента ситуация и забавляла, и раздражала меня. То есть я сознательно играл во все происходящее со мной. Захочу – прерву этот бред, встану и уйду, захочу – еще немного подурчусь. Однако, когда этот Гарри повернул голову ко мне, я вдруг понял, что что-то изменилось... Как будто ошейник защелкнулся вокруг моей шеи, и поводок сильно натянулся. Это было совсем не гипнозом и никакой не мистикой. Это было совершенной реальностью дурного сна. А между тем, ничего еще не происходило. Гарри только посмотрел на меня и начал говорить.

– Легче всего было бы вообще ничего вам не объяснять. Но я уже заметил, что вы нетерпеливы и раздражительны. Хотя тот факт, что вы все еще здесь, означает, что вы, как минимум, любопытны. Что вас и погубит, – тут он улыбнулся, давая понять, что пошутил. – Знаете, сложнее всего объяснять самые простые вещи. И скучнее всего. Кроме того, если я сейчас начну рассказывать все подряд, то ничего не успею. Поэтому полагаю, что проще и интереснее будет, если я объясню только, чего бы нам хотелось. Ну а дальше вы уж как-нибудь сами постепенно разберетесь. Вы не возражаете? Так вот. Нам бы хотелось, чтобы вы жили в этом доме некоторое время, скажем, недели две. Не один, конечно. Джулия будет с вами почти все время. Делать вам почти ничего не придется, разве только исполнить несколько просьб, которые, вероятно, возникнут у Джулии. Еда и питье, разумеется, за наш счет, плюс, если в конце этого срока мы не договоримся, то вы получите некую сумму денег. Достаточную, чтобы вы не чувствовали себя обиженным. Скажем даже лучше – мы нанимаем вас на эти две недели на работу. Но работу весьма необременительную. Итак, вы остаетесь здесь, общаетесь с Джулией, смотрите по сторонам, соображаете, что к чему, а я встречаюсь с вами через несколько дней, и мы поговорим обо всем подробнее. И я вовсе не собираюсь вас интриговать. Просто, поверьте мне, что так получится и естественнее, и проще для всех. Половина ваших вопросов просто отпадет сама собой, еще на часть вы и сами себе ответите, ну а на оставшиеся я постараюсь ответить со всей возможной откровенностью. Секунду, – он поднял руку видя, что я собираюсь открыть рот, – вы все-таки хотите получить ответы на вопросы типа: почему именно Вы, или, например, – как мы вышли на Вас, и что же все-таки здесь происходит. Но если Вы подумаете, то поймете, что каждый из этих вопросов – просто бездонная пропасть.

Он улыбнулся, посмотрел на сидящую женщину и дальше понес уж совсем ерунду. О том, что в этом затрапезном скучном, в общем-то, мире, где серая обыденность – общий удел, где если и приключаются чудеса, то только, в основном, на экране телевизора, у меня появилась возможность некоторое время пожить в этом занятом месте. И честное слово, ему

просто хочется, чтобы мне было интереснее. Что толку, если бы иллюзионист объяснял публике секреты своих фокусов? Чем хороший фокусник отличается от плохого? Тем, что хороший и сам верит в свои чудеса! В общем, мне предлагают эксперимент. И в качестве кролика, которого достали сейчас из шляпы, и который сам не понимает, как это вышло, буду я. Да, он думает, такое сравнение вполне уместно. И вот что же происходит? И для кролика, и для публики случившийся факт или фокус сузил круг реальности. То есть, иными словами, на шагок придвинул к некоей условной реальности. Честно говоря, дальше я не слушал. Декольте Джулии было куда интересней.

Когда он оттарабанил эту околесицу и выжидательно взглянул на Джулию, я отвлекся и, придав лицу соответствующее выражение, посмотрел на Гарри. Не знаю, как там было на самом деле, но мне показалось в этот момент, что он тут вовсе не главный, а, скорее, подчиненный, и то, что он говорит – просто выученная роль. Он вообще как-то съезжился, как будто произносимые им слова попутно выпускали из него уверенность. В обращенных на меня глазах читалось ожидание, почти страх, что я откажусь. Словно в этом случае его высекут за плохую работу.

Я не знал, что мне отвечать. Вероятно, было уже довольно поздно, и я почувствовал, как меня охватывает сонливость. Мне не хотелось говорить, я так уютно устроился в кресле. Мне было по-смешному жаль этого человека. Останусь конечно, не обижать же его! А, если честно – просто лень вылезать из кресла. Гарри поднялся, мельком взглянул на часы, на Джулию и, похоже, уже собирался идти. Джулия встала.

– Нашего гостя совсем разморило, – сказала она, потирая отсиженную ногу, – слишком много впечатлений. Но все-таки я покажу тебе еще кое-что из реальностей. Вот взгляни.

Она медленно, как на подиуме, прошла передо мной. В вечернем платье она выглядела безупречно. Стройная, милая, ставшая вдруг строгой, как и положено манекенщице. И декольте сейчас не портило ее.

– Ну вот, – сказала она, – это одна реальность, а вот сейчас другая.

И она, отойдя на шаг к стене, вдруг резко и совсем неожиданно для меня подняла платье до пояса. Белья на ней не было. Сохраняя все ту же строгость на лице, она повернулась ко мне спиной и наклонилась вперед. Меня шибануло как током. Каким-то неуловимым, но фантастически сексуальным движением она провела рукой между ног, то ли поглаживая, то ли подставляя себя. Все это длилось несколько секунд. Потом она одернула платье, быстро обернувшись манекенщицей-недотрогой. Гарри оставался невозмутимым. Как если бы Джулия просто добавила в дополнение к его монологу всего несколько слов. Он улыбнулся мне и сказал:

– Ну вот и все пока. Мы еще увидимся. Да, если не возражаете, этой ночью вы останетесь здесь. Он открыл дверь и вышел, пропустив вперед Джулию.

– Спокойной ночи, – сказала она мне, скрываясь.

– Погодите, – опомнился я, – а утром?..

– Ну, утром... утром посмотрим.

И он прикрыл дверь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Косые лучи били прямо в глаза. Солнце уже вылезло из-за высоченного здания слева, и у Сэма не было никакой возможности взглянуть на свое окно. Конечно, приди он, как обычно, на полчаса раньше.... Этот пустяк, ничего не значивший сам по себе – крохотная песчинка в часовом механизме более или менее размеренной жизни – окончательно раздражил Сэма.

Вечер, лето, пятница. Сэм не любил пятниц, как это ни странно. Каждую пятницу, досиживая свой скучный рабочий день, он, помимо воли, представлял себе, что сегодня вечером обязательно что-нибудь произойдет. Что именно, он даже не пытался вообразить. Какое-нибудь милое неожиданное приключение. Ведь вечера в пятницу так и дышат предвкушением чего-то необычного, и, кажется, чувствуешь тот особый аромат приготовлений, что стоит в доме у хорошей хозяйки перед праздниками. Причем, возникает такое чувство именно в пятницу. Суббота уже имеет другой привкус, привкус длящегося, но быстро заканчивающегося и чуточку усталого к концу гуляния. Воскресенье же и вовсе отдает унылым ядом следующей недели.

Каждый раз, возвращаясь с работы, Сэм понимал, что пятница – просто конец рабочей недели, и вся его готовность (или не готовность?) к милым приключениям останется неостребованной. Толпа обтекала его весело и равнодушно. Где-то что-то, конечно же, происходило. Народ торопился куда-то... Сэм неторопливо шел к метро и потом долго ехал домой. Конечно, он мог остаться и побродить в центре в поисках этого своего приключения, но подкрадывался рассудок и доверительно объяснял, что ему, толстому, лысеющему, небогатому клерку...

Потом он, так же неторопливо, подходил к дому, с противоположной стороны улицы заглядывал в свое окно, вздыхал и тащился на третий этаж. Лифта в доме не было. Глупо, конечно, заглядывать в собственное окно, зная, что живешь один. Но каждый раз, каждый день он смотрел вверх не с надеждой даже, а так – играя сам с собой в то, что вдруг там, за стеклом, горит лампа и мелькают тени. В других, соседних окнах он видел такое часто. Это означало, что за отвратительной кожей серого кирпича происходит еще какая-то жизнь – не такая как на улице – тихое и интимное Нечто. Ему было одиноко. Но... размеренность его однообразной скучной жизни убаюкивала.

Сэм вышел из своей конторы и еще в прохладном вестибюле решил, что он и принохиваться не будет к этим запахам праздника. Просто поедет домой и, как обычно, проведет вечер на диване у телевизора. Только сегодня в этом не будет привкуса разочарования. Пятничного разочарования. С которым сжился, как с привычной неудобной обувью. Да, Сэм был чертовски одинок.

В метро ему удалось сразу же сесть, и он довольно хмыкнул про себя – не придется уныло стоять в переполненном вагоне почти до своей остановки. Он немного поерзал, устраиваясь поудобнее между соседями, и огляделся. Слева сидела неопрятная старуха, никак не отреагировавшая на появление Сэма. Нечистым пальцем она задумчиво копалась в пакетике, который держала перед собой; выковыривала оттуда орешек, осматривала его и отправляла в рот. Видно было, как она перекачивает там орешек, стараясь угадать им в самое удобное для ее искусственных челюстей место.

Сэм чуть повернул голову вправо, и его взгляд как теннисный мячик, ударившийся о стену, прыгнул обратно к старухе. Справа сидела очаровательная женщина. Мало того – сидела совсем рядом, касаясь его бедром. И вдобавок смотрела на него. Причем не тем

отвлеченно-невидящим взглядом, каким обмениваются обычно, сдавленные со всех сторон часом пик, люди в метро. Сэм успел уловить это за долю секунды. Взгляд был чистым, без пелены анонимности. Прямо на Сэма. Старуха, тем временем, видимо, неудачно куснув орех, с тем же сосредоточенным видом ковыряла в недрах своих челюстей. Сэм снова рискнул повернуть голову вправо. Тот же взгляд. Теперь Сэм смотрел прямо перед собой, боковым зрением ловя происходящее. Кажется, она уже не обращала на него внимания, и Сэму стало спокойнее. Но тут он почувствовал движение ее бедра. Нет, она не прижималась к нему, скорее, отодвигалась. Сэм скосил глаза на ее бедро и увидел руку – кисть руки. Энергичную, красивую, ласковую кисть с длинными пальцами и жилками, чуть просвечивающими через загорелую кожу. Казалось, рука женщины просто лежит на бедре. Но было в этой руке что-то просто заживляющее.

Сэм скорее почувствовал, чем увидел, что рука слегка поглаживает это плотное теплое бедро, как бы массирует его через легкую ткань, слегка пошевеливая пальцами. В этом, невинном в общем-то, движении было что-то невыразимо эротичное, что-то порочно эротичное. Это была очень откровенная рука. Тысяча самых разных мыслей пронеслась у него в голове. То, что рука выделялась с бедром, было сокровенным и яростным. Но, в то же время, вроде бы, невинным. И поэтому совершенно невыносимым. Сэму стало жарко. Он хотел отвести взгляд, но никак не мог. В голове, где-то далеко, позванивали колокольчики. Даже если бы она так поглаживала не свое, а его бедро, он, кажется, не был бы так смущен. Спустя немного времени он отважился взглянуть ей в лицо. Она смотрела перед собой, но так, что было понятно – краем глаза за ним наблюдают. Сэм тоже старался не отводить глаз от блестящего поручня, уговаривая себя, что это ему только кажется. Но все равно видел эти тихие, незаметные со стороны, ласки. Пальцы стали совершать медленные и крохотные круговые движения, их кончики с маникюренными ногтями чуть подрагивали. Это было маленькое обращенное к нему представление, искреннее и бесстыдное. Сэму казалось, что женщина рядом еле сдерживает рвущееся дыхание, и сам он, против воли, тяжело задышал и напряг низ живота. Колокольчики в голове приблизились и слились в большой мерно раскачивающийся колокол. Тем временем поезд выскочил из-под земли и пошел по железной аркаде над улицей. Вагон, освещенный вечерним солнцем, пустел от остановки к остановке. Сэм изо всех сил боролся с охватившим его наваждением, заставляя себя сосредоточиться на проплывавшем за окном пейзаже.

Неожиданно ее локоть прижался к нему сильнее, и он почувствовал легкое движение – она чуть-чуть прогнула спину, слегка подав назад бедра. Сквозь набат до Сэма донесся не то стон, не то кашель. Это было уже слишком! Колокол в голове замолк, и в полной тишине Сэм вскочил, подкинув старухину руку с пакетиком и, неестественно резко, рванулся к выходу. Как оказалось, в этот самый момент двери поезда, стоявшего на остановке, начали закрываться. Сэм почти проскочил наружу, но сзади дернуло – пола пиджака оказалась в капкане. Он растерянно обернулся, не очень понимая, что происходит. Тут челюсти дверей разошлись, и Сэм увидел откровенно улыбающиеся ему глаза. Нет, это не была его фантазия! Женщина мстительно и удовлетворенно смотрела на него. Двери окончательно закрылись, отделяя его этого подлого взгляда. Поезд ушел.

Постояв на пустом перроне, он понял, что не доехал до дому пару остановок. Садиться в другой поезд ему совсем не хотелось. Он выбрался наружу, пошел домой пешком и, опоздав на полчаса, раздраженный, со все еще пустой головой, остановился на тротуаре взглянуть на свое окно. Ему было обидно. Эта красивая женщина наверняка угадала в нем неизбалованного женским вниманием холостяка, и, движимая непонятной ненавистью, подшутила над ним. Отомстила ему вместо кого-то другого. Зачем ей это? Он ругал себя за то, что не смог насмешливо взглянуть на женщину, за то, что идиотская шутка легко пробила

его броню, которую он все же считал крепкой. Он также понимал, что долго еще будет растревать себя этим воспоминанием. Случившееся беспокоило и раздражало его как пятно на новых брюках.

Чертыхнувшись, Сэм вошел в подъезд и остановился, ища по карманам ключи. Он нашел их в пиджаке и, с чувством облегчения, отпер дверь. Казалось, закрыв ее, он отгородится от всего происшедшего, и сбившаяся с шага пятница снова пойдет по своему привычному кругу. Но случилось совсем не так. Сэм шагнул в вестибюль и придержал за собой дверь, чтобы она не сильно хлопнула. В эту секунду та песчинка, которая попала в отлаженный механизм его пятничных часов, добралась, наконец, до переплетения тоненьких шестеренок, покорежила одну, другую, и вдруг все они, распавшись, стали вертеться в разные стороны, непозволительно и пугающе быстро.

За спиной у Сэма раздался громкий топот; дверь, которую он не успел еще отпустить, сильно и резко толкнули, она ударила Сэма по спине; от неожиданности он сделал какой-то невероятный пируэт, вывернулся и оказался лицом к лицу с набегающим на него человеком. Высокий и плотный, человек этот споткнулся о Сэма. Падая вместе с ним, Сэм услышал очень громкий звук и, через секунду, еще один. Усиленные акустикой вестибюля, они прозвучали как выстрелы. И только уже лежа на спине, подмятый грузным телом, Сэм вдруг сообразил, что это и были выстрелы. Он никогда раньше не слышал выстрелов в жизни. Только в кино. И может быть поэтому, а может еще и потому, что в глубине души не верил, что в людей действительно могут стрелять, Сэму показалось, что все это происходит не с ним. Прозрачная стеночка нереальности приподнялась, но тут же исчезла. Он понял, что это правда. Дышать было тяжело. Воздух, лениво втекая в глотку, не достигал легких, размазываясь где-то по трахее. Человек, лежащий на нем, зашевелился и, приподняв голову, посмотрел назад, туда, откуда стреляли. На Сэма пахнуло хорошим одеколоном и потом одновременно. Человек, упираясь на руки, крихтя, приподнялся и встал. Сэму стало легче дышать, но он не двигался. Человек сверху посмотрел на него, и Сэму сразу не понравился его взгляд. В воздухе между ними зависло что-то такое, что Сэм не мог бы выразить словами, но для себя отчетливо понял, что все это происшествие стрельбой не закончилось, а только начинается. По крайней мере, для него.

Стоявший над ним мужчина был одет в черный костюм и еще что-то черное под ним. Он чуть помедлил, потом решительно и жестко схватил Сэма за отворот пиджака и как-то рывками стал поднимать его на ноги. Сэм и так собирался вставать, чужая рука скорее мешала, чем помогала ему. Когда он оказался на ногах, то выяснилось, что незнакомец почти одного с ним роста, но крепче и без животика. Он стоял и все так же молча смотрел на Сэма. Сейчас Сэму показалось, что он играет в какую-то игру и, по незнанию, нарушил главное правило, а этот ждет, что же он сделает дальше. Сэму захотелось выйти из игры и вообще из парадного, на улицу, к людям. Ему даже в голову не пришло (вернее, пришло, но позже), что тот, кто стрелял, может быть где-то там. Он бездумно сделал движение к двери.

– Куда? – незнакомец схватил Сэма за руку, – а ну пошли домой!

И в голосе, и в движениях его была явная угроза. Это немного задело Сэма. Стараясь сохранить достоинство, он двинулся к лестнице, думая, что этот тип просто хочет остаться один. Однако он тут же получил толчок в спину.

– Давай, давай, покажешь, как ты тут живешь!

Ничего себе – пятничное приключение! – подумал Сэм, входя в свою квартирку. Его новый знакомец, невежливо оттиснув его, прошел в комнату первым и сразу направился к окну. Осторожно выглянув наружу, он повернулся к Сэму.

– Ну что, один живешь?

– Один.

– Ну вот что, приятель, можешь звать меня Джо. А ты кто?

Сэм, стараясь сохранить некое подобие приличий, представился и уже хотел было предложить гостю садиться, но подумал, что Джо мало напоминает гостя. Скорее, хозяина. Джо, тем временем, прошелся по комнате, остановился перед телевизором, что-то начертил на его пыльной поверхности, потом повернулся и сразу стал говорить.

– Ты ведь не думаешь звонить в полицию? Правильно. Тут вот какое дело – я посижу у тебя немного. Может полчаса. Ну а потом... потом мы посмотрим. И еще: книжки ты читал, так что дурацких вопросов задавать не будешь.

Джо устало развалился в единственном кресле.

– А бабы у тебя нет, я вижу. Ну и хорошо. Без визга. Бабы, они...

Тут он прервал сам себя, подался вперед, и в глазах, до сих пор бездушно-жестких, появилось выражение... какое – Сэм не понял.

– Ну, расскажи, как ты живешь.

Такое предложение, услышанное от бандита (а то, что перед ним бандит, было очевидно), расстроило Сэма. Как ответить на этот вопрос незнакомому человеку? Рассказать свою биографию? Опасность, реальная, безобразная опасность заполнила его квартиру. Как сделать так, чтобы не рассердить этого человека, он не знал. Как сделать, чтобы он ушел или, по крайней мере, выпустил его, Сэма, он тоже не знал. Сэм вспомнил свое глупое приключение в метро и хмыкнул про себя.

– Ну, что молчишь? Значит, прожил ты на свете столько лет, а сказать нечего?

Джо произнес это с интонацией школьного учителя, отчитывающего непутевого ученика, и Сэм на секунду почти поверил, что если он пообещает исправиться и в дальнейшем стать таким, каким его хотел бы видеть этот человек, то его отпустят домой.

Сэм старался не смотреть в это страшное лицо, однако, по каким-то грозным признакам, может быть, по надувающимся жилам на шее говорящего, по его поджатым напружинившимся ногам, по руке, которая сжимала и разжимала кулак, по чему-то еще неуловимому, он понял, что Джо специально разжигает в себе гнев против него. Разжечь в себе гнев, чтобы получить моральное право на... «Неотвратимость» – страшное слово – крутилось в голове у Сэма. Этого не может быть, но это будет. Не может – но будет! Сэм присел на диван. Эх, если бы не этот случай в метро, он давно бы был дома! Если бы он чуточку быстрее открыл дверь в парадном! Если бы...

– Уверен, что ты даже лотерейных билетов не покупаешь! Конечно, ты бы не знал, что делать со свалившимися на тебя деньгами. Но известно, что везет на дурные деньги именно таким гаденышам. У которых и желаний-то нет. Вот что бы ты хотел иметь в этой жизни?

Сэм вообще-то мог бы рассказать о своих тенях за окном, но понимал глупую неуместность разговора, да Джо и не ждал ответа. Он говорил. Впрочем, что-то вдруг изменилось. Неизвестно почему у Сэма перестало давить за ушами, и только язык слегка покалывало кислым. Джо отвлекся. Он стал рассказывать, что бы сделал с выигрышем миллионов этак в пятьдесят–шестьдесят. Сейчас он уже не хотел убивать Сэма, а снова развалился в кресле, улыбнулся и спросил:

– Слушай, а тебе везло в жизни? В карты, с бабами, еще с чем? В казино играл?

Сэм смущенно улыбнулся. Он был однажды в казино, лет десять назад. Когда он вошел в огромный зал, заставленный автоматами, то первое, что его поразило, была легкая дымка сумасшествия, повисшая над погруженными в игру. Освещенные разноцветными вспышками лица людей, глубоко ушедших в себя и не отводивших взгляд от автоматов, чья механическая воля была сильнее их собственной, казались безумными. Необходимость соприкосновения с этим безумием, его неприглядность вытолкнула Сэма из казино на свежий ветер морской набережной. Больше он в казино не ездил.

Джо рассмеялся. И вдруг, резко, из смеха сорвался в крик:

– Ты козел! Понял? Козел!

Он сильно подался вперед, и теперь его покрасневшее лицо было совсем близко от Сэма. От неожиданности, от непонимания, за что его ругают, от чего-то звериного, рвущегося из этого разрезающегося рта, Сэм совсем растерялся. В общем-то, в своей жизни он слышал ругательства и похлеще. Но никогда никто не кричал на него так громко, да еще и придвинувшись почти вплотную к его лицу. В этом было что-то ужасное и завораживающее. Вдруг Джо так же неожиданно замолчал и откинулся на спинку кресла. Сэм поднял глаза. Джо в этот момент, глубоко затягиваясь, прикуривал сигарету. Их взгляды встретились.

– Ну? – спросил вдруг Джо и неожиданно бросил в Сэма зажигалку, от которой только что прикурил.

Сэм вздрогнул и инстинктивно поднял руку – зажигалка летела прямо в лоб. Чистая случайность, но со стороны получилось эффектно: резко брошенная и так же резко пойманная в ладонь штучка. Четкость жеста удивила Джо, и это было видно. Чтобы не выдать того, что и для него это неожиданность, Сэм стал рассматривать зажигалку. Тяжелый золотой кругляш с черной эмалью. Пошлый, но эффектный рельеф – нагая женщина в лапах дракона. Женское тело было выполнено восхитительно реалистично. Дракон казался только лишь ее сексуальной фантазией. Странная штука.

– Нравится? – спросил Джо. – Антикварная вещь. Раньше, лет пятьдесят назад, а может и сто – была рукояткой чего-то. Потом края обрезали, а что осталось – переделали в зажигалку. Говорят. Я ее получил от одной сумасшедшей тетки на пляже в Палм-бич. Знаешь, бабка лет шестидесяти, богатая как зараза. Я ее вечером там встретил, на пляже. Что мне вдруг стукнуло в голову – не знаю. Никогда раньше такими глупостями не занимался. Может молодой еще был. Ну, вечер, темнеет, на пляже никого. Так я ее к воде протащил – там если лечь, с набережной не видно. Вырывалась, сука, аж вставные челюсти вылетели. Но я ее все равно повернул спиной и оттрахал. Знаешь, она рычит, выворачивается, а я не понимаю – то ли сопротивляется, то ли от удовольствия. Ну а потом отпустил ее, она встала и смотрит на меня. Ну что, говорю, трипперка у тебя не водится, надеюсь? Она ухмыльнулась, а смотреть страшно – челюсти выпали, рот внутрь запал – ведьма. Ну и пошла в темноту. И челюсти, и сумочку оставила. Тут меня зло взяло, я догнал и как врзал ей под зад ногой, суке. Она пару шагов пробежала и свалилась. Ну и я свалил к черту. Сумочку, конечно, взял. Представляешь, идитотка, – куча денег с собой, плюс мелочевка всякая. Ну и эта зажигалка. Так что память.

Джо приостановился и стряхнул пепел сигареты себе же на ладонь. Эта странная, почти интеллигентская ужимка – не ронять пепел на пол, после жуткого рассказа, кольнула Сэма; ему показалось, что Джо специально выдумал эту историю, чтобы напугать его. Он почему-то успокоился. Даже осмелел и подумал: не подыграть ли ему и не бросить ли зажигалку обратно в Джо. К счастью, в этот момент где-то в карманах у Джо зазвонило, и он, щурясь от дыма, достал мобильный телефон. Разговор был коротким.

– Ну?... Понял... И теперь что?.. Ладно.

Он спрятал телефон, поднялся и, все еще держа на ладони пепел, подошел к окну. Вряд ли он мог что-либо увидеть в наступивших сумерках. Сэм наблюдал за ним с дивана. От Джо опять повеяло опасностью. Он выбросил окурочек в окно, растер почему-то пепел между ладонями и сказал:

– Ну все, давай, пошли.

По плану Джо Сэм должен был выйти на улицу первым, дойти до угла, до магазинчика, круглосуточно торгующего газетами, сигаретами и прочей нужной в любой момент ерундой, войти в него, оттуда оглядеть улицу и ждать появления красной «Тойоты». Как только она появится, он, как можно быстрее, побежит в противоположную от дома

сторону. Это был какой-то отвлекающий маневр, и Сэм прекрасно понимал, что это может стоить ему жизни. Но отвратительный, жестокий, властный Джо неожиданно очаровал его. Он чувствовал себя мальчишкой, принятым во взрослую игру. Он уже был совсем не тот маленький несмелый толстячок, которого может смутить нескромная баба в метро. То, что он рискует жизнью из-за бандита, ничего не меняло. Какая разница, кто этот Джо? Конечно, у него вроде и выбора-то нет. Но это не так. Он сам захотел участвовать в этой вылазке. Или еще в чем-то необычном и очень опасном. Поэтому Джо стал Возможностью, Случаем, от которого Сэм не собирался отказываться. Тем более, что Джо все равно не позволил бы. Но Сэм не был жертвой. По крайней мере, себя таковой не ощущал.

Он надел свой черный пиджак, и они вдвоем подошли к зеркалу.

– Нормально, – сказал Джо, – в потемках сойдет.

И Сэм почувствовал – он гордится тем, что в темноте его можно принять за Джо.

Удивительная возможность хоть ненадолго сыграть в жизнь другого, такого непохожего на него самого человека возбуждала его до дрожи. Да, его колотила нервная дрожь, но это была дрожь актера перед премьерой. И он знал, что и Джо это понимает.

Внизу, перед выходом на улицу, Джо легко подтолкнул его плечом.

– Все будет хорошо, увидишь. Рисковать жизнью стоит, когда эта жизнь стоит риска.

А вообще, начни хотя бы с лотерейных билетов. Таким везет, говорю тебе. Ну, давай!

Когда Сэм отошел немного от двери, возбуждение игры вдруг оставило его. Ему стало страшно. Вокруг, на улице не было никого. Стояла обычная для конца дня пауза: все уже пришли с работы, но еще не собрались куда-либо выходить. В голове Сэма крутилась бессмысленная фраза «рисковать жизнью стоит, когда жизнь стоит риска». Чем больше он повторял ее, тем страшнее ему становилось. Он не побежал только потому, что ему казалось, что он идет по стеклу, и резкое движение обрушит его куда-то вниз. Он делал шаг и ждал звона, взрыва, выстрела, чего угодно. Когда он подошел к магазину, и на него упал красноватый неоновый свет витрины, он не выдержал и обернулся. За ним кто-то шел. Тусклые уличные фонари не давали возможности разглядеть этого человека. Сэм обмер. Во всех виденных им идиотских детективах преследуемая жертва почему-то избегает людных мест и выводит преследователя в какие-нибудь подвалы, на чердаки, стройки, словно хочет помочь убить себя без хлопот, помех и свидетелей. Сейчас Сэм понимал, что лучше всего ему укрыться в магазине: там люди и есть шанс, что стрелять не будут. Но он не мог заставить себя повернуться спиной к идущему человеку. Тогда Сэм попятился. Он добрался до входа в магазин и тут сообразил, что идущий за ним человек – Джо. Что-то пошло не так. Джо не должен был идти за ним. Это не по плану. Однако Джо, приближаясь, сделал рукой движение, которое Сэм расценил как приказ войти в магазин. Сэм юркнул вовнутрь, но тут же выскочил, не уверенный, что правильно понял приказ. Они столкнулись в дверях. Что-то явно шло не так. Джо резкими поворотами головы огляделся и подмигнул застывшему Сэму.

– Все нормально, парень! Просто немного поменялись планы. Но ничего страшного. Сейчас все кончится, и ты пойдешь домой.

Джо толкнул Сэма к прилавку, а сам остался стоять в дверях, как бы намеренно давая возможность разглядеть себя с темной улицы. Похоже, он был совершенно уверен, что опасность миновала. Трясшее Сэма возбуждение начало стихать. Он оглядел магазин. В знакомой вот уже сколько лет лавочке, где он часто покупал нужные мелочи и обыденный утренний стаканчик кофе, никого из покупателей не было. Странно, обычно по вечерам, здесь, вокруг Али – владельца и единственного продавца – собирается небольшой клуб пенсионеров. Курят, без конца пьют кофе и, так же без конца, спорят по пустякам. Клуб одиноких людей. Сегодня пространство перед прилавком было пусто. Более того – за прилавком вместо Али стоял совершенно незнакомый Сэму человек. Человек этот,

сухощавый и невысокий, совсем не обращал внимания на смотрящего на него Сэма, но зато не сводил застывшего, гипнотизирующего взгляда с загораживающего вход Джо. Ничего еще толком не понимая, а только предчувствуя что-то очень нехорошее, Сэм хотел было поднять руку, крикнуть, как-то предупредить Джо, стоявшего спиной к нему и к странному продавцу. Но все вокруг опять подернулось дымкой нереальности, и Сэм мог только наблюдать за происходящим, не в силах вмешаться и повлиять на него.

Он уже почти знал, что сейчас случится. Но, тем не менее, когда Джо начал поворачиваться в дверях, а маленький продавец пружинисто перескочил через стойку прилавка, ужас и неотвратимость того, что он видел сейчас перед собой, свинцом (тем, еще не выстреленным) придавили Сэма. Он начал медленно опускаться на колени.

Возможно, именно это движение и спасло ему жизнь, потому что маленький продавец два раза выстрелил в Джо, метнулся к выходу, а на пороге, обернувшись, послал пулю и ему, Сэму. Но голова Сэма и его колени двигались в этот момент вниз и пуля пролетела где-то высоко. Продавец исчез.

Сэм и не заметил, как Джо упал. Он только увидел, что тот лежит в какой-то очень обыкновенной позе прямо на нечистом полу. И если бы не кровь, казавшаяся коричневой на черной ткани пиджака, Сэм легко поверил бы, что Джо пришла в голову такая дикая идея – полежать посреди магазина.

Джо пошевелился, и это вывело Сэма из оцепенения. Он, как был, на четвереньках, ударяя колени о жесткий пол, подскочил к лежащему. Тот чуть приподнял голову, посмотрел в сторону двери, а потом то ли оскалился, то ли улыбнулся, широко раскрыв рот. Почти так же, как тогда, когда кричал на Сэма.

– Ну чего, все что ли? А может еще и нет, а? Ну, чего смотришь? Чего смотришь, вали отсюда!

– Но вам... Вам нужна помощь!

– Нужна, только не твоя, идиот. Говорю тебе – сматывай!

Сэм, опять подчиняясь этому человеку, начал медленно подниматься с колен. Джо со стуком откинул голову на пол и, прищурившись, всматривался в неслепящий неоновый свет. Сэм испугался. Он никогда не видел умирающих людей. Но Джо не умер. Он неловко подвинулся, сунул руку в карман и протянул что-то Сэму.

– Это тебе, на память.

В руках у Сэма оказалась знакомая золотая зажигалка и листок бумаги – голубой клочок с желтыми разводами. Джо снова широко оскалился:

– А старуху я тогда от души отделал. Приятно вспомнить, даже сейчас. И еще: лотерейный билет. Тоже тебе. Я купил, но, может, тебе повезет. Говорю – таким как ты только в этом и везет. Проверь обязательно, слышишь? Там пятьдесят миллионов выигрыша. Ну вот. А теперь быстро отсюда! Быстро!

Двигаясь как автомат, Сэм забрал подарки и вышел из магазинчика в темноту улицы. Там было совсем тихо, и огни в окнах горели по-прежнему спокойно и уютно, как будто ничего не случилось.

Дальнейшее Сэм припоминал довольно смутно. И сирену, и полицейских, подхвативших его сзади почти у подъезда, и кабинет следователя. Из полицейского участка он выбрался только под утро, что-то там подписав. Остался ли жив Джо, он как-то забыл спросить у полицейских, а потом так и не узнал. Слишком необычным оказался для Сэма этот пятничный вечер. Но только на этом неожиданности не закончились. Через несколько дней, придя в себя окончательно и даже ощутив некоторую гордость за свою отчаянность, Сэм обнаружил в кармане зажигалку и билетик лотереи. Зажигалку, поскольку не курил, положил обратно в карман пиджака, который спрятал подальше. Жарким летом черный пиджак не нужен. На

билет долго смотрел, потом решил, что проверить его будет выполнением какого-то долга по отношению к сгинувшему бандиту. Что аккуратно и сделал в тот же день. Дальше все опять понеслось вскачь, кувыркая и подбрасывая обмягшего Сэма. Так необычно доставшийся ему билет – жалкая помятая бумажка – выиграл пятьдесят миллионов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кажется, я спал. Во всяком случае, совершенно онемевшая нога свидетельствовала о том, что забылся я, как минимум, часа на три, если не больше. Я все так же сидел в кресле, вернее, полулежал, подогнув ногу, за что она, похоже, и отказалась от меня. С трудом встав, я поволок свою ногу в ванную; ни зубной щетки, ни полотенца – ничего себе, богатенький домик! Видимо, автоматизм этой утренней процедуры потянул за собой следующий этап – мне захотелось есть. Я вернулся обратно в комнату. Дверь, через которую меня привели, помнится, закрыли на ключ. Очередная идиотская ситуация. Хорошо, если за мной вскорости придут. А если нет? Ломиться в дверь? Да хрена ли в конце-то концов, жрать хочется! Я уж было совсем собрался ударить обеими кулаками в дверь и громко позвать, но в эту самую секунду сообразил, что не помню, как зовут приведшую меня сюда даму. Я как-то не сконцентрировался на ее имени, было много отвлекающего в тот момент, когда он представил... Тут я сообразил, что и его имени не задержал в памяти. Нет, конечно, это не гипноз, просто имена не казались главным в тот момент, вот я и не... Ну что, попробовать помедитировать? Обычно напряжением то ли воли, то ли памяти я могу восстановить забытый номер телефона. Но имя... Я напрягся и представил себе ее. И почему-то в тот самый последний момент перед ее уходом. Вот некстати, черт! Вместо ее имени всхрипнул и зазвонил внутренний мой будильник, доходчиво и непререкаемо указывая: утро наступило. Но его же, будильника, колючие стрелки безжалостно полоснули и по желудку. Есть, пить, курить. Причем есть не обивку этого кресла и пить – не воду в туалете. Я оглядел комнату и безнадежно пошел к двери. Вдруг само собой всплыло имя – Джулия... Кажется, Джулия. Я представил себе, как славно это будет выглядеть по ту сторону двери – рвущийся на волю индивид с плохой памятью, выкрикивающий какое-то постороннее имя. Эта история пытается безжалостно дохлебать остатки моей уверенности в себе, заполняя высвободившееся место подлой рефлексией. Ну уж нет, голодать не буду! Мне обещали кормежку, в конце-то концов! Решительно схватившись за ручку, я резко дернул ее вперед-назад. Хорошо еще, что дверь открылась на меня тяжелее и медленнее, чем сработало мое желание выжить и не покалечится. Я успел убрать и нос, и ногу. Оп –ля! За дверью, шагах в трех от меня, стояла моя Возможно-Джулия. Улыбалась ли она, я не заметил, ибо сила моего права на кормежку, совсем не израсходованная на дверь, вынесла меня к ней.

– Доброе утро, – почти агрессивно сказал я, – а нельзя ли выпить кофе с чем-нибудь?

– Добрый вечер, – сказала она мне почти так же агрессивно, и секундой позже я отметил это несоответствие в приветствиях.

– Я что, сутки почти проспал?

Разогнавшись, я продолжал говорить в хамоватом тоне, и мне это понравилось. Тем более, что она приняла его совершенно естественно.

– Нет-нет, ты спал часа три.

– Послушайте, я без часов, но по моим ощущениям...

Тут я не удержался и хмыкнул, и впрямь ощутив свой будильник. Она молча и как бы понимающе отстегнула с запястья и протянула мне мои часы, забытые в ванной. Не попорченный битумом циферблат показывал семь минут первого. Я взглянул на нее. Она по-прежнему была в длинном платье, только теперь из-под декольте нахально высовывался белый лифчик. Ну да часы можно было и перевести. И вообще мне объяснили уже, что я – кролик, которого теперь, кажется, начинают вытягивать из-за спины на потеху почтенной публике. Она, очевидно, уловила, о чем я подумал, улыбнулась и дернула головой.

– Ну, пойдём поужинаем.

Только двинувшись за ней по знакомому коридору, я почувствовал, что начинаю привыкать к очаровательному несоответствию места действия с моим нарядом. Чем плох этот мой халатец? Возникшее с ходу дурашливое настроение, не снижая оборотов, запарило где-то на уровне груди, которую я произвольно выгнул сейчас почти молодецки. Мы снова двигались то вверх, то вниз, и я уж решил, что возвращаюсь в ту первую, пропахшую сигарой комнату. Но где-то мы свернули не туда и снова прошли вдоль цепочки кабинетных дверей. Я подумал, что если она приведет меня сейчас в залу, полную народа, я, пожалуй, приму это как должное.

Мы вошли в помещение, длинное и пустое, как ангар без самолета. У дальней стены я разглядел что-то вроде стола из нержавеющей стали с отверстиями для судков, какие можно увидеть в дешевых буфетах. Рядом стоял блестящий бак с черным пластмассовым краником – видимо, кофе. Ага, здесь меня будут кормить! Я ускорил шаг: есть очень хотелось. Однако этот естественный порыв был прерван в самом начале. И не подружкой моей. Просто слева от себя я увидел окно. Правда, оно было закрыто тяжелыми темными портьерами, сдвинутыми почти наглухо. Почти. Но не совсем. В щелку между половинками явственно был виден свет. Яркий дневной свет. Ах вы, мистификаторы! Я резко изменил направление движения, шагнул к окну и дернул за штору. В лицо ударило отраженным от соседнего дома солнечным светом. Трудно было понять, который час, но где-то около полудня, судя по яркости солнца. В доме напротив на уровне моего окна был балкон. Обычный балкон с цветами в пластиковом ящике. Вот так вот. Попались на дешевом вранье! Добрый вечер, плавно переходящий в полдень. Похоже, что и часы мои переведены не были. Зачем? А вот про окна забыли. И эта ерунда резко и неуклюже оборвала тот мотив, то идиотское чудо, в которое я еще вчера вечером был вовлечен. Даже стоящая за моей спиной женщина показала мне разгаданной и поувядшей. Чувство облегчения и разочарования опустило мою душу на землю, вернее, даже под нее – я вспомнил, что у меня, в кармане оставшихся где-то там джинсов, нет денег на метро. М-да, кролик вместе со зрителями видит, откуда его в самом деле вытащили. Ну и что? Теперь поем и поеду потихонечку домой, копперфильды несостоявшиеся... Я обернулся, наконец, к моей даме. Она по-прежнему улыбалась, лифчик белый и какой-то пуритански закрытый высовывался из прорези декольте еще больше.

– Ничего не хочешь мне сказать? – нагло спросил я.

– О, да конечно, вон там кофе и еще всякое... я поем с тобой.

Она вздохнула, бросила взгляд на окно и двинулась к еде. Представление, кажется, окончено. А жаль. Было в нем что-то такое... Первая же их шутка не удалась, а она явно готовилась. Плохо готовилась, еще хуже получилась. Теперь, после этого солнца в начале первого ночи, не только эта женщина, но и ее приятель в роскошном халате, выглядели жалким шутовскими тенями недалеких развлекающихся нуворишей. Сейчас я почувствовал себя обманутым. Как-то слишком просто и глупо обманутым. Нет, господа, кролик готов принимать участие только в остроумных или, по крайней мере, интересных ему фокусах! Извините, ребята! Тем временем я очутился у стола с судками. В них и впрямь что-то дымилось, однако, совершенно неожиданно, есть мне расхотелось, даже сам запах еды вызвал, как у беременной женщины, легкую тошноту. Я налил себе кофе в бумажный стаканчик и огляделся в поисках стола. Его не было. Моя спутница, положив себе на бумажную тарелку салат, не долго думая, подпернула подол платья и, скрестив ноги, довольно грациозно уселась на пол по-турецки, поставив перед собой тарелку. Смелый взмах подолом, кажется, предназначался для меня: под платьем так и не было белья. К сожалению, я не успел этого разглядеть, но я уже научился кое-что читать по ее мимике. Опять промахнулись. Выше, выше надо было платье поднимать! Вот вчера вечером это было вполне на уровне показано. Я, однако, ничего не сказал, уселся таким же образом напротив нее.

Хотелось, конечно, и мне, в качестве ответного жеста, раздвинуть полы моего халата, под которым тоже ничего не было, но как-то разонравилась мне эта игра. Утро, лифчик, все вместе – не интересно...

Кофе был неожиданно густой и вкусный. Ну вот и славно! Я отпил из стакана и прилег на бок, подставив руку под голову. Утренняя поза. Лев изготовился к вопросу. Но я не торопился задавать напрашивающийся вопрос и смотрел на нее вполне благодушно. Она, однако, выглядела ничуть не смущенной допущенным промахом. Ну что ж, я великодушен, особенно после кофе! Молчание затягивалось, но не было мне в тягость. Я напоминал сам себе доброго, но очень занятого чтением газеты отца, которого его малое чадо с горящими глазами вовлекает в игру. Ребенок почти искренне верит, что они на захваченном бурей корабле, и мечется по кухне, убирая, в меру своего разума, паруса и снасти, а отец из-за газеты подает, тоже в меру своего разума, соответствующие реплики. Но игра заканчивается – и не на том месте, где корабль тонет, а тогда, когда папа слишком уж невпопад шепотом кричит, что земля близко. Но я не торопился. Мне хотелось послушать, что мне скажут напоследок. Она тем временем лениво отставила тарелку и переменила позу, вытянув левую ногу вперед и почти касаясь меня босой ступней. Тут я не удержался и сказал:

– Ну что ж, утренний кофе был очень хорош.

Она удивленно приподняла брови и спросила:

– Ты что, обиделся?

– Да нет, за что же?

– Ну, не знаю, тон у тебя такой, будто ты сейчас встанешь и уйдешь. То есть ты, конечно, можешь это сделать, но я поняла, что вы с Гарри договорились. И потом, куда же ты пойдешь ночью? А главное (тут она снова как-то резко изменилась в лице и шкодливо скосила глаза), – главное, что, если ты выспался, то кофе – это еще не все, что ты мог бы получить сегодня.

Сейчас, в свете дня, мне бы пришлось делать над собой усилие, чтобы ощутить ее чары. Проколовшись с окном, они резко обесценили все остальное. Но быть невежливым не хотелось.

– Я просто слегка растерялся, – начал я, глядя чуточку вверх ее головы, – человек ведь всегда пытается все себе объяснить, ну и... В общем, не знаю даже, что и сказать.

У меня не хватало духу сказать ей, что она нагло лжет мне в глаза о нынешнем времени суток.

– Конечно, хорошо бы получить объяснения всему этому. Ты нашла меня на крыше... И потом, зимой еще...

– Я, наверное, тогда сильно ударила тебя дверью? И ты до сих пор не можешь прийти в себя.

И снова волна тогдашнего неуловимого ощущения подобралась ко мне. Я почувствовал, что и действительно, эхо того комического удара сейчас завибрировало в голове. Ну черт с ним, с окном, но все остальное... Эта женщина... Сейчас я точно вспомнил, что ее зовут Джулия. И сообразил, что, заметив обман, я попытался упростить ситуацию, свести ее до обыденного уровня плохо сработанного трюка.

– Ты не смущайся, – Джулия встала, оправила платье и сделалась неприкасаемо вежлива. – А на крыше я не могла тебя не найти. Как это объяснить? Не знаю.

– И я не знаю, – неожиданно сказал я.

Сказал скорее раздраженно, чем любезно. Вообще мое отношение к происходящему и к этой женщине менялось на противоположное с частотой, которую в пору обозначать в килогерцах.

– Вот, например, – продолжила она, игнорируя мое замечание, – миллионы людей смотрят каждый вечер телевизор, а только, может быть, сотая их часть представляет себе, как он работает. Разве это кого-нибудь раздражает? Или мучает? Ну заглянет какой-нибудь любознательный вовнутрь, увидит пыльные проводочки – и все. Фильм ведь от этого не станет более интересным.

Она захихикала. Вот именно, захихикала как школьница, сказавшая скабрзность.

– Да, – тут она, словно фокусник, вытащила из-за спины пачку сигарет, – ты, наверное, хочешь курить.

И протянула их мне. Надо не курить много долгих часов, чтобы понять, с каким остервенением я стал срывать целлофан.

– Ты не обидишься, если я тебя оставлю ненадолго?

Джулия снова интимнейшим образом взглянула на меня. Я пожал плечами. Тогда она шагнула ко мне и босой ногой слегка погладила меня по щиколотке. Меня кольнуло. Я не знал, что мне делать. И еще эта дурацкая пачка сигарет в руках! Но она не дала мне времени на ответ и бойко рванула к выходу. Через пару секунд я услышал, как клацнула закрывающаяся дверь. В каждом мужике, наверное, сидит распутный ребенок: после ее прикосновения я почувствовал, что готов еще некоторое время поиграть в предлагаемые мне игры. Хотя тонкий внутренний голосок, претендуя на объективность, снова затевал безнадежный монолог, но... в конце-то концов, какая мне разница, что сейчас за окном – день или ночь? Ведь не пророком и не дьяволом объявлял себя этот Гарри! Ну сказали мне, что сейчас ночь. Ну случайно я... Секунду, а может быть никакой ошибки и не было? Джулия совсем не смутилась, увидев, как я раздвинул портьеры. Зачем им нужно было, чтобы я обнаружил, что они меня мистифицируют?

Я достал сигарету из пачки и неожиданно не обнаружил спичек. Однако не успел я даже отчаяться, как нашел зажигалку возле бака с кофе. Зажигалка оказалась необычной, и я, затягиваясь, рассмотрел ее с интересом. Похоже, что золотая, вещица в углублениях была покрыта черной матовой эмалью. Выпуклая часть изображала обнаженную деву в неестественно эротичной позе, ласкающую чешуйчатого элегантного дракона. Мягкая драконья лапа бесчувственно обнимала женские бедра. То ли по неумению мастера, то ли по замыслу, но, против обычного взгляда на подобный сюжет, казалось, что это дева насилует дракона, а он, бедный, почти покорился своей участи. Я поостерегся оставлять зажигалку на столе, полагая, что лучше отдам ее Джулии, когда она вернется, и потому просто сунул ее к себе в карман к сигаретам. Вот и славно. Первая сигарета после многочасового перерыва приятно закружила голову. Я встал, чтобы налить себе еще кофе и тут почувствовал, что липкий пот собрался у меня под коленями. Эге, да в этом помещении нет кондиционера! И только отметив это, сообразил, что мне душно. Странно, духота обычно ассоциируется с маленькими захламленными помещениями. Я же находился в просторной, если не считать стола, необставленной комнате. Было душно. Нет, потолок не пошел кошмарно опускаться на меня, я не задыхался, но... Я быстренько оглянулся и вдруг обратил внимание, что во всем длинном помещении только одно окно. Свежего воздуха, конечно же, захотелось еще больше.

В первый раз я, раздвинув портьеру, так ее и оставил. Но Джулия, уходя, видимо, вернула ее на место. Я снова потянул в стороны половинки тяжелой ткани. На секунду мне представилось, что сейчас я обнаружу за окном глубокую ночь. Вот это был бы фокус! Но нет. К счастью, нет... или к сожалению. Солнце все так же отражалось от соседнего дома. Славно. Теперь открываем задвижку и тянем нижнюю половину окна вверх. Однако, еще не закончив это последнее движение, я ощутил не запах свежести и не жар прокаленного воздуха. На меня пахнуло тем, что иногда незаконный сквознячок контрабандой доносит в театре со сцены в партер – запах электричества, пыли и каких-то механизмов. Идиотское

электрическое солнце светило откуда-то слева и сверху на довольно искусный муляж стены с балконом. Удачно найденные перспектива и пропорции создавали иллюзию удаленности. На самом же деле, перегнувшись, я мог бы дотянуться до стены рукой. Взглянув вниз, я обнаружил покрытый чем-то черным пол, опущенный несколько ниже, чем тот, на котором я стоял. Вот тебе и доброе утро! Зажав недогоревшую сигарету в руках, я стоял и пытался сообразить – что же я, собственно, должен чувствовать. Неожиданно этот трюк со стеной мне понравился. Вроде и незатейливо, но сыграно чисто.

Милейшая дама невинно не обратила внимания на утреннее окно, давая мне полную возможность насладиться ситуацией. Зачем? Чтобы игра стала еще глупее? В общем-то, шутка простенькая, хотя и дорогостоящая. Что, предполагалось, я должен был почувствовать? Облокотившись на мнимый подоконник, я стоял и покуривал, пуская дым внутрь комнаты с декорацией. Интересно, хотели ли они, чтобы я обнаружил подделку? Чем глубже я уходил в возможные хитросплетения ситуации, тем меньше верил самому себе. Здравый смысл, если он у меня был, говорил мне, что, скорее всего, все это – какая-то дурацкая игра, а фальшивое утро за окном ни о чем не говорит. Но вполне возможно, что сейчас и в самом деле утро... Хотя, может быть, и вечер. Однако привитая жизнью склонность предполагать плохое, хотя бы для того, чтобы не казаться самому себе наивным, с назойливостью швейной машинки прострачивала здравые предположения крупными стежками абсурда. Меня хотят лишить представления о времени и, более того, попросту предлагают не верить своим глазам: день может оказаться ночью, женщина – мужчиной, а пол – потолком. Чтобы свести с ума. Только вот зачем им сводить меня с ума? Не верится мне в эти эксперименты! Впрочем, мне уже было предложено не задавать вопросов и поиграть в таинственность, благо, случай подвернулся. Предположим, меня наняли на работу в качестве подопытного кролика или крысы. Пустили в лабиринт и теперь наблюдают со стороны, что же это я буду делать. Кстати, весьма возможно, что где-то в доме спрятаны видеокамеры. Очень уж вовремя появлялась Джулия. Значит, если отбросить вариант дешевого триллера, то я принимаю условия игры и иду по лабиринту по своему усмотрению.

Я загасил окурок и вынул из пачки еще одну сигарету. Где-то там, за окном, была вытяжка, потому что дым исправно уносило вверх и вбок. Все еще держа зажигалку в руке, я высунулся подальше, пытаясь рассмотреть потолок. Проклятый прожектор бил почти в глаза, и потолка я так и не увидел, однако, влезая обратно, я неудачно уперся рукой и выронил зажигалку. Тяжеленькая вещица почти беззвучно упала на пол, крутанулась и, словно скользя по наклонной плоскости, ринулась к декорации. Сейчас она лежала прямо под балконом. Я усмехнулся. Интересно – это тоже подстроенный трюк? Мне предлагается залезть в декорацию, попасть в утро, в зазеркалье, еще черт знает куда! Странно, но лезть за зажигалкой мне совсем не хотелось. Никакой мистики – просто зрителю не полагается проникать за кулисы. За кулисами полагается быть актерам.

Однако зажигалку следует достать. Золотая вещица со странным изображением – и дорогая, и не моя. Придется вторгнуться в это заоконье. Я уже закинул ногу за подоконник, как вдруг меня посетила странная мысль, что пол по ту сторону – вовсе и не пол, а тоже декорация, и что если я спрыгну на него, то, весьма возможно, провалюсь насквозь, куда-то вниз... Черт их знает, что они могли напридумывать! Висеть, едва касаясь одной ногой пола, а другой болтая в воздухе и, к тому же, согнувшись, чтобы пролезть в нижнюю половину окна, весьма неудобно. Поэтому я собрался с духом и спрыгнул за окно. Ничего не произошло. Босьми ногами я ощутил приятную поверхность то ли бархата, то ли плюша. Пол действительно шел слегка под уклон: от окна к стене с балконом. Ну вот. Дурные сны следует преодолевать, идя на кошмар, а не убегая от него. Тем не менее, стараясь ступать осторожно, я сделал три необходимых шага и понял, что снова обманулся.

Проем между окном и балконом был почти таким, каким и должно быть расстояние между двумя домами. Так что никакой игры с перспективой и пространством. Вблизи и стена, и балкон выглядели еще натуральнее, чем при взгляде из окна. За балконной дверью висела такая же тяжелая портьера. Я наклонился за зажигалкой, лежащей под длинным пластмассовым ящиком с цветами. К моему удивлению, цветы были настоящими, а земля в ящике (ее я потрогал пальцем) – влажной, как после недавней поливки. Весьма добросовестно. Все настоящее, кроме времени суток. Ну и, наверное, стены. Вряд ли они стали бы воздвигать здесь кусок стены из настоящего кирпича. Недолго думая, я легко стукнул кулаком по стене. И хорошо, что легко. Стена стояла как настоящая. Уже забыв о том, что у меня под ногами, я двинулся к краю, туда, где начиналось темное, не освещенное прожектором пространство. Хотелось просто заглянуть за стену, посмотреть на изнанку декорации. В том месте, где, по моим предположениям, стена кончалась и должен был быть проход за декорацию, ничего не было. То есть стена не кончалась. Где-то шагах в трех-четырёх от балкона прямо на нее была наклеена та же самая черная ткань, что и у меня под ногами. Ничего не понимая, я поддел пальцем край ткани. Она довольно легко поддалась. Под ней был кирпич. Я сделал еще шаг от балкона и постучал по ткани. Выше, ниже. Везде кирпич. То есть вполне реальную стену оклеили черным, оставив только прямоугольник с балконом. Получается, что я нахожусь не в комнате с декорацией, а в коридоре, между двумя стенами. И, судя по легкому сквозняку, где-то там есть выход. Может пойти на разведку? Но Джулия, видимо, вот-вот вернется. Ну уж нет, давайте будем последовательны: если я крыса, запущенная в лабиринт, то обладаю свободой выбора дороги в этом лабиринте. Что это за крыса, которую водят за ручку? Если что не так, то у них всегда остается шанс вытянуть крысу за хвост в любой точке лабиринта по их выбору. Я двинулся влево, навстречу сквозняку, вдоль стены, ведя по ней рукой, как слепой. Однако далеко не ушел. Десяток шагов – и я уперся в дверь. Конечно же, закрытую. За ней слышался неясный гул – не то работающие механизмы, не то зал, полный народа. Но не сразу за дверью, а где-то значительно дальше по коридору. Вот и все. Надо возвращаться. Проявленная инициатива ограничилась закрытой дверью. Взламывать ее как-то не хотелось. Я развернулся и побрел обратно к освещенному балкону. Заглянул в оставленную мною комнату. Джулии еще не было. Идти вправо вдоль стены не возникало желания – наверняка хода нет. А интересно, что она скажет, обнаружив меня сидящим на балконе? Или это у них тоже учтено? Вообще-то в ее отсутствие я почувствовал себя значительно свободнее. Я только сейчас понял, как давила и лишала меня возможности действовать самостоятельно ее сексуально-недоступная манера вести себя, что-то почти гипнотическое. Я терялся и позволял ей вести меня за собой не столько даже из-за таинственности и необычности ситуации, сколько от смущения. А может быть еще из-за ее спокойной уверенности. Как хорошо, когда есть кто-то, кто спокоен и уверен. Как плохо... Ну да ладно... Где-то в самой глубине души я догадывался, что, в первую очередь, мне было просто лень после беседы с этим Гарри влезать в свои грязные шмотки и переться среди ночи домой. Воистину лень – великое достоинство!

Я еще немного помедлил перед окном. Девушка запаздывает на свидание, ну что ж... Аккуратно, чтобы не помять цветы, перелез через балконные перила. Комната напротив была видна превосходно. Следовательно, и я буду ей виден. А вот как она себя поведет, если вдруг вообще меня не обнаружит? Что, если теперь я буду за ней наблюдать? Вообще, в возможности вырваться из их поля зрения и посмотреть, как они будут себя вести, я почувствовал какое-то непростительное развлечение. Как если делать пальцами рожки ведущему телепрограммы у него за спиной в момент прямой трансляции. И, пока меня не успела остановить какая-нибудь следующая мысль, я развернулся и резко дернул балконную дверь. Она легко отворилась, и я с любопытством (ведь всегда безумно любопытно – что там

за стеной) отодвинул портьеру. Честно говоря, я собирался только спрятаться за ней и, следовательно, рассчитывал на небольшой зазор между стеной и тканью. Не более. Мысль о возможном выходе через балкон как-то не приходила мне в голову.

Но передо мной была комната. По контрасту с теми, что я оставил у себя за спиной, эта комната показалась мне маленькой – она была полна мебели. И, судя по необъятной и не по-современному высокой кровати, это была спальня. Я оторопел. Конечно, если продолжить мои многослойные рассуждения, вполне можно предположить, что и это все декорация, рассчитанная как раз на мое любопытство. Я огляделся. Без сомнения, комната была жилой. Слегка смятое покрывало на кровати, справа от нее – антикварный комод, на нем коробочки с какими-то лекарствами – некоторые пластиковые упаковки высунуты наполовину, – и рядом стопочка каких-то бумаг, похоже, счетов. Либо декоратор должен быть гением, либо... Нет, этого не может быть. Можно еще сымитировать обстановку, создать ощущение жилья, но дух... Тут я понял, почему я так уверен, что здесь живут: запах. В помещении очевидно пахло жильем. И не просто жильем. Здесь явно жили старики. Хотя запах старости и забивался какой-то парфюмерной примесью. И, судя по халату, который я не сразу заметил на спинке кровати – это спальня пожилой или очень пожилой женщины. Но этого не может быть! Это же декорация! За балконом сияет театральное, а не настоящее солнце! Предположить, что здесь живут специально поселенные актеры, в чьи обязанности входит свести меня с ума, просто выше моих сил! Существует только один способ проверить, что же это, остановить триллер – это пройти через всю квартиру, обнаружить входную дверь и выйти на улицу. Или найти, наконец, точку, где эта проклятая декорация заканчивается. Даже если допустить, что все это здание принадлежит взбесившемуся миллионеру, я ни за что не поверю, что кто-либо может позволить себе превратить в декорацию и улицу. Еще один образ из дурного сна – целые кварталы полунастоящих домов, где реальность густо замешана с театральными эффектами, и по воле невидимого хозяина – то ночь, то утро, то зима, то лето и, мало того, населено все это актерами, усердно изображающими бытовую реальность. Я до ужаса явно представил, как они, кто в шортах, кто в шубах, сходятся потом вне этих декораций и, потягивая кофе, обсуждают только что сыгранное. Но это не Голливуд, следовательно, здесь так быть не может. Значит, надо только взять себя в руки и найти выход отсюда. Или хотя бы окно. Настоящее окно на настоящую улицу. В спальне, на пороге которой я стоял, окон не было. Однако слева от меня была двустворчатая дверь с большими матовыми стеклами. В крайнем случае, если и эта закрыта, сломаю стекло. Однако нерешительность крепко придавила меня, и я не стронулся с места. Я был в чужой квартире. Более того, попал сюда через балкон, как вор. Конечно, я помню – и балкон и улица перед ним – не настоящие, точнее – просто коридор между двумя стенами с театральным запахом и прожектором – декорация, но... Неожиданно, вне всякой связи с предыдущим, я вспомнил, что, ко всему прочему, я одет только в нелепый купальный халат. Там, с Джулией, он был уместен более или менее, однако здесь, в этой старушечьей спальне... Это навело меня на новую мысль. В принципе, я могу вернуться обратно к Джулии. Я повернулся к балкону. Еще один сюрприз окончательно добил меня: окно, из которого я вылез, было плотно закрыто и зашторено. И тот факт, что оно было зашторено, почему-то убедил меня даже не пробовать его открыть: окно закрыто на задвижку. Теперь, похоже, выбора у меня не было. Думать о том, почему Джулия не пускает меня обратно (ведь она обмолвилась, что вечер еще не кончился), мне не хотелось. Меня поставили перед фактом. Значит так: если это все их штучки, и эта спальня входит в набор развлечений сегодняшнего вечера, тогда вперед. Но... Если абсурд закончился там, у меня за спиной... Бабулька вызовет полицию. Секундочку, какая полиция, я в декорациях! Снова идиотизм. Ну и хорошо. Мне опять захотелось, чтобы все это побыстрее закончилось. Надо подойти и открыть дверь, а там – лестница, где-то там должна быть улица, даже

полиция – что угодно, но отсюда надо сваливать. Ну, идти так идти. Я сдвинулся с места и уже почти дошел до двери, как вдруг услышал, что к ней приближаются с той стороны. И явно не один человек. Только что я хотел сдать на милость старушке, кому-то там еще, однако не рассчитывал, что меня найдут. Неожиданностью должен был стать для хозяев я, а не они для меня. А может быть я просто струсил. В общем, я нырнул за портьеру и, как в посредственной оперетке, затаился. Дверь, судя по звуку, открылась, и тяжелые шаги направились прямо в мою сторону. Я почувствовал себя в мышеловке. Неожиданно, совсем близко от меня, низкий и дребезжащий голос произнес:

– Честно говоря, я ожидала Боба. Ну да ладно, входи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я понял, что меня опять нашли. И уже совсем собрался было покинуть мое убежище, даже руку к портьеру протянул, когда услышал второй голос – молодой мужской голос из глубины комнаты.

– Боб то ли заболел, то ли еще чего, – небрежно сказал он, – в общем, вытянули меня. Конечно, можно позвонить в контору и ...

– Да ладно, – сказала старуха, – не все ли равно.

В комнате замолчали, а я с облегчением прислонился спиной к спасительной балконной двери. В голову полезли идиотские мысли. То ли я, действительно, случайный свидетель, то ли меня здесь уже поджидали. Где-то отдаленно я даже начинал гордиться собственной персоной – если все это устроено только для того, чтобы произвести на меня впечатление или даже подвинуть к сумасшествию... Надо же, сколько внимания! Но нет, конечно же, все происходящее – результат каких-то дурацких совпадений, густо замешанных на моей личной инициативе. Скорее всего, я просто залез в чужие декорации.

За портьерой закрипела кровать. Заскрипела не оставляющим сомнений, характерным образом. Спинка в изголовье кровати мерно постукивала о стену. Вот уж это никак не вязалось с моим представлением о старухах. Но, может быть, я ошибаюсь? Осторожно подвинувшись, я коснулся пальцем зазора между портьерами. Меня передернуло и повело в сторону. Картина, открывшаяся мне, своей неэстетичностью почему-то напоминала бойню. Наверное, неотвратимой и циничной прямолинейностью, которая так присуща убийству. Массивное тело старухи, стоящей на четвереньках головой к балкону, тряслось под напором сзади молодого чернокожего с запрокинутой к потолку головой и слегка выпученными глазами. Мне показалось, что он улыбается. На мой взгляд, сцена не годилась даже для порнографического фильма, потому что в ней не было, пусть даже извращенной, эротики, а только деловые отношения мясника и свиньи. Впрочем, это я пытаюсь изобразить отвлеченно-саркастический взгляд на происходящее, на самом же деле возбуждение и отвращение вместе, как при виде утопленника, закружили мне голову. Я снова отступил от портьеры. Оставалось только ждать. Каким-то непонятным образом все то, что произошло в той, другой квартире показалось мне бесконечно далеким и, возможно, случившимся не со мной. Вернуться туда не было никакой возможности. Я поневоле вспомнил Джулию, с ее разными реальностями. Вот тебе и другая реальность!

Внезапно что-то изменилось. Лишь через секунду я сообразил, что именно: за моей спиной потушили лампу-солнце. Я оказался в почти полной темноте. Веселенький мотивчик нелепого приключения, который я насвистывал себе под нос, внезапно оборвался. Мне стало страшно. Кто-то там, за балконом, наблюдал за мной. И зачем-то выключил свет. Конечно, Джулия не могла не заметить моего исчезновения. До этого момента я чувствовал себя как человек, на глазах у толпы упавший в лужу, но усердно сам над собой смеющийся. Поэтому толпе должно казаться, что, может, упал он и случайно, но уж теперь ведет себя соответственно и юмор ценит, и еще задом по луже поводит, благо, все равно мокрый. То есть ситуация хоть и глупая, но житейская и ему самому чем-то симпатичная. То есть пытается заставить толпу смеяться не над ним, а только вместе с ним. А вот сейчас мне стало страшно по-настоящему. Лужа значительно глубже, чем это представлялось. Зыбкое болото с пляшущими огоньками. Даже сцена передо мной изменилась – темнота за спиной сделала свет, падающий через зазор, помигивающим, звуки и движения – зловещими, ведьмовскими. Да и участники ее казались персонажами древнегреческих мистерий. А за спиной у меня была

грозная и какая-то грязная темнота. Мне захотелось прислониться к чему-то более надежному, чем хлипкая и прозрачная дверь, но я боялся пошевелиться – представление на кровати закончилось и, судя по звукам, черный участник мистерии надевал штаны. Однако и стоять на прежнем месте я не мог. Глупо, конечно, но я физически ощущал, как темнота за моей спиной сгущается в невообразимое и опасное Нечто. Хуже всего было то, что я не мог встретить опасность лицом к лицу: поворачиваясь, я бы зацепил портьеру плечом и выдал себя.

Дальше, по-моему, началась комедия. Как человек, которому попала в нос пылинка, но громко чихать в публичном месте не хочется, я держался до последней возможности, стараясь отвлечь себя от этого притаившегося сзади. Тут, видимо, каким-то произвольным движением, я прижал дверь чуть сильнее, и она поддалась назад. Я уже почти чувствовал как Нечто смыкает у меня на шее свои руки, щупальца, удавки. Ну чихать, так чихать! Судорожно вжав голову в плечи и не понимая, что делаю, я рванулся вперед.

От балконной двери до кровати было шагов пять. Я пролетел их в одно мгновение. Голая старуха с редкими и плохо крашенными растрепанными волосами сидела на кровати, свесив ноги, лицом ко мне. На полдороге я споткнулся, не смог затормозить, и влетел прямо меж расставленных коленок, уткнувшись лицом в траченную временем жирную грудь. Негр, уже стоявший у двери, от неожиданности резко рухнул на пол и дисциплинированно прикрыл голову руками. От старухи пахло потом. Она погладила меня по голове, видимо, тоже от неожиданности, и только потом оттолкнула. Я сел или, скорее, осел на пол.

Похоже, никто из нас не понимал, что следует делать. Я сидел в своем нелепом халатике на полу, надо мной на кровати возвышалась голая складчатая старуха, а слева старался прийти в себя побледневший негр. Конечно же, первой опомнилась старуха. Милая бабушка, ее совсем не смутила моя ошеломленная физиономия.

– Ты можешь идти, – бросила она так и не знаящему, то ли ему продолжать лежать, то ли быстренько исчезнуть, любовнику. – Это не полиция, не бойся. Просто мои сумасшедшие соседи. Иди-иди, я потом позвоню туда...

Голос у нее был неприятный – не то чтобы хриплый, а как если бы что-то застряло у нее в горле, а она не может или не хочет прокашляться. Довольно резво для такой полурастекшейся массы она встала с кровати, неторопливо надела халат, предварительно проверив, правильно ли он вывернут, пригладила остатки волос и превратилась в обычную пожилую леди. Встретив такую на улице, я был бы уверен, что дальше походов по магазинам, телевизора и игры «Бинго» ее интересы уже не распространяются. Как обманчива внешность! Как чертовски обманчива действительность! Никакой бойни, никаких древнегреческих страстей! Пожилая учительница, потревоженная в момент послеполуденного сна. И, странное дело, ее преобразование успокаивающе подействовало на меня. Вроде как ничего и не случилось. Исчезла развратная бабка, исчез и напуганный и смущенный визитер. Она прикрыла за вышедшим, но еще не пришедшем в себя парнем дверь, подошла к балконной шторе, посмотрела в темноту и повернулась ко мне.

– Пойдемте, молодой человек, я выведу вас отсюда.

Это прозвучало так, как и должно было прозвучать – неприязненно, но не слишком. Похоже, ситуация ее все-таки позабавила. И тут же я подумал, что, кажется, добился того, чего хотел – меня сейчас отпустят на волю. Старушка неторопливо добралась до двери и, оставив ее открытой, вышла в другую комнату. Тут я засуетился, наступил на полу своего халата, но встал и последовал за ней. Комната оказалась довольно большой, типичной гостиной с парой кресел, диваном и журнальным столиком. Если что и не сочеталось с обликом милой пенсионерки, так это отсутствие телевизора и два огромных цветных плаката со здоровенными мужиками, полуголыми, с напряженной бычьей мускулатурой. То ли виной

этому моя рефлексия, то ли простое любопытство, но я задержал на них взгляд. Черт, опять какая-то странность. Я не успел понять, что именно странного в этих плакатах: старуха смотрела на меня из другого конца комнаты, оттуда, где, видимо, начиналась прихожая, и ожидала, что сейчас я скроюсь за входной дверью и, желательно, скроюсь навсегда. Я покорно пошел к ней. Когда впереди замаячила дверь, а добропорядочное лицо было совсем близко, мне пришла в голову очень простая мысль. Халат на голое тело – это ужасно. Сказка, какой бы она не была, закончилась, а мне, одному из участников, нужно выбираться отсюда прямо в гриме. И все Джулии, с их множеством реальностей, не помогут мне добраться до дому. За дверью стояла реальная реальность. Но если эта старуха из реального мира, то есть не участвует в игре, это значит... Это значит, что, наплевав на унижительность положения, я могу попросить у нее хоть какую-нибудь одежду. Я стану другим человеком, если надену сейчас штаны. Но как просить эту нимфу на пенсии, я не знал. Вообще плохо знаю, как надо просить. Обычно получается или слишком заносчиво, или, наоборот, чересчур униженно.

Старуха смотрела на меня выжидающе-неприязненно. Но еле заметное насмешливое выражение лица говорило о том, что не так уж она и сердита на меня, что почти не удивилась моему внезапному появлению и что-то знает про своих сумасшедших соседей; а выставляет за дверь просто для порядка, ибо такова логика вещей. И потом, она, обозвав соседей сумасшедшими, очевидно, не питает к ним особых чувств. Следовательно, я, как жертва их сумасшествия, могу рассчитывать на сочувствие, а может быть и на какую-то информацию. В общем, я решил.

– Простите, пожалуйста, – начал я самым изысканным тоном, – мне очень неловко просить вас о таком одолжении, но я бы... мне бы...

Тут, от беспомощности и нелепости ситуации (какой все-таки ужас – просить штаны у незнакомого человека) я развел руками, которые держал в карманах халата. Полы, конечно же распахнулись. Мне показалось, что бабке это очень понравилось. Я срочно привел халат в приличный вид, но говорить уже не мог.

– Штаны, – промямлил я, – мне бы...

Старуха усмехнулась и на миг снова показалась вакханкой. Но нет, она благонравно приподняла руку, что я расценил как приглашение переждать в гостиной, пока она выберет для меня что-нибудь из одежды. Мне полегчало. Я повернулся и сел в кресло рядом с камином. Моя очередная спасительница скрылась в спальне. Почему именно женщины встречаются мне в самых моих идиотских ситуациях? Или, может, это они и делают ситуации идиотскими? Но, как бы то ни было, я скоро уйду отсюда в штанах. Может быть все же попробовать разговорить бабульку, должна она что-то знать о своих соседях? А то ведь так и уйду, не зная, где побывал. Тут я снова поднял глаза на плакаты со звероподобными мальчиками и как-то сразу понял, в чем тут странность – оба плаката висели как раз на тех местах, где полагается быть окнам. Я постарался сориентироваться в пространстве. Ну да – балкон в спальне фальшивый, декорация, но здесь, в гостиной, должны же быть окна. Хотя бы одно. Хотя бы фальшивое. Хотя я же уже не в том доме. Или все еще в том? У меня пересохло в горле. Как странно все происходит! За мной никто не гонится, меня ни к чему не принуждали силой, во всем этом приключении есть изрядная доля очарования, но... Но мягко и ненавязчиво, совсем ненавязчиво, прямо надо мной, как воздушный шарик на привязи, парит кошмар. Шарик-кошмарик. Очень захотелось сейчас же получить какое-нибудь нормальное объяснение всему происходящему. Все просто и буднично. Не бойся, детка, это не крокодил в темноте, это только кажется, а на самом деле это лишь диван. Сейчас включим свет, и сам все увидишь. В том, что чудес не бывает вообще, есть свой большой плюс – страшных чудес не бывает тоже. Ведь верно? Никогда не мог смириться с необоснованным страхом персонажей всяких там ужасиков: тот факт, что на них идет оживший покойник,

пусть даже и с бензопилой в полуразложившихся ручках, говорит о том, что бояться нечего – смерти-то нет! Или, как минимум, есть жизнь после, а это и того лучше. Даже если там – ад. Потому как в аду бояться уже нечего. Все уже случилось. Только все это ерунда. Ничего нет. Ни чудес, ни оживших покойников. Просто потому, что это было бы слишком интересно, слишком хорошо для правды. В мире победившего обывателя реальны только налоговая инспекция, полиция и заранее купленное место на кладбище. Значит, бояться нечего. Ну дурь такая у бабульки: завесила она окна соблазнительными мальчиками. Чего бояться-то? Сейчас мне принесут одежду, я наконец-то окажусь на улице и выясню, который час... И все встанет на свои места.

Тем временем появилась бабулька. И как будто для того, чтобы меня успокоить, со штанами через плечо. Они, правда, были странные – шелковые, тускло-желтые, с широкими черными полосами. Из тех, которые на моей далекой родине, лет сорок назад, назывались пижамными.

– Это все, что я нашла, мой дорогой, – сказала она и села в кресло напротив.

Штаны почему-то остались висеть у нее на плече.

– Муж уже десять лет как умер, так что тебе еще повезло. Но они хорошие.

Она мягко сдернула их с плеча на колени и легко погладила по ткани, не ладонью даже, а так – средним пальцем – прямо по шву между штанинами. В общем, даже трогательно. И брать неловко такую историческую вещь. Она еще немного их погладила и, наконец, протянула мне. Я ожил. Взял штаны в руки и решил, что оденусь, пожалуй, на лестнице. Вдруг в таком наряде я сильно напомню ей мужа во время оно. На самом же деле, мне ее и впрямь стало жаль. Тут я вспомнил, что собирался порасспросить про соседей. Только вот как лучше начать? Я стоял с подаренной одежкой в руках, старуха, задумавшись, смотрела куда-то мимо меня, и пауза тянулась как жевательная резинка. Неожиданно для меня, пожилая леди начала говорить. Говорила она иногда чуточку напевно (насколько позволял голос), как говорят всегда, когда вспоминают хорошее, а иногда отрывисто, короткими фразами, словно очень близкому человеку, который и ее знает хорошо, и историю эту обсуждал с ней прежде много раз.

– Мой муж всегда был не совсем обычным. Когда мы с ним познакомились, оба были уже не очень молодыми, и поэтому его странности мне особенно бросились в глаза. Но было в нем что-то такое, даже и не знаю... В общем, он был очень богатым человеком, и я тогда подумала, что у таких богачей просто должны быть свои причуды. А я... нет, я никогда не была особенно красивой. Он предложил пожениться. Я, конечно, согласилась. Свадьба была необычной. Такой богатый, а еле нашел свидетелей. Ни друзей, ни родственников. Он, я и двое посторонних. Заказал столик в роскошном ресторане, а сам робел перед официантом. Он вообще не был похож на богача. А потом, сразу после свадьбы, вдруг купил весь этот дом. Я так и не знаю, откуда у него было столько денег. До сих пор не знаю. То ли наследство неожиданно получил, то ли... А, в общем, какая разница? Денег было много. Только он совсем не знал, что с ними делать. Так все и пошло – странно. Отдал почти весь дом каким-то людям. Они все внутри перестроили на свой лад, а ему нравилось. Он и умер странно. Через полтора года после свадьбы. Пришел его адвокат, сказал, что муж скончался у себя в офисе, и что, по завещанию, хоронить его будут без свидетелей... Я даже и не знаю, где он похоронен. А все деньги завещаны мне. Но с тем, чтобы ничего здесь не трогала и его психов не выселяла. Ну, я почти ничего и не трогала. А с психами...

Она поерзала в кресле и вдруг улыбнулась мне той нехорошей улыбкой:

– Так ты же и сам оттуда. Что ж я тебе буду рассказывать!

Я энергично замотал головой и начал было говорить, но быстро увял под ее понимающей улыбкой. Поди тут докажи, что ты не псих, когда влетаешь почти голышом к ней в спальню в самый пикантный момент.

– Да ты не пугайся, это я только так их называю – психами. Я ведь и сама толком не знаю, что там происходит: как-то раз зашла, меня очень вежливо провели в зал, а там боксерский ринг и бой идет, а вокруг столики как в ресторане и народу много, болеют, дым клубами, и одеты все как лет семьдесят или восемьдесят назад. И еще виски пьют, я заметила, почему-то из кофейных чашек. Ну скажи, что не психи, после этого! А вообще-то они мне не мешают. Ну вот, разве, иногда...

Тут она снова улыбнулась, а я, на всякий случай, отвел глаза и уставился на плакаты напротив. Она легко повернула голову в направлении моего взгляда.

– А-а, мои мальчики. Я их называю Билли и Джимми. Слева – Билли, справа – Джимми. Хороши, а?

Я усиленно закивал в знак согласия, что, мол, да, хороши. Хотя на алисиных лягушонка и ящерку похожи мало. Судя по мощности торсов и бьющему в глаза интеллекту, скорее, динозавры. Но старуху мало заботило мое мнение. Она рассмеялась, и мне снова захотелось прокашляться за нее.

– Это была одна из странностей моего мужа – наглухо закрывать все окна. Сначала тут висели какие-то картины. А когда он умер, я хотела было оставить окна незавешенными, да вовремя вспомнила про завешание и просто сменила ту мазню на мальчиков. Ведь никто не придерется!

Я уже хотел было открыть рот, да остановился. Что же это со мной происходит? Великий говорун, я за весь этот долгий день не сказал и десяти слов! Ведь надо было спросить, узнать, потребовать – и тут, и там, и вообще... Ну а что я могу? Там, за балконом, эта Джулия как-то так играла со мной, что говорить не хотелось, чтобы не спугнуть ... Ну а со старухи и взять нечего – что знала, похоже, сама сказала. Видно, поговорить хочется, а с наемными мальчиками, как с Билли и Джимми, не очень-то и поболтаешь. Хотя, конечно, кое-что прояснилось. Играют ребята на деньги покойного миллионщика, который и сам был не в себе. Понять бы только – во что играют. Но я вспомнил свое недавнее ощущение у балконной двери. Занятое ощущение. Глупое ощущение. Плохое ощущение.

Тут старуха поднялась с кресла, и я еще раз поразился тому, как легко она это сделала – словно молодая.

– Ты можешь одеться прямо здесь, я подглядывать не буду. Это конечно не смокинг, но и идти тебе совсем недалеко.

И, хихикнув, она скрылась в спальне.

Что значит – идти недалеко? Она думает, что я сейчас вернусь к этим? Да какая мне разница, что она думает! Почему вообще я веду себя как барашек? Экая и бебекая, поматывая головой, иду куда ведут. Это что, моя подлинная сущность? Я попытался быстренько прислушаться к себе и разбудить спящие в крови самостоятельность и мужество. Ну да ладно. Сначала нужно одеться. Но это легче сказать! Легендарный муж был толстеньким и низким. Тоже ладно. Я заправил халат прямо в штаны. Халат, конечно же, скомкался, но, зато заполнил пустующее пространство. Резинка на поясе растянулась – штаны кое-как держались. Хорошо, что здесь нет зеркала, я бы этого зрелища не вынес! Ну все, готов, можно идти домой. Но уходить в отсутствие хозяйки как-то нехорошо. Я повернулся к спальне. Похоже, хозяйка действительно не подглядывала. Позвать ее, что ли? Ну вот, опять все то же самое! Не знаю ведь, как ее зовут! Да черт с ним! Я громко кашлянул и сказал:

– Э-э, извините! Я готов!

В спальне было тихо. Померла она там, что ли? Я подождал. Ничего. Ну что, вот так вот развернуться и уйти? Раб собственной вежливости, я постоял еще немного. Что будет более невежливо – уйти не прощаясь или заглянуть в спальню? В конце концов, в спальню я уже раз заглядывал, в более интимный момент я ее там не застаю, и потом, надо перед уходом узнать: возвращать ли мне штаны? Ну что ж, вперед. Я пошел в спальню.

Старухи в комнате не было. Конечно, она могла залезть под кровать, но вряд ли – пространство под ней было не по старухиным габаритам. Хотя, судя по ее проворности... А была ли старуха? И старуха ли это была? Можно ли так натурально загримировать молодую, что?.. Я почувствовал, что опять начинаю вовлекаться во все эти хитросплетения. Меня не хотят отсюда выпускать? Или я сам не хочу быть отсюда выпущенным? Ну, когда мне страшно, конечно, хочу домой, а вот сейчас? Я подошел к шторам, за которыми недавно прятался, и выглянул. Ничего. По-прежнему темень. Этот спектакль окончен. А начнется ли другой? Я вдруг представил, как старуха, где-то за кулисами, в гримерной, снимает с себя парик и накладки, закуривает сигарету и смеется, поглядывая на себя, неузнаваемую после грима, в зеркало. Мне стало досадно, что меня обманули. А может быть я вообще рвусь домой только потому, что меня тут все время обманывают? И страшно мне, более всего, оказаться смешным? Вот лежит кошелек. Наклонился поднять, а он подпрыгнул и отодвинулся, он на ниточке. Ну и что делать? Все равно поймать, оборвать нитку, набить морду шутнику? Или, плюнув, пойти дальше? Ладно, я умный, я дальше пойду.

Я подтянул приспущившиеся штаны и неторопливо вышел из спальни. Неторопливо, потому что все-таки ожидал, что меня окликнут. В гостиной тоже ничего не изменилось. Значит я волен идти домой. Собственно, у меня и нет выбора – сидеть в чужой пустой квартире одному неуютно, да и невежливо. Я направился к двери, мне было жаль сейчас, что я ухожу, жаль, что меня никто не останавливает. И даже не потому, что ничего не понял во всей этой истории, просто жаль и все. Вот и дверь. Ну, как мы опознаем входную дверь? Очень просто – по внешнему виду и количеству замков. Дверь слева, скорее всего, в туалет. Значит, все правильно – вот это выход. Наконец-то я узнаю, который все-таки час. Почему мне так необходимо точно знать время – сам не понимаю. Меня никто не ждет, опаздывать мне тоже некуда. Но с момента, когда я обнаружил фальшивое солнце, мысль о необходимости выяснить как можно скорее, утро сейчас или глубокая ночь, с назойливостью ночного комара кружилась надо мной. С нетерпением завожился с замками – этот – шелк туда, этот – шелк сюда. Все – можно идти. Дверь распахнулась. Сюрприз! Передо мной была типичная кладовка. Стеллаж со всяким хламом, на полу – пара ведер с засохшей краской, какая-то обувь... все – тупик. Что это? Меня не выпускают или я просто перепутал двери? Лихорадочно кинулся к двери слева. Нет, все правильно – туалет с изящным унитазом и душем за занавеской. Больше дверей в прихожей не было. Только что я жалел о том, что меня с таким безразличием отпускают! Но мной, кажется, еще не наигрались. Я кинулся обратно в гостиную. Билли и Джимми равнодушно тужились со своих мест. Пусто. Ладно, старуха исчезла, но как-то же она сюда попала. И этот ее жиголо тоже приходил и уходил. Значит, выход должен быть. Через балкон? Вряд ли Джулия, как былинная девица, сидит у окошка и ждет меня. И потом, я не уверен, что хочу снова встретиться с той компанией. Бабулька, может, и не считает их сумасшедшими, но если покойного, который замуровал все окна в собственном доме, она назвала всего лишь человеком со странностями, то... Я вдруг поймал себя на том,

что мысль моя движется каким-то странным зигзагом: то я считаю, что старуха-нестаруха заодно со всеми остальными (а, кстати, сколько же их всего?), то верю в ее сумасшедшего мужа и его нахлебников, которые почему-то иногда играют в игры времен сухого закона, и, время от времени, отлавливают прилипших к крыше идиотов. Отсутствие окон, мой бравый наряд, да и сама атмосфера в такой с виду обычной, но непростой квартире – все эти славные нюансы сложились, свернулись и начали постукивать меня по темечку. Нет, я не чувствовал, что схожу с ума, но вот то, что с толку сбит и начинаю путаться, почувствовал определенно. В общем, надо было искать выход отсюда. И, желательно, поскорее, а то еще выпустят на ринг, или виски контрабандный из меня сварят. Ха-ха!

Я стоял посреди гостиной и пытался заставить себя думать. Получалось плохо. То есть думалось почему-то не о том. Снова стал рассматривать Джимми и Билли. Ну и лбы! Стоп! Есть мысль! Бабка говорила, что за ними окна. Ну, наверняка. И настоящие. Не стал бы покойник закрывать фальшивые окна картинами. Следовательно? Следовательно, у меня есть шанс выглянуть на улицу, на настоящую улицу. И? И ничего – этаж-то, как минимум, пятнадцатый или вроде того. Но мне все равно так захотелось хотя бы взглянуть на нормальный мир и понять, наконец, какое ныне время суток, что я ринулся прямо на красавчика Джимми. Сначала осторожно провел руками по плакату. Точно, по краям он прилеплен к стене, а в центре – только бумага, за которой – пустота. Ну что, рвать плакат? Старухин любимый? А-а, черт, не могу так! Я попробовал аккуратненько отковырять край плаката от стены, но нет, приклеено было на совесть. Я осторожно приложил ухо к плакату. Тишина. Ну да, в такую жару окна приличных домов закрыты, а этаж высокий, что тут можно услышать? Ну хоть какой-то внешний звук? Я еще раз, стараясь сильно не нажимать на бумагу, приложил ухо к... Да, со стороны это выглядело смешно – рельефно выпятившиеся металлического цвета плавки Джимми были точно напротив моего уха.

– Что же ты делаешь, а?

Появившаяся в дверях старуха тоже была изрядно растеряна. Я же, стоявший в очень неудобной позе, резко дернулся от неожиданности, пробил неплотную бумагу, и моя голова оказалась за плакатом. То, что я успел там увидеть, пока высовывался обратно, напоминало скорее двустворчатую дверь, чем окно. Ну конечно, – ставни на окнах, а потом и плакатики для красоты. Заделано со всем тщанием.

Повернувшись на голос, я увидел, что старуха стоит с подносом, на котором – две дымящиеся чашки и, кажется, сахарница. Я оглянулся на порванный плакат и, честное слово, почувствовал себя более неловко, чем когда влетел в ее объятия в спальне. Там я застал ее неожиданно и представлял себе, куда это я попал, а тут она поймала меня... непонятно за чем. Но чем-то, что я делал тайком. И еще ее любимый плакат порвал. Ужасно неловко. Ну что ж, стою столбом, руки почему-то за спиной.

Она и тут быстро справилась с удивлением – видимо, привыкла и не к таким странностям в поведении.

– Я не думала, что ты...

Она красноречиво глянула на плакат.

– Бедный Джимми, он теперь никуда не годится. Да ладно, у меня есть еще мальчики. Присаживайся, я принесла кофе.

Не зная, куда девать лицо и руки, я присел в кресло. И так, старуха вернулась и обнаружила меня, разглядывающего прелести Джимми. Я привел Джимми в состояние полной негодности, старуха хитро мне улыбается и поит кофе. Хорошая старуха. Совсем еще недавно, когда можно и нужно было задавать вопросы, прояснять, что происходит,

вообще как-то выдавать себя за мыслящего индивидуума, я лениво и безынициативно молчал. Сейчас же, под старухиным взглядом, заподозренный в равнодушии к мужским прелестям, или в чем там еще, я почувствовал, что не могу оставить этот дом не объяснившись. Вот ведь странно: мне обязательно нужно поведать этой любезной даме, что я совсем не из той – сумасшедшей – компании, пригретой ее мужем, и именно поэтому вовсе не Джимми интересовал меня в тот момент, когда она вошла в комнату. Зачем мне нужно говорить об этом человеку, которого я вижу, наверное, последний раз в жизни, я не знал, только чувствовал, что просто не могу уйти, не рассказав ей, что со мной произошло. Наверное, это нужно еще и потому, что по-настоящему остановить вертящееся вокруг меня действие можно только вырвавшись из роли, где следующий шаг неуклонно шептывает мне неведомый суфлер, и заговорить самому, просто и без оглядки. Но, прежде чем пуститься хоть в какие-то объяснения, я, неожиданно для себя самого, спросил:

– Скажите, а который сейчас час?

Казалось бы – что проще, а спросить об этом пришло в голову только сейчас.

Старуха неторопливо взяла с подноса чашку и посмотрела на меня. Взгляд никак не вязался с заданным невинным вопросом. Можно было подумать, что я спросил у нее, который ныне год.

– Видишь ли, милый, – почти шепотом начала она, а у меня сразу запершило в горле, – еще одной странностью моего мужа было то, что он терпеть не мог часов. Никаких. Ни ручных, ни настенных. Он не хотел знать, какое сейчас время суток.

– Но ведь без часов совершенно невозможно жить! Надо же представлять себе...

– Я тоже так думала вначале. Но потом, потихонечку, привыкла. Сэм говорил, что есть, спать и работать нужно в то время, когда более всего этого хочется, а вовсе не тогда, когда это диктует принятый в мире порядок. Когда я ему возразила, что он и так может себе позволить делать все, что он хочет и когда он этого хочет, он ответил, что это не так, потому что врожденная привычка ориентироваться по солнцу или вообще по свету загоняет в свои рамки, и тут уж хочешь-не хочешь, а следуешь заведенному распорядку. Вот поэтому он не желал ничего знать о времени суток и даже о времени года. И офис у него был где-то здесь, на этажах. Мы никуда не выходили с тех пор, как купили этот дом. Этажом ниже есть специально оборудованный парк. Я там гуляю. Туда нагнетается свежий воздух, и там прекрасные деревья и трава. Вот. А уж который час, я совсем не знаю. Извини.

Я непроизвольно откашлялся. История вполне впечатляющая – бедная узница мужниных денег, потихоньку сходящая с ума. Можно посочувствовать. Вот только не нравится мне отсутствие выхода из этой мышеловки. Уж не захочет ли старуха, чтобы я разделил ее затворничество? Мои догадки сложились в одну, сверкающую как сталь шпаги, и такую же опасную линию. Джулия и этот, как там его, проследили и выловили подходящего субъекта, одинокого (такого никто не хватится), однако не придурка, то есть даже с зачатками интеллекта, что было проверено всякими разговорами, и теперь предоставили его старухе на съедение. А она и не собиралась меня выпускать – за дверью же не было выхода! Конечно, я сам залез на крышу, сам забрался через балкон, но ведь и мухе кажется, что это она сама запуталась в паучьей сети. Если это так, меня никогда уже отсюда не выпустят. Но возможно ли такое в наше время, в этом городе? Увы, в этом городе, в наше время, возможно все. Очевидно, что-то, какой-то отсвет этих мыслей промелькнул на моем лице, потому что старуха наклонилась вперед и смотрела на меня как человек, загадавший загадку и теперь ждущий ответа. Вместо ответа я встал и, начиная говорить, почувствовал, как близок я к истерике, самой заурядной истерике.

– Я хочу, чтобы меня выпустили отсюда, – сказал я и почувствовал, что невольно подражаю ее осипшему, непрокашлянному голосу, – прямо сейчас я хочу выйти на улицу. Где здесь выход? – И добавил неожиданно, – пожалуйста.

Старуха приподняла наведенные карандашом брови и произнесла обиженно:

– Никто тебя здесь не держит, дорогой. Вон дверь.

– Там нет выхода. Я уже пробовал, но там кладовка какая-то! Покажите мне, где выход на улицу.

Она усмехнулась, встала и пошла к мнимой двери так уверенно, что я уж было поверил в чудо: сейчас она распахнет ее и, вместо кладовки, за дверью окажется гулкая лестничная клетка. Но чуда не случилось. То есть случилось, но на свой лад. За дверью была все та же кладовка. Старуха вошла в нее, и тут я понял, что свалил дурака: в дальнем конце кладовки была еще одна дверь, которую я в первый раз не заметил. Хозяйка щелкнула замком, чуть приоткрыла ее и оглянулась на меня. Я сразу почувствовал себя лучше. Опасная шпага моей версии оказалась бутафорской. Выход был свободен. Вернее, почти свободен, потому что старуха все еще стояла в узком проходе-кладовке, почти наполовину загораживая собой дверь. Я устремился на приступ. Протаскивая свое тело мимо старухино и ощущая все его жирные выпуклости, я еще умудрился сказать «спасибо». Она откровенно улыбнулась и, чуть поддав бедрами, прижала меня к стене.

– Заходи когда захочешь, милый. А этих ребят не бойся, они славные. Только, если будут тащить к себе, скажи им, что это я тебя в гости пригласила. Ну все, пойду заменю бедного Джимми на кого-нибудь еще, уверена – тебе тоже понравится.

Она отпустила меня и вернулась в квартиру, прикрыв за собой дверь. Именно прикрыв – я не слышал щелчка. Ну да это и неважно, передо мной – другая дверь – на свободу. Берясь за ручку, я подумал, что еще не открывал этой двери, и старуха только отперла замок, и кто знает, что я сейчас за ней увижу. Знакомое ощущение нереальности происходящего подкралось ко мне, нервы не выдержали, и я рывком распахнул треклятую дверь. Буднично горел тусклый верхний свет, отражаясь в полированном пластике автоматических дверей лифта. Справа от них виднелся лестничный пролет. Я был почти на свободе. Теперь вниз, вниз, на улицу, где настоящие день и ночь, где нет похотливых старух и театрального запаха вранья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я стоял в нерешительности. Обычный, мирный вид лестничной клетки как бы говорил о том, что все – чудеса закончились, и теперь будничная жизнь ждет меня десятком этажей ниже. Ну что ж, всего понемногу. Я подтянул спадавшие штаны и шагнул к лифту. В ту же секунду в шахте загудело – лифт ехал по чьему-то вызову. Ну нет, в своем замечательном одеянии я не собираюсь делить кабинку лифта с кем-то незнакомым. Одно дело – быстро и независимо идти по улице, делая вид, что тебе все равно, и совсем другое – оказаться в замкнутом пространстве, пусть даже и с ненормальным жителем этого замечательного дома. Куда мне девать глаза, пока мы доедем до первого этажа? Нет уж, пройду пешком, благо, идти надо вниз. К сожалению, идти было не так просто и легко, потому что проклятые штаны, как только я начал интенсивно работать ногами, поерзали и стали опадать куда-то к коленкам. Пришлось сбавить скорость и спускаться, придерживая за резинку скользкую шелковую ткань.

На стенах не было указателей этажей, как это принято. Сколько уже прошел, сколько еще идти – непонятно. Покойничек, он что – не только времени суток не желал знать, но и нумерацию этажей не признавал? Но чем ниже я спускался, тем больше уходил в мыслях от подернутого сумасшедшинкой мирка. Надо было добираться домой и, следовательно, быстро придумать, как это сделать, не имея денег, нормальной одежды и даже обуви.

Где-то в районе девятого этажа я споткнулся о ступеньку, выпустил из рук штаны и резко схватился за перила. Я не упал, но что-то тяжелое в кармане халата стукнуло меня по бедру. Черт, как я мог забыть – зажигалка! Я же так и унес ее с собой. Ну и что теперь? Штука дорогая, и просто забрать ее себе я никак не могу.

Я присел на ступеньку, вытащил, помятую пачку сигарет и закурил. Я ведь даже не знал, как теперь попасть к Джулии, да и, признаться, не был уверен, что вообще хочу ее видеть. Немного поломав голову, я пришел к выводу, что самый мальчишеский и дурацкий способ передать им их вещицу – это положить ее под любую дверь, нажать на звонок и убежать. На большее у меня сейчас просто не хватало фантазии. Почти бессонная ночь и стаканчик кофе за неведомое мне количество часов, проведенных в этих дебрях, отдавали головной болью и неприятным привкусом сигареты. Все, хочу только спать. До этого очень далеко еще, но если я буду здесь расслаиваться... Я, насколько мог резво, подскочил к первой же двери, наклонился и хотел уже положить зажигалку на коврик с надписью «Добро пожаловать». Но не успел.

Дверь вдруг открылась, и меня рывком втащили в темноту. Я, конечно, привык здесь ко всяческим неожиданностям, но до сих пор никакого произвола они себе не позволяли. А сейчас я оказался в чьих-то сильных руках, которые бесцеремонно держали меня за отвороты халата. Дверь за мной захлопнулась.

– Тихо, не бойся, – сказал невидимый мне человек, – сейчас будет свет.

Он отпустил меня, завозился в темноте, чиркнул спичкой, и в руках у него оказалась горящая свеча. Да, такого ряженого я здесь еще не встречал. У человека была длинная лохматая борода, а на голове – черная шляпа. Он поднес свечку поближе и внимательно посмотрел на меня. Его глаза в перекошенных очках с толстыми стеклами казались двумя большими жадными ртами, которые он быстро открывал и закрывал. Впрочем, несмотря на несуразный маскарад, он меня почему-то не испугал и не удивил. А, может, я здесь уже разучился пугаться и удивляться.

– Часы давай! Часы у тебя есть? Ну?

Я вяло пожал плечами, показывая ему на мой наряд. Грабить меня сейчас – совершенно пустое дело. Даже мои часы остались там, в комнате, где Джулия поила меня кофе.

– Я вижу, эти бандиты уже успели тебя раздеть. Но ты еще должен радоваться, что легко отделался. Здесь происходят вещи и похуже. Надо идти за полицией. Я не смог найти телефон, а главное – здесь совсем нет часов! А мне обязательно нужно знать, который сейчас час!

Человек взмахнул руками, чуть не подпалил себе бороду и резким движением опустил руку со свечой. Я разглядел длинный черный пиджак, посыпанный перхотью, и несвежую белую рубашку. Да это же не ряженный! И не сумасшедший грабитель. Обычно так одеваются еврейские хасиды. Мне стало весело. Кажется, в эту ловушку угодил не я один! Я выдохнул и улыбнулся:

– Не беспокойтесь вы так, это не бандиты, я вам ручаюсь. И меня никто не раздевал, просто так получилось. Если хотите, можем выйти отсюда вместе.

– Выйти отсюда? Я уже пробовал выйти, мне очень нужно домой. Понимаешь, к началу Субботы я должен быть дома. А я все еще здесь и зажигаю свечи, даже не зная, началась Суббота или закончилась. Ты говоришь, выйти? Да если бы я мог выйти, здесь уже была бы полиция! И это совсем не смешно, молодой человек!

– Но послушайте, я шел домой, и никто меня не удерживал. И одеться помогли. Да и вообще я сам попал в этот дом, случайно.

– Я тоже попал сам. Большой дом, богатый дом – значит, наверное, есть евреи, которые могут сделать небольшой подарок синагоге. Ну я и решил пройтись по квартирам, поговорить. И вот теперь второй день – кажется, второй день – я пытаюсь отсюда выбраться. И все, что я делаю здесь – это смотрю в глазок. Я уже очень долго смотрю в этот дверной глазок. И ни одной живой души! Представляешь, за много часов! И тут, наконец, увидел тебя и понял, что должен предупредить. Упаси тебя Бог ходить по этому дому!

Мне было и смешно, и жалко этого человека. Почему, собственно, отсутствие людей на лестнице означает, что ходить по ней опасно? Где логика? Хотя, познакомившись немного с этим домом, я легко представил себе, как они могли напугать этого собирателя пожертвований. А он был сильно испуган. Какая уж тут логика! К тому же он так смешно дергался, то и дело задевая свечой клочки бороды, что я невольно пофыркивал, и это совсем подрывало его доверие. Ну и что теперь? Оставить этого нелепого раввина на съедение его страхам? Надо вывести его из дома, да вот только как это сделать, если он этого не хочет?

Согнав с лица даже намек на улыбку, я прикоснулся к руке раввина, пытаюсь остановить его метания.

– Я могу пойти вперед. Я спустился уже на несколько этажей и тоже никого не встретил. Давайте сделаем так: вы пойдете за мной. Ну а если на первом этаже меня остановят, вы всегда успеете спрятаться.

Я почему-то чуть было не добавил «святой отец» – и опять рассмеялся.

– Ну да, тебе весело. Ты пойдешь вперед, я успею спрятаться. Да ты хоть понимаешь, где мы? Нет? Вот, посмотри!

Он поднял свечу повыше, и я увидел, что мы с ним стоим в крохотной комнатке с голыми бетонными стенами, нечто вроде тамбура или прихожей, вроде той, где нынешняя владелица дома устроила кладовку. Только дверь здесь была одна – та, через которую я сюда попал. Ну и что? Как «ну и что»?! Раввин с еще большим подозрением посмотрел на меня. Если я ничего не вижу, то запах-то чувствовать должен. И действительно, пахло в комнатенке странно – ржавым металлом, кожей и, кажется, чем-то горелым. От этого запаха и, главное, от

огромных глаз-ртов, подсказывающих ответ, мое веселье угасло. На меня опять надвигалось нехорошее.

– Здесь пытаются, понимаешь? Я сам это видел! А ты говоришь – сейчас выйдем отсюда.

От чуточку отвернулся от меня и забормотал что-то, видимо, молитву. Я не поверил ему, не мог поверить, но от того, что он сказал, морозец пробежался колючими пальцами у меня по спине. И я спросил первое, что пришло в голову.

– Где это пытаются, прямо в доме?

– Здесь, здесь. В подвале, как положено. Я сам видел, представляешь?! А потом мне удалось забраться сюда. Сажу тут и сам ничего не понимаю. И на лестницу боюсь, и назад очень страшно. Вот иди сюда, только тихо.

Он кивнул мне на дальний конец комнатки и сделал шаг в сторону. В полумраке высветился прямоугольный люк. Никакой крышки на нем не было, а была лестница вниз, в темноту.

– Вот здесь. В этом самом подвале. Сейчас там никого нет – ушли, но кто знает, когда они могут вернуться, эти садисты.

Он нервно хихикнул. Казалось, ему доставляет удовольствие растревать в себе этот страх, доказывая, что выхода нет никакого. Я стоял над люком и думал, что либо этот раввин – все таки еще один трюк Джулии, либо я действительно счастливо отделался. Пока. Бывший владелец моих штанов вполне мог оказаться каким-нибудь сатанистом и справлять неведомые, но жуткие мессы. Или, кроме бутлегеров, играть и в инквизицию. Меня, конечно, отпустили, но я еще не добрался до первого этажа. Раввин стоял рядом, и я видел, что борода его подрагивает. Еще немного, и мы оба зарыдаем, забившись в угол, как испуганные дети. Надо было брать себя в руки. Дернуло же меня оставлять эту проклятую зажигалку! Спустился бы вниз и, возможно, ушел бы отсюда. Во всяком случае, мог. Сейчас этот путь мне, как и раввину, уже не казался таким очевидным.

– А как получилось, что вы от них спаслись? Вас не заметили?

– Да в том-то и дело! Я постучал-постучал, никто не ответил. Вошел в квартиру, будь она проклята. От порога позвал, стал кричать, кто я и зачем, ну как обычно. А какая-то женщина из другой комнаты позвала меня. Ну вот. А там...

Внизу, в комнате, неожиданно зажегся свет. Раввин, уронив свечу, подскочил ко мне и, щекоча бородой, вжал в ближайшую стену, как бы желая своим телом загородить от света, хлынувшего в наше убежище снизу. Он тяжело дышал и молча косил дикими глазами в сторону люка.

Под нами послышались шаги, и мужской голос буднично объяснял кому-то, что воду следует менять как минимум раз в день и вообще желательно больше внимания уделять мелочам, иначе все сводится на нет. После небольшой паузы этот же голос невнятно чертыхнулся, послышалось металлическое клацанье и легкий гул – звуки, которые обычно издает закрываемая железная дверь. Потом стало тихо.

– Ну? Ты понимаешь? – прошептал мне раввин в самое ухо.

Меня слегка передернуло. Он по-прежнему стоял, прижавшись ко мне, и я чувствовал его несвежий запах.

– Ничего не понимаю – ответил я, стараясь отстраниться.

– Там, внизу – клетка, в ней они держат людей! Тех, которых поймают. Я сам видел. И еще слышал, как один кричал. О-о, как страшно кричал! Надо уходить отсюда!

Мне стало противно. Этот прижавшийся ко мне человек, жуткие сцены, о которых он говорил, усилившийся запах металла – все стало противно. Я не хочу играть в эти игры! Я вообще больше не хочу ни во что играть! Меня уже десять раз могли посадить в клетку, если

бы это было им нужно. Должна же быть хоть какая-то логика. Да и раввин запросто может оказаться одним из тех. А если даже и нет. Черт с ним!

Я резко оттолкнул сопящего бородача и шагнул к двери. Хочу, наконец, дойти до первого этажа. По крайней мере, попробую. Раввин отпрянул от меня, но тут же вцепился мне в рукав, зашипел и замахал свободной рукой. Говорить громче он боялся. Я уже схватился за дверную ручку, когда он снова без труда притянул меня к себе. Ну и здоровый же мужик! Я расслышал его отчаянный шепот:

– Тише, тише!.. Хотя бы меня не губи! – Он рывком открыл дверь. – Ну, иди быстро!

И дверь захлопнулась. Если можно назвать захлопыванием молниеносное, но совершенно беззвучное движение за моей спиной. Я снова был на свету. Постоял, привыкая к нему. Ерунда это все. Прodelки Джулии. Или этого... Ясно же: меня пытались задержать. Сначала хотели заинтересовать, теперь вот – запугать. И я чуть было не попался в довольно примитивную ловушку. Интересно, этот раввин, он у них как, почасово деньги получает или за каждую уловленную голову? Только вот переигрывает. Я снова двинулся вниз.

Этажом ниже, прямо у лифта, стоял человек и, прислонившись к стене, курил. После всех встреченных мною здесь персонажей этот парень выглядел совершенно обыденно. В джинсах и футболке. Молодой и довольно крепкий. В левом ухе – серьга. Запросто сошел бы за электрика или какого-нибудь другого ремонтника. Тем более, что из левого кармана высовывалась красная пластиковая ручка кусачек или плоскогубцев. Я внимательно рассмотрел его, завидуя его спокойствию нормально одетого человека.

Он поднял на меня глаза и усмехнулся. Ну еще бы! Я постарался побыстрее проскочить мимо. Он усмехнулся еще откровеннее и спросил:

– Ну что, психа этого видел?

Я замер спиной к нему.

– Какого психа?

– Ну этого, который денег пришел просить. Раввин, что ли? Он уже два часа наверху прячется, выходить не хочет, дурак. Думает, я не знаю, где он. А я знаю, только вот не могу придумать, как его выманить. Не драться же с ним. Я слышал, как он тебя к себе затащил, думал, ты его уломаешь. Ну да ладно, пусть сидит. Что я ему, папа, чтобы о нем заботиться, верно?

Он говорил со мной слегка насмешливо, но, в то же время, как с коллегой или соучастником. Я заколебался. Парень явно работает в местной службе. Может все-таки расспросить его о том, что здесь происходит? Меня-то он принял за своего.

Я повернулся к нему и, насколько мог независимо, тоже облокотился о перила.

– А зачем надо было его пугать-то?

– Да никто его не пугал! Зашел он к Марку, случайно увидел клетку, ну и с перепугу полез наверх. Теперь вот сидит. Только нельзя же его там оставлять, правда? Он с голоду помереть может. Да и вообще...

Я все еще ничего не понимал. Не птичьей же клетки так испугался мой раввин. Но этот парень говорит о ней как о чем-то нормальном, вполне бытовом. Хотя в этом домишке... Но не могут же быть реальными все эти средневековые кошмары? И будничным тоном этого человека, может быть какого-нибудь здешнего подсобника, для которого все эти чудеса – лишь повседневная работа, который возвращается каждый вечер домой, а по пятницам приносит жене получку... Не могу же я так ошибаться. Он посмотрел на меня почти просительно.

– Слушай, может ты сможешь? Объяснишь ему, что ничего страшного на самом деле не происходит. Только он теперь тебя к себе наверняка уже не впустит. Пойдем в квартиру, ты оттуда, через люк, и объяснишь ему все. Ну не держит же его никто, на самом-то деле.

Он погасил сигарету, открыл дверь в квартиру и приглашающе улыбнулся. Я заметил короткий узкий коридор и часть ярко освещенной комнаты. В углу, по-моему, стояло кресло. В общем, ничего пугающего. Впрочем, раввин предсказывал, что до первого этажа я не доберусь. А это приглашение смахивает на ловушку. Хотя зачем им такие хитрости, могли бы и силой затащить куда угодно. Можно, конечно, предположить, что им нравится играть со мной, и это очередной трюк. Но если трюк, то слишком уж примитивный, чтобы всерьез рассчитывать, что я попадусь. Да и глаза стоявшего передо мной паренька были столь искренними, и так обычен был его вид, что, откажись я сейчас войти, он и меня, я уверен, так же добродушно пожалеет, как и бедного раввина. И я пойду дальше, провожаемый его насмешливым и понимающим взглядом. Ну уж нет!

Паренек, тем временем, прошел внутрь, скрылся из виду в комнате и снова вернулся ко мне.

– Ну давай, заходи. Он все еще там, наверху, я проверил.

Я шагнул в коридор и уж совсем хотел было отправиться на уговоры, но паренек, вместо того, чтобы пойти вперед, почему-то протиснулся мимо меня и как-то нехорошо посмотрел. Я не сразу понял, что именно нехорошего в его взгляде. И только когда он вышел из квартиры и щелкнул снаружи дверным замком, я сообразил – это было сочувствие. Но – жестокое сочувствие.

Пожалел меня, выполняя приказ? Ну и дурак. Я сейчас поднимусь к раввину, снова выйду на лестницу и... Если только из этой квартиры есть ход в ту каморку наверху. Ну, это сейчас выяснится. Я браво поддернул штаны и пошел в комнату. Не следует прижимать меня к стенке, ох, не следует! Если я сейчас взропщу и начну сопротивляться – будет плохо. Всем. В первую очередь, вероятно, мне. Но это уже не будет иметь никакого значения. Не загоняйте меня в угол, ребята!

Комната была небольшой и выглядела вполне невинно. Какое-то растеньице в горшке у стены, низкий диван и кресло. И еще – книжные полки. Только тревожный запах усилился. Я вдруг понял, что это не кожа и не ржавчина, а горелое железо. Ага, если тут пахнет так же, как и в каморке раввина, значит, они все же соединяются. Но люка нигде не было видно. Я огляделся. Справа, у книжных полок – еще одна дверь. Люк, скорее всего, там. Прекрасно. Я толкнул дверь ногой. Почему-то это движение придало мне смелости, не совсем настоящей, но достаточной, чтобы поддержать боевой дух и скользкие штаны.

Комната была меньше первой, но тоже совсем обыкновенной. Тем неожиданной и страшнее выглядела огромная клетка в дальнем углу. Она занимала почти треть комнаты, от стены к стене, и упиралась в потолок. Что-то средневековое, а может быть варварское, было в этих толстенных вертикальных прутьях, в тяжелых петлях небольшой дверцы. Да и цвет ее – естественный цвет кованого железа, грубого и настоящего – подленько подсказывал, что пытки, может быть, вовсе не плод воображения бедного раввина.

Но самым ужасным было то, что внутри этого мрачного сооружения лежал человек. Он лежал прямо на полу и – тут меня пробрала дрожь – одет был в халат, очень похожий на тот, который я заправил в штаны. Да и вообще на секунду мне показалось, что это я сам – или мой двойник – и мои колени дрогнули...

Человек лежал, повернувшись ко мне спиной, подложив руку под голову и поджав босые ноги. И его поза, и клетка, и этот запах, пронзили меня не только страхом, но и жалостью. Острой жалостью к несчастному арестанту.

Я кинулся к клетке. Дверца была заперта всего лишь болтом, продетым в два ушка и закрепленным гайкой. Даже изнутри ничего не стоило открыть дверцу. Что это значит – сломленная воля или физическая слабость? Неважно. Я начал откручивать гайку. Я, арестант, да еще раввин наверху. Это уже трое, а раввин, помнится, здоровый мужик.

Неожиданно и совсем не к месту я представил себе картинку нашего спасения, когда все очень удачно позади. А вокруг, кутая нас в одеяла, суется полиция, такая заботливая и доброжелательная в этот момент. Я поддерживаю узника, сбоку топчется неуклюжий раввин и спрашивает, который час.

Сейчас, сейчас! Руки вспотели, и влажные пальцы соскальзывают с проклятой гайки. Ничего, справимся. Что толку кричать о решительности вообще, когда вот сейчас, здесь надо действовать. И я буду действовать, я уже начал. Перед злом я могу спастись, только если оно сваливается на меня неожиданно, а у меня было время подготовиться, сволочи! Наконец-то я свернул гайку и рванул дверцу. Лязгнули петли. Выходи, узник!

Человек медленно повернулся и посмотрел на меня слипшимися глазами. Потом открыл их пошире, приподнял голову, зевнул и легко сел, скрестив ноги.

– Да, – сказал он тоном, каким говорят в банке с мелким посетителем – в меру учтиво, но небрежно, – могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Врал я себе, что привык здесь к неожиданностям. Ни к чему я не привык! Не получается из меня решительного героя. Слишком много ненужного воображения. Слишком мало инстинктов.

Передо мной сидел тот самый холеный мужик, что читал мне лекцию о реальностях – Гарри, кажется. Правда, выглядел он сейчас менее холеным. Но и на замученную жертву тоже не был похож. Просто сонный и немного несвежий.

Меня разбирал истерический смех. Но я сдержался, мысленно прокручивая воображаемую сцену спасения. Ну пусть именно Гарри опирается на мое плечо – какая разница кто? Если именно его заперли в клетку, а может быть даже пытали. И полицейские принимают у меня его обессилевшее тяжелое тело.

Только Гарри не хотел вписываться в мою отчаянную и наивную картинку. Он, видимо, решил помочь мне в моем затруднении и сказал, не меняя тона:

– Дорогой мой, вас Джулия давно ищет, а вы гуляете по этажам, лезете куда не следует. Меня вот разбудили.

Не смотря на то, что сейчас он поутратил солидности, и тон его, и взгляд были прежними. Пыточная камера вместе с героической картиной спасения мгновенно истаяла. Спасешь его, как же. Сидит под замком, в клетке, но...

Как всегда в неожиданных ситуациях, я сбился, запутался, разозлился и сказал:

– Я пришел уговаривать раввина, которого вы запугали, ему домой нужно. Я и сам шел домой, да этот ваш... позвал помочь.

И добавил мстительно:

– А раввин – не я, он вам тут устроит шум с полицией и пожарными. Им и будете рассказывать про разные реальности. Только в другой клетке. В участке.

Гарри намеренно медленно переменял позу – вытянул ногу, а другую согнул в колене и положил на нее локоть.

– И вы действительно поверили в этого раввина? Хороший вы человек, только очень уж наивный. Я уже говорил Джулии, что вы вряд ли нам подойдете, да вопрос решил сам собой – вы ведь сбежали.

– А раввин, значит, не настоящий, а тоже ваш служащий?

– Да нет, раввин как раз вполне настоящий, просто мы разрешили ему поставить несколько экспериментов. Он называет это – побеседовать с нормальным человеком в ненормальных условиях. Хватает человека, рассказывает ему какие-то жуткие истории – а ему трудно не поверить, как вы заметили – и наблюдает за реакцией. Говорит, что изучает Бога в человеке. Усомнился, что Бог создал нас по своему образу и подобию, что ли. Вот и экспериментирует. Так что никакой полиции не будет.

Он помолчал и прибавил совсем уж нелюбезно:

– Могу я спать дальше?

Знал ведь я, что в этом доме все и всё ненормальное! Ну спит этот аристократ в клетке. Да еще при ярком свете. Но может нравится ему так. Вот она, костность мышления – раз в клетке, значит, заперт, значит, узник. Этот монтер отправляет меня сюда – упомянув, между прочим, о клетке – вытаскивать раввина. Может быть по его собственной просьбе. А я, сразу поверив в увиденное и сопоставив его с тем, что рассказал раввин, кидаюсь освобождать несчастного от мук. Инициатива, болезненная для моего самолюбия.

Тут мне, как назло, попался на глаза стоявший возле клетки маленький сварочный аппарат с полусожженным электродом. Вот и объяснение странному запаху! Тут недавно приваривали что-то, наверняка клетку чинили.

Разговаривать с Гарри, после его отповеди, мне совсем не хотелось. Я развернулся и, забыв о запертой монтером двери, пошел к выходу. За моей спиной лязгнула закрывающаяся дверца. Если считать наш предыдущий разговор наймом на работу, то состоявшаяся сейчас беседа похожа на увольнение. Прекрасно, к таким оборотам я привык.

Я поравнялся с лестницей, по-прежнему стоявшей у люка, и бросил взгляд на прибежище раввина-экспериментатора. Прямо в том месте, где конец стремянки уходил в темноту, блеснули очки. Раввин, видимо, не удовлетворился предыдущим сеансом и делал мне какие-то знаки руками, освещенный отблеском горящей в комнате люстры.

Пальцем одной руки он показывал на запястье другой, и я решил, что он опять пытается узнать, который час. Но нет, тут что-то другое. Я подошел поближе. Что толку играть в прятки, если Гарри все равно знает, кто сидит там наверху. Раввин чуть отпрянул от люка, но не переставал жестикулировать. Он скалил зубы, снова показывал на запястье, потом тыкал пальцем в глаза и, при этом потряхивал руками, как бы умоляя понять его.

И через несколько секунд я, кажется, понял, чего он от меня хочет. Круто развернувшись, я пошел назад к клетке. Мне было чуточку неловко, как человеку, у которого украли кошелек в автобусе, а он, глядя на добропорядочные лица вокруг, должен ткнуть пальцем в вора.

Гарри уже лежал в прежней позе, спиной ко мне. Нужно было срочно что-то придумать. Я помедлил. Впрочем, чего уж тут хитрить. Гарри не навинтил гайку на запирающий болт, поэтому я легко открыл дверцу и вошел в клетку. Конечно, это не могло получиться бесшумно.

Такой реакции я совсем не ожидал. Гарри пружинисто вскочил на ноги, как будто был уверен, что я вернусь и ждал этого. И, совершенно выходя из образа лощеного джентельмена, резко схватил меня за отвороты халата.

– А ну, пошел отсюда! Я кому сказал!

Ошеломленный и чуть придушенный, я опустил глаза на его руки. Я правильно понял раввина. На обеих напряженных запястьях, кольцом охватывая их, краснели жуткие свежие шрамы. История становилась если не страшней, то как-то отвратительней. Теперь уж точно надо было выбираться отсюда. Плевать на оскорбленное самолюбие. Только вот как выбираться, когда он держит меня за ворот? Сопrotивляться я совсем не мог – говорю же, мне нужно время на подготовку к решительным действиям. К тому же, я так и не понял, что же его так разозлило.

Он не дал посмотреть себе в глаза. А может это просто совпадение. Не знаю. Неожиданным – и тем более сильным – движением он оттолкнул меня. Я вылетел из клетки, больно ударился ногой о порожек и рухнул на пол.

Никогда прежде я не терял сознания. Может? потому, что никогда не стучался со всего маху головой об пол. А может взвинченные усталостью и идиотизмом ситуации нервы не выдержали.

Я полетел в красноватом полумраке, какой бывает, когда смотришь на солнце, прикрыв веки. Вынырнул раввин в шляпе на затылке, и поля ее сияли как черный нимб. И заговорил, но не сквозь клокастую бороду, а своими огромными, сквозь очки, глазами. И веки его были маслянистыми и кривились, выговаривая слова, как губы.

– Не валяй дурака, оставайся. Они знают, как поступать с такими как ты. Что ты хочешь: увидеть удивительный спектакль или только грязную изнанку декорации? А спектакль, конечно, иногда страшный. Но ведь только убедительный спектакль интересен. А что может быть убедительней страшного? Подумай!

Из-за его нимба выглянула Джулия – такая, какой я увидел ее в первый раз, на тротуаре, только совершенно нагая. Она рассмеялась и стала делать за спиной у раввина загадочные жесты, а я почему-то понимал их. Она просила меня не верить раввину. И вообще не верить ничему, а только радоваться встрече с ней. Я снова почувствовал нашу невероятную близость. Джулия была такой, какой женщина может быть только во сне. Но тут раввин, если это был все еще он, понял, кто стоит за его спиной, презрительно сузил два своих рта.

– Она только женщина. К тому же она почти глухая, разве ты не заметил? Говорить ее научили, но жесты ей даются лучше. Помнишь, как она провела пальцами у тебя за ухом? Вот видишь, ее тайны – совсем не тайны. Но стоит узнать ее поближе, как все очарование исчезнет.

Джулия замотала головой, как бы в огорчении, опустила глаза и прикрыла руками грудь и живот. Я внутренне подался к ней, не зная, что отвечать раввину, а она, Джулия, стала приближаться, оттесняя его, и оказалась рядом, совсем рядом...

Прямо на уровне глаз я увидел босую ступню, чуть прикрытую длинной джинсовой брючиной. С трудом поднял голову, отлепив щеку от жесткого пола. Рядом стояла Джулия в джинсах и длинной красной рубашке навывпуск.

– Все ударяешься, – сказала она и улыбнулась. Почти так же, как в только что привидевшемся мне бреду.

– Ты извини, это наверное моя вина, что так все получилось. Мне надо было поторопиться, а не оставлять тебя одного с Бертой. Зато теперь, обещаю – мы сразу же отправимся в Центр, и все будет хорошо.

Я поднялся на ноги и почувствовал, что все стремительно возвращается к самому началу: эта женщина и я, бессловесный и покорный. Ей я верил. И хотел дождаться конца приключения – ведь чем-то оно должно закончиться. Даже если утренним разочарованием.

Гарри куда-то исчез, и туман всякой мерзости, дух опасного сумасшествия пропал вместе с запахом недавней сварки. Я двинулся за Джулией. Она повернула ко мне лицо, и я вздрогнул, впервые разглядев в ушной раковине маленький аппаратик телесного цвета. Такие штучки носят глухие. Я бы очень удивился, если бы в этот момент не заметил, что из люка свешивается рука с грязной белой манжетой. Рука раввина. На секунду мне показалось, что это мертвая рука.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ничего неожиданного больше случиться не может. Слишком уж фантастически развернулась жизнь. Сэм проснулся с ощущением... Да нет, ощущений и желаний у него сразу же появилось очень много. Сразу же, как только сообразил, что теперь он очень богат. В тот день, когда случайное совпадение чисел просто так, ни за что, выдернуло его из обычной жизни. Процедура получения выигрыша, со всеми ее бюрократическими подробностями и проволочками, показалась Сэму чарующей прелюдией к новой жизни. Сэм вдруг понял, что под тонким непривлекательным слоем его прошлого незначительного существования в образе скромного клерка таилось его настоящее «я», которое остро хотело... Хотело всего. Той радости бытия, которая возникает перед мысленным взором обычного человека при словах «пятьдесят миллионов».

И вот сейчас, спустя месяц после самой необычной пятницы в его жизни, Сэм проснулся с ощущением, что все происходит совсем не так, как ему представлялось. Он до сих пор живет в своей маленькой квартирке, и, хотя деньги уже переведены на его банковский счет, все, что он сделал – это позвонил в контору, где работал, и уволился. И квартира, и улица, и магазинчик на углу – все напоминало об исчезнувшем Джо. Казалось бы сейчас есть возможность немедленно уйти, уехать, начать совершенно иную жизнь! С такими-то деньгами!

Но Сэм медлил. Как-то все получалось не совсем так. Вот если бы он сам купил этот билет... Тогда все было бы просто. Но деньги, фактически полученные из рук умирающего бандита, казались Сэму не совсем его деньгами. Если честно, то он просто боялся их тратить. Ведь в любой момент мог появиться Джо и потребовать свои деньги назад. Сэм страшно ругал себя за то, что тогда так и не выяснил, жив Джо или нет. Теперь было слишком поздно. Конечно, обладая такими деньгами, нет ничего проще, чем исчезнуть в огромном городе или вообще – уехать куданибудь, где его не найдет никто, но... Его настоящее, остро всего хотевшее «я», медлило и... снова медлило.

Сегодня Сэм решил выбраться в центр и побродить. Нужно было немного расслабиться. В последнее время он почти не выходил из дома. Скорее всего, сказал он сам себе, никто не придет отнимать у него деньги, и теперь пора приглядеться к новому положению: выбрать хороший и респектабельный район, где ему захотелось бы жить, побродить по магазинам, в которых никогда раньше не приходилось бывать. Примерить на себя новую жизнь. Хватит медлить! Его ждут миллионы. Миллионы возможностей.

Стоял тот короткий промежуток летнего утра, когда солнце поднялось уже довольно высоко, но еще не палило. И потому даже в центре, на тихих богатых улочках, дышалось легко. Сэм беззаботно шел, никуда особенно не торопясь. В его распоряжении не только весь сегодняшний день, но и все будущее. Теперь, уж конечно, у него не будет нужды глупо заглядывать в свои окна. Он представил себе красавицу блондинку... или брюнетку. Неважно. Нужно сейчас же начать тратить свалившиеся на него деньги, привыкать к ним. Он подошел к удачно подвернувшемуся банковскому автомату и снял со счета денег. Много денег. Столько, сколько ему еще никогда не приходилось держать в руках разом. Он и сам подивился той уверенности, которую вселила в него эта пачка, ощутимая при каждом шаге в кармане джинсов. Теперь следует придумать, как их потратить.

Он остановился у дверей небольшого, но, по-видимому, дорогого кафе. Сквозь огромные окна-витрины было видно, как в по-утреннему пустом зале парочка в ярких летних майках пьет кофе. Женщина в шортах, молодая и загорелая, безразлично откинувшись на стуле, слушала, что ей говорит мужчина – лысеющий, с брюшком джентельмен, тоже в шортах. Надо же, – подумал Сэм – и у меня может быть такая спутница. Он сравнил себя с джентельменом и нашел, что сам он ничуть не хуже, разве что одет в тяжелые темные джинсы и немодную рубашку. К черту все, – сказал себе Сэм, – зайду вот и буду пить здесь кофе! И совершенно нет нужды ждать пятницы, чтобы почувствовать предвкушение приключения. Воспоминание о Джо здесь, на солнечной тихой улице, ощущалось лишь как дурной полузабытый сон.

Он решительно шагнул к двери, решительно начал ее открывать и даже услышал, как слабо звякнул колокольчик. Никаких проблем, сейчас начну тратить деньги. Прямо сейчас. И самым роскошным образом. Уже почти шагнув в кафе, он вдруг краем глаза увидел, что по тротуару прямо на него идет фигура в темном костюме. Сэма передернуло. Полузабытый сон стал резко обрастать реальностью. Это он, Джо. Из джинсов, как злое свидетельство, неприлично выпирала пачка денег. Наверное следует объясниться, рассказать, что билет оказался выигранным, но если Джо считает... Неведомая сила развернула Сэма и бросила его в сторону от надвигающегося человека. Трудно сказать, как долго бежал бы Сэм на отяжелевших ногах. Но ощущение, что его сейчас схватят, заставило его обернуться, и он увидел, что черная фигура – совсем не Джо и вообще не мужчина, а женщина. И не в черном, как ему показалось, а только в темнозеленом платье. Кошмар отхлынул, но оставил после себя слабость и растерянность. Женщина приблизилась. Сэм облегченно вздохнул и, отгоняя остатки испуга, попытался улыбнуться ей. Он заметил, что она немолода: шея и часть груди в вырезе платья откровенно морщили, но лицо, круглое и добродушное, было еще гладким. Она была некрасива и полновата, но, в то же время, и не уродлива. Обычная женщина. Просто женщина.

Обычная женщина улыбнулась в ответ Сэму. Видимо, она что-то почувствовала, а может он был еще бледен и тяжело дышал, и это вызвало ее сострадание.

– Вам нужна помощь? Вы плохо себя чувствуете?

Ее голос показался Сэму каким-то ненатуральным, очень уж низким и хрипловатым. Таким голосом мог бы говорить мужчина, который подражает женщине. Он взглянул еще раз на формы, откровенно подчеркнутые узким платьем. Конечно же, женщина.

- Нет, нет, спасибо. Теперь уже все хорошо. Правда. Не беспокойтесь.

Тут Сэм почувствовал, что, наверное, невежливо отталкивать человека, тем более женщину, бескорыстно предложившую ему свою помощь.

– Я просто... в общем, мне сейчас уже лучше. Нужно только немного посидеть, и все будет совсем хорошо. Вы не волнуйтесь.

Тут женщина заговорила, и через минуту Сэм понял, что отвязаться от этой чересчур отзывчивой незнакомки так просто не удастся. Он уже узнал, что она -медицинский работник (скорее всего медсестра, потому, что врачи так и говорят что они врачи), что она сейчас в отпуске, а сюда приехала из маленького городка – посмотреть, побродить в толпе; что живет одна. Тут Сэм взглянул на нее с интересом. Но нет. Совсем нет. Его ожидают молодые и красивые женщины, новая жизнь. Тем не менее он, неожиданно для себя, пригласил ее на чашку кофе. Конечно же, она с удовольствием. Похоже, в отличие от Сэма, она полагала, что начинающееся знакомство сулит приятное продолжение.

В кафе по-прежнему сидела та же парочка. Сэм с неумолкающей спутницей сел за столик подальше от окна. Он не хотел больше пугаться. Пора уже раскованно и легко входить в новый образ, а точнее – вылезать из старого. Только получалось плохо. Мужчина в шортах

расплатился с официанткой и, приобняв свою женщину за очаровательную талию, вывел ее на улицу. Ах, где же берутся такие легкие, свежие женские тела? Сэм мысленно влез в шорты и попробовал положить руку на талию идущей рядом красавицы. Ничего не получалось. Не кинешься же вслед за такой и не станешь объяснять ей про свои миллионы! Это смахивает на куплю-продажу. А дело не в этом, совсем не в этом!

Как ужасно, что по лицу Сэма все окружающие могут читать его мысли! Женщина в зеленом платье приостановила свой дребезжащий монолог и посмотрела ему в глаза. Сэму показалось, что ее болтовня была отвлекающим маневром, и внимательно приглядывающаяся к нему женщина озабочена вовсе не его здоровьем. Она положила свою мягкую ладонь на его руку и сказала, так же пристально глядя ему в глаза:

– Меня зовут Берта.

Она погладила его по руке, а Сэму вспомнилась другая ладонь – ладонь той бесстыдно ласкающей себя в метро женщины. Он вздрогнул.

Не было ничего, что могло бы оправдать Сэма в его собственных глазах. Новая жизнь складывалась совсем не так, как ему представлялось. Позже, сам себе, он мог, конечно, объяснять, что понял всю невозможность вдруг стать другим человеком, и что никогда, ни за какие миллионы, не получится у него легкого общения с милой восхитительной женщиной. А на самом деле и его первоначальный испуг, когда он принял Берту за Джо, и ее не женский голос, вопреки очевидности, подавляли волю Сэма. Что-то, злое и насмешливое интимно нашептывало ему, что рядом с этой женщиной он в безопасности. Невероятным образом немолодая и некрасивая, она заместила в сознании Сэма опасного Джо; рядом с ней он вдруг почувствовал моральное право тратить свои миллионы. Все получилось так, как получилось. И по-другому быть никак не могло.

Весь день они гуляли по городу, и Сэм уже привык к ее ненастоящему голосу. И когда она пожимала, мягко и обещающе, его руку, волновался и чувствовал, что это хорошо. Конечно, случись с ним такое до выигрыша, он был бы безмерно счастлив. Сейчас он усердно отгонял от себя мысль... Да всякие мысли! Кроме того, Берта вела себя с ним так уверенно и, вместе с тем, женственно, что сомнений в том, как и чем окончится сегодняшний день, у Сэма не возникало. И его пробирал сладкий ознобчик. Довольно неожиданностей! Он хочет знать, как все будет дальше. И вот сейчас, кажется, знает.

Их день, действительно, закончился в гостинице, где она остановилась. Его удивила белизна и мягкая упругость ее тела, когда она совсем обыденно вышла из душа и легко привлекла его к себе. Именно так, как он и хотел! Сразу она оказалась близкой и доступной, но не вообще, а только для Сэма, и эта доступность восхитила Сэма своей очевидностью. В постели ее лицо стало таким беззащитным, милым и молодым, каким оно не было, пока Берта стояла. Свет ли это так падал, или она намеренно сбросила какую-то свою маску, неважно. Сэм прижал ее к себе, теплую и незнакомо, но узнаваемо пахнущую, и мысли о неправильно начавшейся новой жизни исчезли. Правильно или неправильно, но новая жизнь началась.

Берта была восхитительна. Когда Сэм окончательно привык к ее голосу, лицу и телу, он уже и сам не понимал, почему в первый момент она показалась ему столь непривлекательной. Она была просто восхитительна! Когда они перебрались в квартиру Сэма, там сразу же появился тот дух, о котором он столько мечтал. Хотя вряд ли Берту можно было назвать чистойлей или хорошей хозяйкой. Дело было не в этом. Ее почти материнская ласковость и, в то же время, сильная, глубокая чувственность уводили Сэма далеко от действительности. И это было хорошо.

Только вот одно было плохо. Как только они выходили на улицу (Берта любила поужинать в ресторане), на Сэма нападала странная стыдливость. Он начинал смотреть на себя и, главное, на Берту со стороны и видел, что она некрасива, немолода, да и не очень умна

к тому же. Она громко называла его домашними именами, теребила его и, как казалось Сэму, обращала на себя внимание окружающих. Сэм предпочитал сидеть дома.

Он, конечно же, рассказал Берте, что богат, и ему понравилось, что она даже не спросила, откуда у него деньги и сколько их. Просто приняла к сведению, что Сэму нет необходимости работать.

Когда закончился ее отпуск, а случилось это через полторы недели, они поженились, вернее сказать, расписались в какой-то бумажке, и им выдали свидетельство о том, что они могут совершенно законно наслаждаться обществом друг друга. Что они и делали. Некоторое время. Еще через месяц они впервые поссорились. Ссора была мелкая, а потому и очень обидная. Сэм разнервничался, схватил подвернувшийся под руку пиджак (на улице шел мелкий дождь) и хлопнул дверью. На улице он подстыл и решил прогуляться, почувствовав, что очень давно не был один. Конечно же, такой круглосуточный марафон вдвоем, даже с женщиной, с которой ему хорошо – непростая штука. В общем, он был даже рад этой ссоре, возможности побыть одному.

Потихоньку намокая, он неторопливо шел по улице. Странно – его жизнь сильно переменилась с появлением Берты, но, как не старался, он не мог не признать, что более ни в чем изменений как-то не случилось. Возможно, если бы Берта стала подталкивать его... Но она была совершенно равнодушна к возможностям, открывающимся перед обладателями такой кучи денег. А сам он был вполне доволен тем, что у него было. Его «я», жаждавшее всяческих благ, с появлением Берты утихло и, говорил себе Сэм, было бы просто глупо в его положении делать вещи, не доставляющие ни малейшего удовольствия. Впрочем, решил он, небольшое путешествие куда-нибудь на острова, этаким романтический вояж, поможет им встряхнуться и не топить себя в мелких дрызгах. А что, прекрасная идея! Он вернется домой и предложит Берте отправиться в путешествие. Прямо сейчас. Ведь нужно только позвонить и все заказать, не имеет значения, сколько все это будет стоить. Прямо сейчас – на самолет и... Второпях он забыл, как болезненно для него появление с Бертой на людях. Ну, в конце концов, можно выбрать какой-нибудь малолюдный остров. Он представил себе предлетную суету, вежливых стюардесс, тропические красоты неведомого острова – и ускорил шаги. Конечно же, Берте это понравится. Он поднял глаза на свое окно. Из мокрой темноты особенно уютно светила лампа. Сэм улыбнулся. Ему стало легко. Призрак Джо, подтолкнув к нему Берту, еще раз оказал ему неоценимую услугу.

Сэм полез за ключами, но пальцы натолкнулись на округлый предмет. Сэм вытащил тяжелую штучку – зажигалка. Та самая, с драконом. Он и забыл совсем. Это не испортит ему настроения. Хотя, конечно, противная история с ней связана... Надо будет убрать ее куда-нибудь. Зачем объяснять Берте, откуда у некурящего мужчины зажигалка, да еще такая. Можно было ее и выбросить, но это все-таки память, хоть и не самая приятная.

Сэм решил позвонить в свою дверь. Берта откроет, и он ей тут же расскажет о путешествии. Так будет торжественнее. Сжимая в кармане зажигалку, он ждал Берту. И действительно, Берта, улыбаясь немного растерянно, отворила дверь. Она была не в халате, как ее оставил Сэм, а в тесных брюках и нелепой майке. Этого наряда Сэм не любил.

– А у нас гость, – сказала она, – причем, совершенно неожиданный. Я и сама не понимаю как он меня нашел. Но ты ведь не будешь против, правда? Тебе самое время познакомиться с моими родственниками. Конечно, он мог бы и предупредить заранее, но он...

Сэм ничего не понял. Какие родственники? Он не помнил, чтобы Берта хоть что-либо говорила о родственниках. У самого Сэма, с тех пор как умерли родители, родственников вообще не было, и их неожиданное наличие у Берты почему-то настораживало. И кто этот «он»?

- Ну как же, неужели не помнишь, я тебе говорила о нем сто раз.

Они вошли в комнату. В кресле, развалившись, сидел человек. Берта как-то робко на него взглянула и подтолкнула Сэма.

– Познакомься, дорогой, это и есть мой родной брат, мой младший братик Билли. А это мой муж Сэм. Вы знакомьтесь, а я сейчас – приготовлю всем кофе.

Берта юркнула на кухню. Сэм шагнул вперед и радужное, легкое настроение разлетелось в клочки. Он знал, предчувствовал что когда-нибудь это случится! В кресле сидел Джо. Не ночной кошмар и не похожий на него человек, а именно Джо. Сэм не мог его не узнать.

Джо смотрел на него без улыбки и молчал, держа руки на подлокотниках кресла. Нет, таких совпадений просто не бывает. Это не может быть Джо. У Берты никогда не было родственников. Все это ужасно. Неожиданно для себя Сэм сделал нелепейшее: он взмахнул рукой и запустил в сидящего тяжелой зажигалкой. Занятно – ситуация почти повторилась. Только теперь Джо ловко поймал летевшую в лоб зажигалку. Поймал, взвесил в руке и отбросил на диван. Сегодня Джо был одет в кожаную куртку и джинсы, но ощущение недоброй и немного киношной силы по-прежнему исходило от него. Сэм продолжал стоять. После истерической выходки с зажигалкой он понимал, что выдал себя, свой страх, но совсем не знал, что же сейчас делать.

Джо пошевелился в кресле и вдруг громко, так, что Сэм дернулся всем телом, крикнул:

– Сестренка, долго ты еще там? Давай сюда твой кофе! А ты садись, чего растерялся? А? Думаешь, за сестру ругать тебя буду? Чего тебя ругать, в законном браке ведь. А то, что живете убого – сама дура, надо было богатого выбирать. Правильно я говорю? Да куда ей богатого, хорошо еще тебя нашла, невеста! Он залился смехом. Каким-то ненатуральным смехом, как показалось Сэму. Он медленно опустился на диван, снова повторяя уже случившееся однажды. Только тогда это был холостяцкий диван, на котором он ворочался от дурных снов. А сейчас каждую, или почти каждую, ночь он и Берта... И вот теперь Джо снова здесь.

Сэм не мог поверить во многое: что Джо не узнал его, что Берта не рассказала о его деньгах, что Джо вообще брат Берты! Хотя, если это действительно брат и при этом не Джо, то он... Нет этого быть не может, такого сходства не бывает. Значит это он, оправился от ран и, совершенно случайно, Берта – его сестра. Он, Джо не мог забыть Сэма, но вполне мог не помнить о лотерейном билете, или не придать ему значения: билет и билет, бумажка. Как хорошо, что Сэм так почти и не прикасался к деньгам.

Из кухни, подобострастно улыбаясь, выскочила Берта. Именно выскочила. И вообще, такой ее Сэм еще не видел. Она раскраснелась, поднос в ее руках подрагивал. Двигалась она, при всей быстроте, неуверенно. И еще, Сэм заметил, что, видимо, второпях подкрашивая лицо, она слишком низко и широко мазнула по нижнему веку, и теперь ее левый глаз казался выпученным и посаженным ниже правого. Она поставила поднос с чашками на столик у дивана, села рядом с Сэмом и взяла его за руку. Ее руки, казавшиеся всегда нежными и ласковыми, сейчас были просто невыносимы. Сэм почувствовал стыд за Берту. Нелепая, ничего не понимающая дура.

– Билли, ты так меня напугал! Ты себе не представляешь! Я-то думала, что это ты пришел – она сильнее прижалась к Сэму, – а это Билли. Знаешь, так неожиданно. Я его и не узнала сразу. Только потом узнала и кинулась переодеваться.

Начинается – подумал Сэм, – теперь ее не остановить. Но он не успел додумать, как раздался смех Джо. Он смеялся громко, как и в тот раз, широко открыв рот. Берта умолкла на полуслове.

– А ты, Берта, все такая же. В нашей семейке все любили поговорить, но эта... – тут он перебил сам себя. – Ладно, давайте ближе к делу. Есть у нас с тобой одно дельце.

Сэму показалось, что Джо смотрит на него с сожалением. Сейчас потребует деньги. Она ему все рассказала, идиотка! Пятьдесят миллионов, острова, свобода, все это улетучивалось, а оставался только тяжелый взгляд сидящего напротив бандита и потная, жаркая женщина, вжавшаяся в него слева. Сэм сообразил, что она боится своего брата даже больше, чем он сам. И этот ее страх был страшен и противен Сэму. Он не мог и представить, что совсем недавно с умилением думал о ночах с ней. Но пошевелиться, чтобы отодвинуться от нее, он не мог.

- Да ладно, не дрожите, – Джо усмехнулся, – сейчас разберемся, вот только вернусь. Он встал и вышел. Было слышно, как он закрыл за собой дверь туалета.

Берта рывком придвинула лицо еще ближе к Сэму. С перекинувшимся ртом, идиотским выпученным глазом она выглядела ужасно.

– Это совсем не мой брат, ты слышишь? Он пришел и сказал... и он мне пригрозил, что... Он очень страшный. Пожалуйста, сделай что он просит. Я не знаю кто это, честное слово! А он приказал, чтоб я была его сестра, не знаю зачем, но ты делай что он скажет, хорошо?

Берту трясло. Сэм видел, как подрагивают ее груди с затвердевшими сосками. Ее что, все это возбуждает, что ли? О чем я думаю в этот момент! Однако Сэм почувствовал, что и сам возбудился. Неожиданно это придало ему мужества. Может быть и Берта заодно с Джо? И все это – хорошо разыгранный спектакль? И сейчас Джо ждет, пока она не обработает его? Что он знает об этой женщине? Почти ничего. Только то, что она ему рассказала. Мог ли Джо специально подсунуть ему Берту? Наверное, мог. Но как он узнал о выигрыше?

Сэма почему-то сейчас совершенно не волновали деньги. Просто ему было противно и страшно. Этот идиот Джо не считается ни с чужой жизнью, ни со своей, ему наплевать. Сэм вспомнил, как тот стоял в дверях магазинчика, весь на виду, кажется, специально подставляясь под пулю. Что ему Сэм? Он хотел встать, но эта женщина облепила его, она держала его за руки и продолжала что-то шептать, суматошно сглатывая слова. А может все так, как она говорит, и он действительно должен сделать то, что скажет Джо? А потом все будет как прежде? И диван снова станет уютным? Но маска на лице женщины – и эти фальшивые глаза... С ней ли он спал? Сэм не мог стряхнуть ее с себя. Он еще раз дернулся, но она держала его крепко, и стало понятно, что никуда его не выпустят. Никуда. Казалось, он завяз в ней как в болоте.

Сэм пошарил рукой в поисках диванного валика, чтобы помочь себе отстраниться, но снова натолкнулся на зажигалку. Дикая мысль промелькнула в голове. Он схватил эту зажигалку, не совсем осознавая, что делает, поднес ее к выпячивающемуся через материю соску и крутанул колесико. Посыпались искры. Берта дико взвизгнула и, дернувшись, слетела с дивана на пол. Перекошенный глаз, широко открытый рот. Сэм вдруг понял, что сейчас она действительно очень похожа на Джо, когда тот смеется. Сомнений у него не осталось. Он вскочил и побежал к двери. Сейчас он мог только убежать отсюда. Если мог.

Неожиданно на его пути возник Джо. Сэм успел заметить, что тот удивлен и даже испуган. Это подбодрило. Он резко выбросил руку с зажигалкой вперед и снова чиркнул кремнем. Наивное, бессмысленное действие. Но вместо бледных искр зажигалка пальнула в лицо бандита длинным и узким языком пламени. Что-то зашипело. То ли пламя, то ли брови на лице у Джо. Лицо это мгновенно исчезло. Сэм почувствовал, как сам кричит, пока бежал по коридору к двери. Но это был крик победы. Животный и бессмысленный.

Он долго бежал по улицам, сжимая в руке спасшую его зажигалку. Сейчас он направил бы ее и против пистолета. И только сейчас он по-настоящему почувствовал, что выиграл целых пятьдесят миллионов.

Он стоял где-то в переулке, в мягком свете недалекого фонаря, и приходил в себя. Что-то неуловимо изменилось в Сэме. В первый раз он пошел навстречу опасности, понукаемый Джо, и на подаренный ему билет выиграл целое состояние. В этот раз он ринулся против самого Джо – и выиграл жизнь. Он был почти уверен, что это так. Ну а в придачу к жизни, у него были еще и деньги. Совсем неплохо. Плохо только то, что бандит или бандиты все еще могут его выследить. И вдруг он понял, что это его уже не пугает. Черт возьми, у него куча денег, он уже не прежний беззащитный человечек. Не надо никуда уезжать и прятаться. Все должно быть совсем по-другому. Как – это надо еще подумать. Во всяком случае, он чувствовал азарт игрока, и это ему нравилось. Он взглянул на зажигалку в руке, разглядел женщину и дракона в обнимку с ней и рассмеялся, вспомнив оставленную там, далеко, в его прежней квартире, парочку. Мы еще посмотрим, кто из нас дракон. Конечно, официально фальшивая Берта все еще его жена, но только не верится, что они кинутся отсуживать у него эти миллионы. Слишком уж много темных мест в этой истории. Собирайся Джо поступить так, он бы не стал торопиться и выждал хотя бы год. Нет, все правильно.

Остаток ночи он слонялся по городу, но зато к утру точно знал, что надо делать. Все необходимые ему документы, к счастью, были при нем, поэтому он дождался десяти, когда открываются офисы в центре – и отправился туда. Сэм выбрал самую солидную по виду контору по торговле недвижимостью.

Дальше все было довольно просто и быстро, как это всегда бывает, когда к делу подключены хорошие профессионалы и большие деньги. Через две недели, которые Сэм провел в небольшом мотеле за городом, он стал владельцем недавно выстроенного шестнадцатиэтажного дома. За это же время он завел себе личного банкира и поверенного, который выкатил глаза от удивления, когда Сэм заявил, что никаким жильцам квартиры в этом доме сдаваться не будут. Более того, внутри нужно все перестроить, поэтому ему требуется хороший архитектор и группа рабочих. Сам же он займет пока самый верхний, шестнадцатый этаж и будет наблюдать за ходом работ. Остальные распоряжения поступят в свое время. Да, еще один момент. Нужно связаться с конторами по найму театральных актеров, объяснить, что объявляется набор в новый театр и попросить прислать на просмотр актеров и актрис. В особенности же нужна немолодая актриса, полноватая и с хриплым низким голосом. Вот теперь все.

Сэм прекрасно чувствовал себя в новой роли. Только иногда, по ночам, он просыпался в маленьком номере тихого мотеля оттого, что ему казалось: рядом лежит та глупая, двуличная, но нежная женщина. И ему снова становилось страшно и одиноко.

Когда он вступил в свои владения, то первым делом принялся отбирать нужных людей. Актриса, выбранная на роль Берты, была не очень похожа на нее внешне. Но зато при первой же встрече она коснулась рукой его руки и посмотрела в глаза преданно и нежно. Ну вот, подумал тогда Сэм, только эта будет играть в мои игры, по моим правилам.

Приведенного к нему архитектора, солидного и известного, он тут же отпустил. Сэму был нужен человек с воображением и без идиотских комплексов. Нанятый им молодой парень не скрываясь курил марихуану, но зато сразу понял, что хочет Сэм и даже внес несколько дельных предложений. Занявшись работами по своему плану, Сэм вдруг поймал себя на том, что совсем не думает о опасности, из-за которой и возникла у него идея купить этот дом. И чем дальше продвигалась перестройка, тем больше увлекал его замысел сам по себе. Он неожиданно понял, что именно сейчас и начинается его новая и совершенно неожиданная жизнь. Великолепная и по-детски остроумная мысль, родившаяся у Сэма в ту ночь, облекалась в реальность, хотя поверенный, серьезный деловой человек, и махал руками, доказывая, что это полное безумие – растратить на непонятные ему причуды большую часть денег, целое состояние.

Да что там деньги! И деньги, и бандиты, и вся предыдущая жизнь Сэма были только необходимым антуражем, гримерной, в которой накладывался недостающий грим, потемками кулис, откуда в очень нужный и очень важный момент, под волнующий свет рамп, вышел сыграть свою любопытную, полную экспромтов роль толстенький лысеющий человек в черном пиджаке, сжимая в руке золотую зажигалку, на которой сладострастный дракон влек под себя податливое женское тело.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вся нравственность, вся мораль средневекового рыцарства, обрстая обычаями и этикетами, сводились, в основном, к поклонению Даме. Рыцари Круглого Стола били друг друга и окружающих, кроша о мечи свои и чужие доспехи, в простоте душевной полагая, что каков бы ни был исход поединка, им достанется рай – на земле или на небесах. Думаю, что предпочитали они обрести этот рай в объятиях покоренных удалью дам. Но эти отчаянные, обернутые сталью мужики несли под ней, кроме вшей и храброго сердца, безусловную уверенность, что если дрогнет рука и упадет конь, то рай, правда, поскучнее – небесный, им обеспечен. Значит, им было много проще.

К чему это, собственно, я? Ну да, именно рыцарством – чем же еще? – хотелось мне объяснить себе перемену настроения да и своих намерений на ближайшее будущее. Не безвольностью же объяснять тот факт, что мне совершенно расхотелось домой. Ведь подумать только, я мог совсем уйти отсюда!

Я снова шел за Джулией, и холод, дохнувший на меня от свесившейся руки, как мне показалось, мертвого раввина вдруг зазвенел в моей голове мечом, бьющим в стальной доспех. Даже не очень благородное желание – совсем не фальшивое там, где металл, случай и опасность. Ну да, интересный спектакль – это страшный спектакль. К тому же смерть раввина была ровно настолько бутафорской, чтобы я почувствовал на себе не только шутовские штаны, но и тяжелые рыцарские ножны, куда с готовностью уместился мой страх. Вот уж точно: достаточно было и пары немудреных приемов, как реальность моя стала безболезненно двоиться и трояться. Чтобы не бояться, достаточно полагать, что раввин жив, а Гарри никто не пытал. А чтобы игра стала острее – просто усомниться в ней.

Мы беспрепятственно вышли из квартиры, и Джулия вызвала лифт. С ней я совсем не боялся оказаться в замкнутом пространстве. Даже наоборот. Она улыбалась мне, а это значило, что все шло нормально, и мой побег увольнением не считается. Я так и не был уверен, слуховой ли аппарат я увидел у нее в ухе, но мне стало казаться, что ее короткие фразы и мое молчание с самого начала были вызваны ее глухотой. И это было почему-то приятно. Глухая Джулия... Это не отняло, а что-то добавило к ее образу. По-моему, это самая очаровательная и сексуальная инвалидность, которую я встречал.

Голова моя мягко кружилась то ли от удара, то ли от того солнца, что блестело на турнирных доспехах. Наверное я улыбался. Джулия подхватила мою улыбку и спросила доверительно:

– А может быть ты хочешь, чтобы я вывела тебя на улицу?

Я покачал головой. У меня появилось ощущение, что, выйди я отсюда, никогда больше уже не получится вернуться. Я еще раз решительно дернул головой, невольно взглянув на ее ухо. Она вопросительно посмотрела, дотронулась рукой до аппарата, погладила его и рассмеялась. Я так и не понял, что это могло означать. Может быть эта штука – не слуховой аппарат, а телефон или как это там называется, через который она получает какие-то указания? Ни за что не смогу спросить ее об этом.

Подъехал лифт, и я обнаружил, что в кабине нас поджидает толстенный детина в форменном пиджаке и фуражке. Джулия улыбнулась и ему и сказала, как таксисту:

– В Центр, пожалуйста.

Детина засопел, повозился у пульта и мы поехали вниз. Потом он снял фуражку и довольно изящно для такой туши облокотился о пульт. Ни в его позе, ни в выражении лица не

было ни малейшего почтения. Лифтер здесь, похоже, тоже не настоящий. Я внутренне напрягся. От туши веяло если не агрессией, то насмешливой угрозой.

– Отчего же не в подвал? Тебя там давненько не видели. Хочешь, сейчас прямо и поедем. И приятеля твоего с собой возьмем. Ему должно там понравиться. Шутник давно уж хотел кого-нибудь свеженького.

В отличие от меня, Джулия очень дружески отнеслась к жирному лифтеру. В ответ на его наглость она попросила передать Шутнику ее сожаления и пообещала зайти скоро, может быть даже сегодня. А приятеля она сейчас ведет знакомиться и поэтому отпустить тоже не может. Глухая она или нет, но мне показалось, что тона, которым он говорил, она не уловила. Или специально не заметила, чтобы толстяк не завез нас в свой подвал? Почему-то не хочу я встречаться с этим Шутником.

Лифт замедлил ход, но двери не раскрылись, а детина стал нажимать какие-то еще кнопки. Над кабиной что-то щелкнуло, нас качнуло, и мы с нарастающей скоростью поехали куда-то вбок. Я даже не удивился. Хотя толстяк уставился на меня, ожидая реакции. Он мне все больше и больше не нравился. Тут лифт остановился, Джулия взяла меня за руку, и мы вышли.

Я ожидал увидеть то, что в моем представлении было связано со словами «Центр» и «Система», то есть оживленность, многолюдие, некий напряженный ритм. Но мы попали в огромное и совершенно пустое помещение, что-то вроде зимнего сада. Прямо от лифта во все стороны расходились стены живой изгороди: аккуратно подстриженного кустарника, поднимавшегося выше человеческого роста. Это было похоже на искусственный лабиринт. Площадка перед лифтом была на несколько ступенек приподнята, и ее мраморный пол неприятно охлаждал мне ноги. Здесь стояли предвечерний полумрак и тишина. И еще воздух: влажный, но совсем не спертый, как в теплицах, а легкий и, к моему удивлению, чуть-чуть припахивающий сигарным дымом.

– Сначала, – сказала Джулия, осторожно спускаясь по ступенькам, – мы решили, что тебе будет интереснее, если мы обойдемся без объяснений. Но, как оказалось, лучше объяснить кое-что.

Она обернулась ко мне и призывающе махнула рукой. Я тоже спустился со ступенек. Теперь под ногами был уже не мрамор, а искусственная трава. Не очень приятное ощущение: жестко и кажется, что вот-вот наступишь на какую-нибудь дрянь. Джулии, похоже, тоже было неудобно. Она переступила с ноги на ногу.

– В общем, для нас главное, чтобы тебе было интересно. Это очень важно.

Она снова мило и обещающе улыбнулась, вошла в лабиринт и как-то сразу исчезла, видимо, резко свернула за угол. Я дернулся за ней. Лабиринт этот строили специалисты: повернув голову влево, туда, где полагалось быть Джулии, я увидел лишь две расходящиеся в стороны аллеи, упирающиеся в тупики. Я еще ничего не успел подумать по этому поводу, как услышал ее голос где-то справа от меня.

– Я никуда не делась. Я здесь. Только ты не иди за мной, ладно? И никто не подшучивает над тобой, ты не думай, просто весь этот сад придуман специально для того, чтобы по нему ходили в одиночку. Вдвоем в нем... ну, нехорошо, что ли. А ты иди вперед, ладно?

Она умолкла, но через несколько секунд решила добавить:

– Ты здесь не заблудишься, все так устроено, что заблудиться невозможно. Ну если совсем не получится по дорожкам, просто раздвинь кусты, они не очень плотные.

По ее голосу я понял, что окончательно уроню себя в ее глазах, если воспользуюсь этим советом. Ну ладно, пойдем вперед. Непонятно зачем. Неизвестно куда. Но, если это и есть Центр, то, значит, мне предложено что-то вроде теста. И впереди меня ждут объяснения.

Я бодренько, подозревая, что за мной наблюдают, двинулся по правой аллее. Тупик, как я и ожидал, оказался обманом зрения. Неверные полутени сбивали с толку. Отлично, я снова взял вправо. Ощущение времени, покинувшее меня, пожалуй, еще на крыше, вернулось где-то после пятого такого поворота. Мне совсем не было страшно, просто неловко, что я не могу справиться с незатейливым лабиринтом. Он никак не кончался. К тому же проклятая искусственная трава окончательно исколола мне ноги. Я поднял голову. Сориентироваться по потолку не было никакой возможности – далекие лампы висели не рядами, а составляли идеальный круг. Стоп, а может предлагается идти напролом, через кусты? Очень символично. Конечно, Джулия упомянула об этом способе передвижения как об аварийном, но кто знает... Если она глухая, то ее интонации ничего не значат. Да и не вижу я никакого другого выхода.

Если за мной наблюдали, то могли заметить, как я воровато оглянулся и сунул руку в куст. Рука вошла по плечо, однако в густых электрических сумерках разглядеть, что же там, за стенкой, было совершенно невозможно. Рукав халата задрался, ветки сильно царапали мне руку, и я представил себе, каким я выйду из этого испытания, если мне придется пролезать хотя бы через парочку таких стен. Вряд ли захочется чего-либо романтического неделю-другую, пока не заживут царапины.

Я вытащил руку и побрел вдоль изгороди, но уже безо всякого энтузиазма. Конечно, это не рыцарский турнир, меня не сшибли с коня, но... Джулия, со всеми ее клетками и старухами, крышами и подвалами... Конечно, я заблудился раньше, значительно раньше, чем попал в этот лабиринт. И, конечно, не одна лишь смутная сексуальная фантазия затащила меня сюда. Что-то все время не дает мне покинуть этот дом. Хотя меня никто не держит. Физически не держит. Я мог с самого начала, прямо с крыши, уйти домой, и отказаться уговаривать раввина тоже мог... А как же Джулия с ее ножками? И спектакль – страшный, но интересный?

Я снова почувствовал, что устал. Объяснить-то я себе все объясню, а вот как выбираться отсюда – все равно непонятно. Я присел на противную траву посреди аллеи. А не улечься ли прямо здесь, повторив фокус с крышей? Пусть она сама меня поищет.

Я откинулся на спину и тут почувствовал: что-то изменилось. Что-то почти неуловимое, как движение статуи. Я рывком сел. Да нет, ничего. Снова лег. И сразу все понял. По легкой вибрации пола под синтетической травой. Они меняют расположение стен. Очевидно где-то наверху, в темноте, сидит оператор и, похихикивая, водит меня по этим аллеям, смыкая и размыкая стены. Я думаю, такое не трудно устроить, было бы желание. Только вот в чем смысл? И, главное, опять, как на крыше, шансов выбраться без посторонней помощи у меня нет. Подлость положения заключалась в том, что на сей раз мне совсем не было страшно и отбиваться с яростью обреченного – просто глупо. Обречен я лишь на смех Джулии.

Что делает благородный рыцарь, оказавшись в проигрышной ситуации? С боевым кличем и каким-нибудь латинским девизом прет напролом. Я вскочил на ноги со свирепым желанием наплевать на царапины и прорваться. Но картина передо мной изменилась. Неведомый мне оператор передвинул левую стену, и совсем рядом открылся проем, в котором я увидел не очередную бесконечную аллею, а что-то вроде небольшой площади, в центре которой была яма. Ее я со своего места не разглядел, но догадался по неяркому световому мареву. Как будто там, на дне, стояла настольная лампа. Ну и что у нас тут? Я подошел поближе. Действительно, в центре было большое круглое углубление, облицованное все тем же мрамором. А на дне стоял письменный стол с лампой и два кресла. В одном, придвинув его к столу, сидел лысоватый полный человек и сосредоточенно что-то читал.

Я быстро прикинул, что, если учесть наличие оператора, встреча эта не случайна, и сейчас будет подведение итогов этого нелепого теста. И подошел к краю ямы. Вниз вела узкая железная лестница, почти как пожарная.

Человек поднял голову и приглашающе улыбнулся. Надо было лезть вниз. Уже подойдя к столу, я увидел, что перед человеком никакой книги не было. Значит, я застал его за внимательным разглядыванием стола? По-моему, задумавшиеся люди по-другому смотрят в одну точку. Впрочем, этот человек, сидящий в яме посреди полутемного лабиринта, имел такой безоружный, домашний вид, что вызывал только симпатию.

– Скажите, вам здесь интересно? – спросил он и чуть откинулся в кресле, чтобы свет лампы не бил в глаза. Я пожал плечами. Где «здесь»? В лабиринте, в доме, вообще на этом свете?

– Еще один вопрос. Вы пользуетесь наркотиками?

Тут пришлось говорить, что вообще-то в юности пробовал немного, но кто не пробовал.

– В общем, как президент.

– Простите?

– Ну, у нас каждый новоизбранный президент на вопрос прессы о наркотиках так вот и отвечает.

Я вопросительно посмотрел на него. Что же дальше? Если меня ждали, то вопросы эти – только вступление. Сейчас мне должны что-то сказать, объяснить, предложить. Иначе зачем бы Джулия привела меня сюда.

Человек в кресле огорченно приподнял брови.

– Вам, видимо, сказали, что ведут в Центр, оставили в лабиринте, а вы подумали, что Центр этот здесь и я, соответственно, тут главный. К сожалению, это не совсем так. И сегодня я сюда совершенно случайно заглянул. Здесь тихо и хорошо думается. Кроме того, сюда, в яму стекаются слабые и странные запахи. Они бывают легкие и тяжелые, запахи. Тяжелые редко кто улавливает, для этого надо лежать почти уткнувшись в землю, да и то почувствуете, в основном, запах пыли и земли. А здесь тяжелые запахи можно обонять вполне комфортно.

Я не чувствовал вообще никаких особых запахов, вместо этого стало подниматься нехорошее подозрение в психическом нездоровье милого человека. А может быть это мои нервы, потому что когда я обвел взглядом круглые края ямы, то почти физически почувствовал, как что-то тяжелое и вязкое наплывает на эти края и медленно сползает вниз, к нам. Мы часто объясняем свою нервную впечатлительность чужими психозами. Что, в конце концов, я знаю о запахах?

– Так вот, если вы принимаете меня за главного здесь, то увы... Я не знаю, кто здесь главный. И есть ли он вообще. А Центром это место называется потому, что здесь и есть геометрический или, если хотите, географический центр здания. Вас ведь привела Джулия? Так получилось, что отсюда, из Центра, удобней начинать знакомство со всем этим. Понимаете, и над нами, и под нами существуют самые разные люди и... как бы это сказать... реальности. И чем дальше от этого, центрального этажа, вверх или вниз, тем больше они отличаются друг от друга. Я потому спросил вас про наркотики, что человеку знакомому с ними легче определиться в реальностях нашего Дома.

Я проследил взглядом за его пальцем – вверх и вниз – и подумал, что, побывав наверху, после его объяснения еще менее хочу попасть вниз.

– О, нет, нет, никаких аналогий у вас возникать не должно. Поверьте мне, никаких ангелов наверху и сатанистов в подвале. Ничего подобного. Тут дело совсем не в этом. Было

бы слишком просто, если бы добро и зло разделялись этажами. Нет, так получилось совершенно случайно.

Он остановился, глубоко вздохнул и покрутил головой. Я воспользовался этой паузой и впервые за все время моего пребывания в этом доме спросил, что же здесь, собственно, происходит. Кажется, на этот раз передо мной был человек, которому я смог задать этот вопрос.

Человек посмотрел на меня недоуменно и недоверчиво. Только сейчас он внимательно оглядел меня с головы до ног. На моих штанах он остановился взглядом подольше, потом рассмеялся.

– Ну конечно, вы же попали сюда совершенно случайно. Я что-то слышал об этом. Судя по костюму, вы даже познакомились с Бертой. Вообще-то вы почти в точности прошли путь, который предполагался в самом начале для незваных гостей. Но вы не смущайтесь, теперь у нас даже рады случайно попавшим в Дом людям. Хотя вы первый, кого привели знакомиться сюда, в Центр. Это о чем-то говорит. Джулия наверняка знает, что делает. Она в людях разбирается.

Он уловил мое нетерпеливое движение, понимающе кивнул головой, встал и пошел вдоль круглой стены, как цирковая лошадь по манежу.

– Я ведь не случайно спросил, интересно ли вам здесь, в этом Доме, потому что если нет, то вы и понимать ничего не захотите. Ну вот представьте себе психиатрическую лечебницу. Что это такое? Для врачей это больница, клиника. Для нормальных людей – просто сумасшедший дом, жуть какая-то. А для больных? Да все что угодно. У каждого больного свой мир, свои представления о том, что вокруг. Так ведь? И вот что получается: стоят рядом три человека – врач, больной и посетитель – и беседуют. А спросите, что они вокруг себя видят? И вообще – кто больной, кто здоровый, чья реальность объективней? Да никто этого не знает, я думаю.

Он продолжал ходить по кругу и то появлялся перед моими глазами, освещенный настольной лампой, то исчезал в тени, а потом и вовсе за моей спиной. Я уж стал раскаиваться, что задал ему вопрос, потому что, кажется, и этот будет мне рассказывать про реальности, а объяснений я так и не дождусь. Но он словно угадал мои мысли.

– Вы поймите, я совсем не собираюсь сбивать вас с толку, просто как бы вам сказать... Вы никогда не задумывались, почему Библия написана как серия запутанных и противоречивых рассказов, что дает возможность для бесконечного количества толкований? Ведь можно же было дать человечеству прямые и четкие инструкции, как заповеди, например.

Я был совсем не намерен вести теологические споры, меня раздражало его мелькание, из-за которого я невольно и утомительно крутил головой. Поэтому я довольно неучтиво ответил, что Библия несет столь сложную информацию, что в виде инструкции ее не осилил бы ни один человеческий язык. Только я не вижу никакой связи между Библией и происходящим в этом доме.

– Вы совершенно правы. Но все-таки не могу не заметить, что то, как написана Библия, возможно, намеренно предполагает разночтения. И можно даже поговорить о том, почему это так. И, может быть, мы с вами еще поговорим. Но сейчас вы, я вижу, хотите получить прямой ответ на свой вопрос. Так вот: не знаю я, что происходит в этом здании. То есть, с самого начала, лет десять назад, знал. Собственно, в то время мне пришлось в голову построить большую ловушку. За мной тогда охотились. Впрочем, это длинная история, да сейчас это и неважно. Почти сразу Дом перестал быть простым лабиринтом. Актеры, которых я пригласил, неожиданно для меня перестали играть, а просто обжили Дом, не выходя из своих ролей. Потом все пошло само собой. Люди приходили сюда как в монастырь, из большого

мира – в маленький, но построенный по их собственным представлениям, иногда очень странным представлениям, как мне кажется. Ну вот. Инструкции, данные мной вначале – никаких окон, никакого представления о времени, попавший сюда ни в коем случае не должен выходить за пределы здания – они были связаны с тем конкретным делом, которое и подтолкнуло меня на всю эту затею. А потом я узнал, что некоторые из этих инструкций почему-то приобрели силу закона, хотя нужда в них давно отпала. Хотя я понимаю их: выйдя наружу, вы теряете все, что получили здесь, а обратно, в свою здешнюю реальность, уже очень трудно вернуться. В общем, коротко говоря, в этом Доме живут люди, которые имеют возможность, материальную возможность, выстроить для себя такой мир, или, как мы говорим, такую реальность, какую им захочется – и жить в ней. Поймите, в каждом из нас сидит ребенок, только, в отличие от детей, мы знаем, что игра – это игра и, следовательно, в кого бы мы не перевоплотились, по окончании игры нас ждет реальный мир. А вот представьте, что игра не заканчивается, что у вас есть возможность играть бесконечно долго. Всегда. Здесь эта возможность есть, вот мы и играем.

Конечно, это очень упрощенная схема того, что происходит в Доме. Более того, иногда бывают случаи, совершенно не вписывающиеся в... в мое представление о том, что и как может и должно быть.

Он остановился в световом пятне, посмотрел на меня немного расстерянно и снова нырнул в полутьму. Речи его звучали занятно, и если все здесь именно так, то... Пора бы показаться Джулии. Уж не направилась ли она в подвал, спровадив меня в лабиринт? Хотя, если бы хотела, то могла и не возвращаться за мной туда, к Гарри. При воспоминании о нем меня передернуло. Так это он себе устроил садо-мазохистскую реальность, милый друг? Кое-что теперь проясняется. А раввин принял все за чистую монету, за что и был убит? Но о чем это я? Похоже, от кружения этого любителя тяжелых запахов у меня окончательно закружилась голова, и я запутался в их идиотских реальностях. Или это сами тяжелые запахи так на меня действуют? Я поднял голову вверх. Темные стены приблизились к краю ямы почти вплотную и, по-моему, медленно шли по кругу. Только вот по часовой стрелке или против – я никак не мог сообразить. И сам себе напомнил перекатавшегося на карусели шалуна.

Когда я опустил голову, то сообразил, что пауза затянулась и оглянулся. Человек, закруживший мне голову, исчез. Ну что значит исчез? По лесенке он не поднимался, я бы это заметил. Значит, есть еще какой-то выход из ямы. Конечно, никаких отъезжающих в сторону плит и таинственных подземелий. Вот же дверь, слева от меня. А раз Джулия не появилась до сих пор, значит, мне нет необходимости снова бродить вдоль блуждающих зеленых стен, а лучше всего этим выходом и воспользоваться. Пока эта карусель окончательно не лишила меня способности соображать.

Дверь была не заперта, и за ней я обнаружил коридор, как бы огибающий с обеих сторон круглую яму. По потолку шли обернутые теплоизоляцией трубы с вентилями и какие-то провода, а бетонные серые стены и пол говорили о том, что иду я в какие-то подсобные помещения. В тусклом свете редких ламп я, подумав, повернул направо, обогнул яму, после чего коридор выпрямился, и дошел до двух железных дверей, слева и справа от меня. Можно было, конечно, идти дальше, но усилившийся шум и вибрация вызвали в моем воображении образ машинного отделения на пароходе с кучей вращающихся механизмов, горячим запахом масла и пара, и духотой. Туда мне не хотелось. Идти назад и исследовать коридор в другом направлении – тоже.

Я толкнул правую дверь – заперто. Левая распахнулась. После мрачного коридора я не сразу смог рассмотреть ярко освещенную комнату. А рассмотрев, невольно вздрогнул. Посреди большого помещения, почти зала, на наклонном возвышении стоял открытый гроб.

Серое лицо покойника казалось провалом на белой атласной обивке. Более в комнате никого не было. Мне стало сразу и страшно, и противно, и неловко. Покойники хороши как часть далекого многолюдного ритуала, желательно не имеющего к тебе никакого отношения. А вторгаться на похороны вот так, с заднего хода – по-моему, это нарушение интимного действия чужих живых и чужих мертвых.

В общем, я уже хотел торопливо захлопнуть дверь, как неожиданная мысль заставила меня придержать ручку и внимательно взглядеться в мертвое лицо. Нет, он не напоминал никого из виденных мной людей. И конечно, это не раввин. Почему я – взрослый тридцатилетний мужик, как ребенок, боюсь войти в комнату, где стоит гроб? Тем более, что и гроб, и покойник вполне могут быть бутафорскими. Мне стало неловко перед самим собой. Даже если предположить, что кто-то действительно умер, вряд ли вся процедура прощания с покойником происходила бы здесь. Игры играми, но смерть безотносительна. Настоящий покойник был бы уже давно увезен в похоронный дом и предоставлен специалистам. В первую очередь именно потому, что смерть, настоящая смерть, как чугунный утюг на термометр, падает на любую из их реальностей. А вот поиграть в нее – дело другое. Это как раз в их стиле.

Я медленно – все-таки медленно – подошел к возвышению. Гроб чуть покато стоял почти на уровне груди. Итак, что мы видим? Я взялся рукой за борт. Ну это явно не живой человек. Скорее всего кукла. Ну да, кукла, приготовленная для чьей-то изощенной реальности. Оттого и пусто в зале. Декорация ждет своего часа.

Почти под подбородок кукла была укрыта белым атласом. Я взгляделся в лицо. Съезженное и как будто чуть припудренное. Плотно сомкнутые веки и губы. Откуда-то пришло на ум латинское «фацис Гиппократикус» – лицо Гиппократа, маска смерти. Да уж, точно маска. Скорее всего резиновая.

От чего бы не кружилась у меня голова там, в яме, как бы не двоилась реальность с раввином и Гарри, эта попытка сыграть в смерть кажется мне неубедительной. Если вы почему-то хотите, чтобы я увлекся вашей затеей, то уж делайте игру правдоподобной. Мне стало даже досадно. Я уж совсем было почувствовал себя героем настоящего приключения и рыцарем.

Движимый этой досадой, я тряхнул бортик фальшивого гроба. Неожиданно что-то под ним скрипнуло, щелкнуло и гроб, сначала медленно, а потом все быстрее стал съезжать ногами вперед с пьедестала. Рушить декорации не входило в мои планы, да и просто инстинктивно я бросился наперерез. Гроб успел съехать больше чем наполовину, когда я оказался у него на пути. Поймать его я не успел. Тяжелая штукавина ударила меня в грудь и с грохом упала на пол нижним концом, встав почти вертикально. Я вытянул вперед руки, уже просто защищаясь, потому что, подскочив от удара, из гроба на меня выпала кукла.

Не знаю, как это получилось, но мы упали вместе, причем кукла упала сверху. И вот в момент контакта произошло страшное: челюсть у того, что лежало на мне, пошла вниз, и раздался тяжелый вздох. В лицо мне ударил запах. Ни с чем не сравнимый, легко узнаваемый, но не мной, а чем-то во мне, запах морга. На мне лежал настоящий труп.

Я взвыл, дернулся, выкатился из-под него и рванул, не разбирая дороги. Времени на анализ не было совсем. К тому же проклятые штаны снова сползли чуть ли не до колен, а в заполохе я никак не мог подтянуть их выше. Подсознательно я пытался найти ту дверь, в которую вошел; кроме электрического ужаса до меня достучалась не менее жуткая мысль о сотворенном святотатстве – ведь и покойник, и похороны были настоящими. Но, естественно, возвращаться и возвращать все в должное положение... Я заскакал, путаясь в штанах, еще быстрее.

Нужную мне дверь я не нашел, да я и не был в состоянии ее искать. Забыв о собственной несуетливости, я бежал по периметру залы, ища хоть какой-то выход. Вероятно от страха что-то случилось со зрением. Взглядом я мог охватить пространство не более того, что попадает в луч карманного фонарика. Наконец-то в этот жалкий лучик попало что-то, напоминающее дверную ручку. Я ухватился, дернул, проскочил, захлопнул. Так это осталось в памяти. А вот когда захлопнул, то понял, что это был не выход. По крайней мере, не выход из комнаты.

Я оказался в полной темноте и, в другом состоянии, вряд ли пошел был ее исследовать, опасаясь просто сломать голову. Но сейчас я, протянув руки, двинулся вперед и очень скоро обнаружил, что нахожусь в совершенно замкнутом небольшом пространстве, по размерам чуть больше кабины лифта. Идти отсюда было некуда. Разве что назад, к покойнику.

Так, сказал я себе, если выхода нет, его надо придумать. Надо показать себя достойным членом этого неведомого сообщества. Какая из их реальностей поможет мне выбраться отсюда? Никакая? Только без истерик! Где моя Джулия, мои латы и меч? Нет ни хрена, а только темнота, четыре стены и выбравшийся из гроба покойничек за спиной. Вот такая реальность.

Я не успел как следует предаться отчаянию, как неожиданно в моей камерке вспыхнул свет, она дернулась и медленно поехала вниз. Это был лифт! Куда я сейчас еду, не имело никакого значения. Лифт останавливается на этажах, следовательно, нужно лишь нажать нужную кнопку. Я огляделся. Никаких кнопок с номерами этажей не было. Не было даже двери. В открытый проем я видел, как медленно уходит вверх пыльная стена шахты. Очевидно, лифт этот был грузовым и управлялся только снаружи.

Ну и ладно, где-нибудь да остановится. Я не успел подумать, что мне предстоит встретиться с человеком или людьми, вызвавшими лифт вниз, как заметил, что над открытым проемом поочередно освещаются циферки табло, указывающего этажи. Невольно, со странным чувством откуда-то наплывающей тревоги, я наблюдал, как неспешный огонек передвигается влево дальше и дальше.

Третий этаж, второй... я, сжавшись, ждал толчка, означающего, что мы приехали. Мне показалось, что, мигнув цифрой один, огонек замер. Но нет, стена и дальше ползла вверх. Наконец кабина, заскрипев, остановилась. Ну вот и все, я приехал в подвал. В тот ли, о котором говорил раввин или просто в другую реальность, как проповедовал милый толстячок в своей яме? Сейчас я это почувствую на своей шкуре.

Наружняя дверь лифта открылась, но я ничего не увидел: мощный прожектор режущим белым светом ударил меня по глазам. Очень знакомый хриплый голос, от которого хотелось откашляться, сказал с непередаваемой интонацией:

– А-а, милый, тебе совсем не следовало попадать сюда.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Яркий нестерпимый свет погас, и, секунду спустя, в какой-то желтой темноте я узнал знакомые очертания хозяйки дома. Вглядевшись, я удивился тому что увидел. Старушка уже совсем не походила на ту сексуально раскованную учительницу на покое, которую я оставил десятком этажей выше. Одетая в немыслимый лиловый балахон, скрывающий ее полноту, и ярко-рыжий взлохмаченный парик, она бы была смешна, если бы не странное выражение лица, которое я умудрился рассмотреть. Ее глаза округлились, брови повторили их форму и так и застыли. Но это не было похоже на удивление. Скорее испуг, прилипший к лицу испуг.

Еще не совсем прошедший после встречи с покойником озноб снова пробежался по телу. Я стоял в кабине лифта в халате и пижамных штанах, в подвале, о котором уже был наслышан, а на меня шла непонятно преобразившаяся старуха.

– Тебе не следовало попадать сюда, – повторила она, приблизившись. И я не знаю, как отправить тебя наверх. Этот лифт, он...

Она подошла совсем близко, и я услышал странный запах, исходящий от нее – терпкий химический запах, почти вкус. Так в моем детстве пахли пролитые чернила. Она хотела еще что-то сказать, но за ее спиной раздался голос, и старуха суетливо, но не меняя выражения лица, дернулась в сторону.

– Здравствуйте, здравствуйте, проходите, – с легким напевом произнес появившийся в проходе человек.

Он был очень худ и высок. Длинные черные волосы, жидкая борода, через которую просвечивал подбородок, крупный нос с узкими «змеиными» очками почти на самом кончике. И взгляд поверх них, вроде бы и доброжелательный, но неподвижно упершийся в меня, а потому жутковатый. И вообще, может быть я слишком живо представлял себе, что творится в этом подвале, но его фигура вызвала во мне смесь отвращения и симпатии, если такое возможно.

– Пойдемте, посидим, поговорим, чаю попьем, – с теми же напевными интонациями продолжил он и двинулся вперед по проходу.

Я и старуха пошли за ним. По дороге, которая заняла всего несколько шагов, она успела шепнуть мне боязливо и гордо:

– Это мой сын, его здесь зовут Шутником. Ты уж, милый, ему не возражай, а то он любит...

Что любит ее сын она сказать не успела, потому что мы уже пришли. Проем в стене был завешен какой-то тяжелой тканью, которую Шутник гостеприимно откинул, пропуская нас вперед.

Я оказался в небольшой комнате с невысоким круглым столом посередине, над которым низко висел уютный оранжевый абажур. По углам смутно обрисовывались громоздкие темные шкафы. Шутник усадил меня в кресло у стола, махнул рукой старухе и снова скрылся в проеме. Я обратил внимание на его странную походку: правое плечо было заметно выше левого, и при этом он, как и свойственно худым и высоким людям, горбился. Старуха скрипнула креслом рядом со мной, тут же придвинулась и сказала:

– Ты сам-то знаешь, куда попал? Ладно, я потом тебе объясню, только очень ты сегодня не вовремя. Тут такое...

Она потерла ладонями ничем не покрытые доски стола и почесала голову под париком. Видно было, что ей хочется что-то рассказать мне, и я чуть наклонился к ней, чтобы

дать возможность говорить шепотом, но старуха вдруг вскочила на ноги, так что закачался абажур, и пошла к выходу. По-моему, они столкнулись в дверях: я услышал восклицание, быстрый шепот и, сразу же за этим, появилось перекошенное злостью лицо Шутника. Впрочем, взглядевшись, я решил, что это он просто улыбается мне, неся в руках чайник и чашки. Значит мы действительно будем пить чай. Когда он вступил в круг абажурного света, я бросил взгляд на его ноги. На них были огромного размера кроссовки яркого малинового цвета. Ну и что это должно означать? Мирная и даже уютная реальность этой комнаты успокоила меня, а поставленный прямо на стол чайник и впрямь настраивал на любопытную беседу с этим любопытным человеком.

Он уселся напротив и поставил передо мной чашку – керамическую, слепленную, очевидно, вручную кособокую вещицу со следами пальцев гончара. По краям небрежно, подтеками, темнела глазурь.

– Нравятся мои чашки? Я делал их сам. Вот возьмите ее. Чувствуете? Тут важно, чтобы были чувствительные руки и... вообще все важно, кроме чая.

Он рассмеялся, а я невольно посмотрел на его руку, которой он плотно охватил чашку-уродца. Крупная кисть, выразительная и сильная, странно не вязалась с худым телом. Правда, за столом он смотрелся иначе: фигура не бросалась в глаза, а оставались только взгляд и эта рука. Бледная кожа под бородой сморщилась: он снова улыбался. Но, несмотря на все дружелюбие, с которым он это делал, у меня, как-то невзначай, начало копиться беспокойство. Недостаточное, чтобы попытаться уйти, но отчетливое и многообещающее.

Где-то за моей спиной раздался громкий высокий и протяжный крик, почти стон. Я резко повернул голову. Никого. Хозяин комнаты смотрел на меня выжидающе, и мне показалось, что нас разделяет не стол, а только длина наших носов. Потом он снова отдалился и невозмутимо сказал:

– Кошки. Мои кошки.

Он опустил руку, поскреб о кресло, и я увидел, как вверх метнулась белая полоса. Кошка стояла на его плечах, расставив лапы и задрал хвост.

Он откинулся в кресле, причем кошку, оставшуюся неподвижной, использовал как подголовник. Идиллия у них была полная.

– Ну, о чем же мы будем говорить? Давайте о женщинах. Хотя нет, вам, конечно, любопытно сначала узнать, что же творится в этом очень необычном месте, в этом Доме. А я слышал, что у вас уже какие-то отношения с Джулией. Так? Ну и как она? Хороша в постели? Ну не хотите говорить, не надо. Просто интересно. Она так редко к нам заходит. Ей здесь почему-то не нравится. Она вам что-нибудь рассказывала обо мне?

Он говорил не останавливаясь, не давая мне возможности ответить. Говорить ему явно нравилось больше, чем слушать. При этом он изо всех сил старался казаться радушным хозяином. Черные волосы, лежавшие на белом мехе кошки, утомляли своей контрастностью, а их владелец, похоже, понимал действие этого эффекта, был им доволен, и, почти сладострастно, прижимал голову к мурлыкающему зверю.

Я глотнул из чашки и сразу же пожалел об этом. Что-то нехорошее было в этом напитке. Мне совсем не хотелось становиться ни рабом подмешанной в чай дряни, ни, тем более, рабом здешнего хозяина. Но почему-то я отхлебнул еще.

– Странные, странные дела творятся в этом доме, – продолжал Шутник. Я редко бываю наверху, но там, говорят, и вовсе происходят чудеса. И те слухи, которые до меня доносятся...

Кошка спрыгнула с его плеча на колени, и он тут же положил на нее ладонь. Но движения его были не глядящими, а почти хищными – пальцы, как будто выщупывая, мяли шерсть. Кошка скосила на него глаза и мявкнула, но Шутник не обратил на нее внимания, увлеченный какой-то картиной, стоявшей перед его мысленным взором.

– В общем, мне кажется, что Сэм заигрался со своими трюками и странностями. А теперь сам не знает, что ему со всем этим делать. Но раз и этот дом, и все эти люди существуют, значит, это зачем-то надо. Вы знаете, сначала здесь жили специальные люди, актеры. Они и сейчас здесь живут, просто перестали быть актерами. А может быть наоборот – только сейчас и стали по-настоящему актерами. Мы ведь все тут играем. Но люди всегда и везде играют. Но мы играем интересней, куда как интересней, чем в обычной жизни. Хотите покажу вам что-то?

Он резко вскочил на ноги и выдернул меня из-за стола, ухватив за запястье. Да, кошке не позавидуешь – рука была железная. И если бы не гримаса-улыбка, а может еще и выпитый чай, я бы счел это нападением.

Он подтащил меня к одному из шкафов, открыл дверцу, и мы нырнули в темноту. Шкаф был чем-то вроде тамбура. Глянув под ноги, я подался назад и прижался к стене. Мы стояли на узеньком карнизе без каких-либо ограждений, а внизу под нами был большой зал. Круглый и совершенно пустой. Только в центре, на полу, лежал большой белый круг из какой-то необычной пупырчатой ткани или пластика. Шутник наконец-то отпустил мою руку и шагнул вперед. Я видел, что носки его нелепых малиновых кроссовок висят в воздухе.

– Тут происходят Действа. Сюда, именно сюда стекается все, – он говорил, взмахивая руками – и совершенно театрально.

Я не отрывал взгляда от его кроссовок. Фактически он почти балансировал на высоте двух или трех этажей. Мне захотелось еще сильнее вжаться в стену: я представил, как, снова ухваченный этой непреклонной рукой, лечу с ним вместе вниз, на каменный пол.

– Здесь происходят вещи, которые могут только присниться. Но сны эти могут быть самыми разными. Ибо никто не знает, что именно должно произойти, как и когда. Меня здесь считают предсказателем, но даже я иногда...

Он наклонился вперед, поднял руки и бросил на меня цепкий вороний взгляд. Пауза. Мне показалось, что карниз выскальзывает у меня из-под ног.

– Вот сейчас... – он помедлил и шагнул в пустоту. У меня екнуло сердце. Но ничего не случилось. Он висел в воздухе в шаге от карниза, а глаза его снова приблизились ко мне.

Не знаю, что бы я делал дальше, если бы в этот момент Шутник вдруг не расхохотался, хлопнул себя по худым ляжкам и осел прямо в воздух, как на пол. В ту секунду, когда он откинулся на руки, я сообразил, что сидит он на стекле, которое продолжает карниз.

– Черт, не умею я всерьез мистифицировать. Вот сейчас придет Вольф, он нам пошаманит. А у меня не получается: в самый важный момент начинаю смеяться – и все, никакого эффекта. Пошли, лучше поговорим.

Мы вернулись в комнату, и он разлил чай, не испытывая, очевидно, ни малейшего неудобства передо мной: ну, не состоялся фокус, так что же? И вообще, смутить этого человека, кажется, нельзя было ничем. Когда я сказал ему о странном привкусе его чая, особенно остывшего, он подернул своими разными плечами.

– В этом чае нет наркотиков, если вы это имеете в виду. Не волнуйтесь, я не пою гостей наркотиками хотя бы потому, что это дорогое удовольствие. Но кое-что в чае есть, это правда. И вы еще будете мне благодарны, уверен. Джулия, конечно, очаровательная женщина, но... Кстати, она – единственная, кто общается с внешним миром, а потому... как бы это сказать, она не лучший объект для интереса, поверьте мне. Те женщины, которых вы увидите, – они играют уже много лет... А это совсем другое дело. В общем, я вас не призываю ни к чему, но вот-вот появится Вольф и будет камлать, как он это называет. Да вот, кажется и он.

Занавеска в дверях действительно дернулась, и в комнату пролез уже знакомый мне толстяк-лифтер. Отдуваясь, он сел рядом. Мне показалось, что он намеренно не смотрит в мою сторону, как будто не желает выдавать взглядом своих намерений.

– Слышишь, Шутник, все уже готово, только вот наверху...

Толстяк замолчал, как бы не желая говорить при посторонних, потом повернул ко мне голову, и я увидел тяжелый, нехороший взгляд. Так смотрят уголовники на случайно попавшего к ним в камеру человека. Не зря он мне сразу не понравился.

– Знаю я, что там наверху, – беспечно произнес Шутник, и снова кошка вскочила к нему на плечо.

– Все-то ты знаешь! Там такая ерунда получилась... В общем, похороны провалились. А это, сам понимаешь...

Я почувствовал себя плохо. Кажется, сейчас выяснится, что это я уронил покойника и убежал. Чем это могло мне грозить – пока непонятно: тон этого лифтера и реакция Шутника были такими, что меня могли и страшно наказать, и похвалить за то, что я сделал.

– Ага, этого я не знал, но вполне мог предположить. Значит, все меняется. Вот что: перехвати-ка Вольфа, он где-то на пути сюда; да ты и сам знаешь, где его искать. И скажи ему, что сегодняшние планы сильно изменились. Ну давай, иди.

Лифтер, все так же сопя, вышел, и взгляд над «змеиными» очками снова изучал меня. Я нервно стал соображать, как мне объяснить мое вмешательство в похороны и решил, что расскажу все как есть; в моей ситуации это самый естественный выход. Но взгляд Шутника ушел от меня, он повернулся к сидящей на плече кошке и, по-моему, целовал ее в мордочку.

– У нас слегка изменились планы, – сказал он, не поворачивая головы, – но это даже к лучшему. Там, наверху, полная неразбериха. Я давно говорил Сэму, что эта затея... Да, впрочем, это долго рассказывать. Все складывается как нельзя лучше. Для нас. Ну а теперь пойдем, я покажу вам кое-что интересное. По-настоящему интересное.

Он встал, и я увидел, что кошка, оставшаяся на плече, вцепилась в него всеми когтями, чтобы удержаться, но Шутник этого даже не заметил. Он снова открыл дверь, ведущую на карниз.

– А, кстати, я все хочу вас спросить, как вы попали ко мне? Лифт вызвала безумная Берта, а в нем были вы. Так как?

Ну что было отвечать? Я пробормотал, что был приведен Джулией в Центр, говорил там с кем-то, а потом, заблудившись, натолкнулся на покойника, ну и... Я сознательно не уточнил, в каком смысле я на него натолкнулся. Пусть понимает как хочет. В конце концов, доказать, что именно я опрокинул гроб, невозможно.

Но Предсказатель и не стал ничего уточнять. Он очень серьезно, без ухмылки, посмотрел на меня и пошел вперед. Мы снова оказались на карнизе, только теперь внизу, в зале под нами, было светлее.

Не знаю, что этот Шутник подлил мне в чай, но когда он стал удаляться по стеклу от карниза, с кошкой на плече, как Иисус по водам, я, не дрогнув, двинулся за ним. Не понимаю, как было устроено это стекло, но оно негнулось, хотя мы дошли по нему почти до середины зала, и никаких подпорок или колон я не заметил. Впрочем, я старался не смотреть вниз: ощущение жутковатой неуверенности, куда большей, чем когда идешь по льду, все же кралось за мной.

Когда мы оказались над белым кругом, Шутник обернулся и с тем же серьезным лицом неожиданно громко сказал:

– А вот сейчас мы полетаем по-настоящему.

Странная акустика была в этом пространстве между потолком и держащим нас в воздухе стеклом. Не эхо, а какой-то рык отозвался ему, и под ногами ощутимо завибрировало.

Шутник снял кошку с плеч, прижал ее к груди и, не меняя позы и выражения лица, стал заваливаться на спину. Я подумал, что сейчас произойдет страшное: от удара стекло разобьется, и мы рухнем вниз, осыпаемые осколками. Но получилось неожиданное: прямо над кругом стекла не было. Взвились черные волосы, я успел увидеть сумасшедший кошачий глаз, и длинное худое тело понеслось вниз.

Зачем он это сделал? Секундой позже, я знал, раздастся удар, звук ломающегося тела, крик. Но ничего не было. Вообще ничего. Внизу – такой же пустой зал с совершенно пустым белым кругом посередине.

Это неприятно: становиться свидетелем трюка, когда человек падает с высоты вниз и исчезает. А ты остаешься один на стекле высоко над залом. Неприятней, чем вывалить труп из гроба.

Я медленно опустился на колени, а потом, все так же медленно, лег лицом вниз и раскинув руки. Теперь я хорошо ощущал постоянную вибрацию стекла подо мной. Я не знал, куда делся этот сумасшедший, но еще менее знал, что случится со мной, если я пойду назад к карнизу. Я осторожно пополз к тому месту, где недавно стоял Шутник. Снизу, наверное, зрелище было занятым: в воздухе, распластавшись, медленно-медленно ползет, почти плывет человек.

Я дополз до круглого отверстия и испугался еще больше: стекло было немногим толще обычного оконного. Это значит, что вся эта поверхность может рухнуть вниз от неловкого движения. Я, в который раз, застрял.

Внизу раздались шаги, и я увидел двух женщин, совершенно голых, которые подошли к краю белого круга. Они о чем-то говорили между собой, но все та же акустика делала их голоса совершенно неразличимыми. Обе они были молоды, если только меня не сбивало с толку плохое освещение. Да, наверняка молоды; они медленно пошли друг за другом по краю круга, и я видел, как упруго подсакивают точки сосков. Вели они себя совершенно естественно, как одетые. Но было что-то и в движениях, и в поворотах голов. Какое-то предвкушение. Как будто сюда, наверх, вместе с теплым воздухом всплывал какой-то трепет вместе с таинственным ожиданием.

Что-то – наверное, чай – зашумело у меня в голове, и страх перемешался с любопытством и возбуждением. Мысль о том, куда девался Шутник, более не волновала меня.

Голоса зазвучали громче, и появилась третья женщина. Она была выше и крупнее остальных. В боковом свете ее тело было ослепительно белым, болезненно белым. Такой положено быть рыжей, но у этой были длинные черные волосы. Возможно, в одежде ее старомодно широкие бедра показались бы грузными. Но сейчас, когда она стояла обнаженной на краю круга, эти бедра... в них был какой-то первобытный призыв! К сожалению, сверху я не видел ее лица.

Появилось еще несколько женщин, они выстраивались по краю белого круга, и мое ощущение приготовления к какому-то таинственному ритуалу все усиливалось, хотя внешне происходящее внизу выглядело довольно обыденно. Почему, собственно, я все время сопротивляюсь тому, что творится вокруг меня? Их декорация с балконом вызвала желание сбежать, движущийся лабиринт только разозлил, покойник, оказавшийся настоящим – испугал. А сейчас исчезновение Шутника воспринял только как страшный трюк? Может быть я слишком нормален для этого немыслимого мира?

Пока я полз, мои несчастные штаны соскользнули к коленям, халат разошелся в стороны, и я лежал голым телом на холодящем стекле, но это не успокаивало, а, наоборот, только усиливало мои необычные ощущения. Я понимал, что снизу выгляжу нелепо, но только плотнее прижимался к скользкой поверхности.

Женщины внизу разом перестали двигаться, словно прислушиваясь к чей-то команде. Вот сейчас, понял я, должно произойти что-то; волнение и возбуждение застывших нагих женщин заставило меня изо всех сил сжать край стекла. Кажется, еще немного, и я сам разобью это проклятое стекло!

Одна из стоявших в кругу чуть двинулась вперед и, неожиданно, протянув перед собой руки, прыгнула в круг головой вперед, как в воду. Я судорожно выдохнул. Поверхность белого круга заволновалась и, как вода, пошла волной, когда она коснулась ее. Только это была не вода. Круг действительно был бассейном, но в нем... Это были миллионы маленьких резиновых белых шариков, которые сомкнулись у прыгнувшей над головой. На секунду в центре круга возникло что-то вроде воронки, но она быстро выровнялась, и снова сверху его поверхность казалась тканью.

Прошло несколько мгновений, и следующее обнаженное тело скользнуло в бассейн. Потом еще. И еще. Зала пустела, но напряжение не отпускало меня. Я как будто вмерз в стекло. Ритуал, или что это там было, совсем не закончился, а, кажется, только начинался.

У белого края, наконец, осталась та, широкобедрая, привлекающая меня женщина. Она почему-то медлила. Я все ожидал, что сейчас и она скроется под белой икрой бассейна, и я увижу погружающиеся, как в зыбучий песок, ее спину и бедра, на секунду откровенно приоткрытые мне, как это было с остальными.

Но она не торопилась. Постояв лицом к бассейну, она повернулась к нему спиной и села на краешек. По тому, как она держала голову, казалось, что она прислушивается к чему-то неслышному мне. Я подтянулся вперед и свесил голову вниз. В зале стояла тишина. Она сидела прямо подо мной, охватив руками колени. Мне была видна ее неестественно-белая спина, почти наполовину скрытая прямыми черными волосами. Я ждал и чувствовал, что вот-вот что-то должно произойти.

На ее спине вдруг появилась черная, похожая на кляксу, точка, помедлила секунду и вытянулась вниз неровной полосой. Женщина чуть вздрогнула и прогнула спину, как бы под невидимой ласкающей ее рукой. Появилась еще одна точка, побольше, и сразу стала расплываться и стекать к прижатым к полу ягодицам. Что-то мистическое, страшное, но невыразимо сексуальное бродило в моем воображении.

Я опустил голову пониже и тут почувствовал грудью липкое и теплое. Дернувшись, посмотрел на это и все понял. В какой-то момент, вцепившись руками в край стекла, я здорово порезался и даже не почувствовал этого. И теперь не успевшая свернуться кровь, моя кровь, капала на подставленную ей белоснежную спину, оставляя на ней узоры, как трещинки.

Пролитая ли мной кровь, варварские ли символы, проступающие на этой почти неживой коже, ведьминская ли магия всего происходящего, но голова моя пошла широким кругом в сторону; мне хотелось, чтобы кровь капала еще и еще, а женщина все приближалась, и я уже видел, как опускаю руку и следую узорам крови вниз по спине... Я уже ничего не боялся, я жил в этом мире открытый и подставленный всему, а более всего этому ослепительному телу подо мной.

Вдруг что-то сместилось, сдвинулось, но не нарушило моего состояния. Женщина внизу разогнулась, медленно легла на спину, и теперь ее лицо, на подушке из примятых шариков, было обращено ко мне.

Я понял, что и она меня видит, а может быть видела с самого начала. Не знаю, было ли это лицо красивым. Я выхватывал только детали: спокойные губы, чуть разъехавшиеся груди, длинные крепкие ноги. Я шевельнул рукой, и еще несколько капель упало вниз, одна из них накрыла большой розовый круг соска. Я заерзал по стеклу: еще немного – и прыжок был бы неминуем.

Где-то далеко за моей спиной раздался скрежет, хлопок, и неподражаемый скрипучий голос произнес:

– Милый, говорила я тебе, что не вовремя ты. Вот видишь, как все получилось. Ну теперь уж что... Иди сюда, ну иди, иди, а то я боюсь там ходить.

Проклятая старуха, все в том же нелепом одеянии и парике, стояла на карнизе, а за ее спиной виднелся уютный оранжевый абажур. Перепад ощущений был велик. Я вспомнил эту старуху голой, жирную и отвратительную, подбрасывающую зад, охваченный крепкими черными руками. И почувствовал себя маленьким и грязным.

Кое-как вытер я руки о халат, встал и, пошатываясь, пошел назад. Старуха хлопотливо задергалась по комнате, достала бинт и перевязала мне обе ладони. И даже умудрилась подтянуть так и висевшие у колен штаны. При этом она все время что-то говорила, упоминала каких-то людей и события, то ли происходящие сейчас, то ли готовящиеся. Я совсем не слышал ее. Но вот она сказала что-то о Джулии, и я сосредоточился. Оказывается, меня давно ждет Джулия, беспокоится и даже собирается прийти сюда за мной, хотя... Джулия... я совсем забыл о ней, волновавшей меня давным-давно обительнице верхних этажей.

Не зная, куда иду, я оставил старуху договаривать мне в спину, и двинулся к темной дыре лифта. Хотелось ли мне попасть в тот зал к женщине с узорами моей крови? Не знаю. Слишком глубоко и неожиданно было происшедшее.

Я залез в кабинку и бездумно сел на пол. Рано или поздно кто-нибудь нажмет кнопку, и я поеду дальше. Куда? Может быть к Джулии, а может еще куда-то. Вверх? Вниз? Вбок? Какая разница.

И действительно, очень скоро в кабинке зажегся свет, она дернулась и поехала вниз. Я понял, что смутно хотел этого – там внизу был этот зал и... Но не я перемещался по Дому, из реальности в реальность, а сам Дом дергал меня с этажа на этаж, как малыш пойманную в спичечный коробок муху. Могло показаться, что меня покинуло чувство реальности, только вот никак не разобрать, какой именно.

Я опустился всего на один этаж. Сидя на полу кабины, я видел в открывшийся мне проем странную картину: как будто где-то далеко от меня, в полной темноте, горит костер. Ни стен, ни потолка не было, только костер, от которого первобытно и остро пахло жарящимся мясом. Я пошел на этот огонь, ощущая ногами настоящую влажную землю.

У костра, глядя на огонь, сидел Шутник. В огне стояла решетка с большими кусками мяса. До судорог в желудке я почувствовал, как долго ничего не ел. Но ощущение голода было притуплено и существовало вне меня, в другой реальности.

Шутник молча предложил мне сесть. Сейчас этот говорливый человек в малиновых кроссовках был грустен и молча смотрел на огонь. Я тоже уставился в огонь, размышляя, как бы угоститься куском этого восхитительного мяса.

– Вот такие дела, – произнес все-таки Шутник, – похороны провалились, Дом покачнулся и игра замерла. Так себя, наверное, чувствовали последние жрецы римских храмов.

Он перехватил мой, устремленный на мясо, взгляд и усмехнулся.

– Да бери, конечно. Только вот не знаю, придется ли тебе по вкусу человечина. Да шучу, шучу! Чистокровная баранина. Шутка. Как с прыжком в никуда. Ведь производит впечатление? Хотя, надо тебе сказать, чтобы прыгнуть спиной с такой высоты... надо твердо знать, что тебя подхватят.

Я набивал рот недожаренным мясом, и мне очень хотелось спросить его, почему это Дом покачнулся и приостановилась игра. Я ведь только-только пришел к ощущению этой

игры и терять его совсем не хотелось. Но и спрашивать не хотелось тоже. Какие здесь, у этого костра, в подвале, или не в подвале, могут быть объяснения?

– Знаешь, идеи, они как женщины – привлекательны и хороши пока молоды. Да, идеи тоже дряхлеют, теряют былую упругость, и уже никого не тянет идти за ними. Кажется, наша идея перекормила грудью слишком много младенцев, и она, грудь, отвисла и съежилась. Впрочем, известно ведь, что ничто не проходит безнаказанно.

Он опять говорил слишком театралью, но искренне. Потом помотал головой, выхватил из огня кусок мяса и стал жадно рвать его зубами. И я сразу не поверил его меланхолии. Так ест наслаждающийся жизнью человек.

Шутник быстро доел кусок и вытер руки о замызганные штаны.

– Ну что, – теперь тон у него был прежним, – понравились тебе наши девочки? А что же тогда ты не спустился к ним вниз? Честно говоря, я думал, что хоть в бассейн у тебя хватит духу прыгнуть. Тем более, вслед за такими женщинами. Но, не обнаружив тебя внизу, я решил, что Джулия все-таки тебя выдернула, хотя сейчас им и не до тебя. И Вольф о тебе спрашивал. Но это -вопрос желания. Мне тоже иногда нравится сидеть здесь у костра, жарить мясо – есть в этом что-то... свирепое, что ли. А сейчас сюда придет один мой старинный приятель, который тоже любит огонь, мясо... ну и поболтать любит. Я вас познакомлю.

Интересно, подумал я, если этот его приятель так же слушает только себя, какие у них получаются беседы?

Совсем рядом в темноте что-то завозилось и зашуршало. Мы оба насторожились. Собственно, я насторожился, только заметив реакцию Шутника. Откуда мне знать, что может шуршать в этой темноте. Но Поровидец был удивлен и, кажется, немного испуган. Он неуверенно сказал, что это, должно быть, его кошка, потому что крыс здесь не водится, и бросил в темноту мясной огрызок.

– А вообще-то, – после паузы сказал Шутник, – я и сам не знаю, что здесь водится. В принципе никто не знает. Могли и запустить...

Он не договорил, а я не переспрашивал. Только инстинктивно засунул свои перевязанные руки под мышки: запах мяса, да еще свежей крови, почему-то подумал я, может привлечь того, кого сюда успели запустить.

Шутник встал так резко, что я подпрыгнул. Он выхватил из огня полуобгорелую дощечку и, как факелом, помахал ею в разные стороны. Я заметил, что он совсем не боится, только обеспокоен и заинтересован.

– Можно, конечно, пойти прямо в темноту, в конце концов дойдешь до стены, а там, по периметру, добраться до выключателя, и здесь будет светло как днем. А можно и просто посидеть, посмотреть. Что из всего этого получится.

Видя, что ему не страшно, я тоже успокоился. Да и не могли же здесь выпустить тигра или крокодила. Шутник снова сел, выбросил назад в огонь деревяшку и расслабленно откинулся на руки.

Сильно зашуршало слева от нас, и мы оба вздрогнули – в свет костра вышел человек. На голове у него был убор из перьев, обнаженная мощная грудь тяжело дышала, а мускулистые литые руки держали туго натянутый лук со стрелой, направленной прямо на нас. Было бы даже занятно, если бы это оказался ряженный индеец из какой-нибудь местной реальности. Но у этого человека была буйная растительность на груди и руках и густая черная борода. Он чуть повернул голову, и я совсем перепугался: на меня смотрели знакомые, увеличенные линзами очков глаза. Раввин. Объяснить это можно было только сумасшествием.

– А ну, – сказал он, – повернитесь друг к другу спиной.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мы сидели спиной к спине, привязанные друг к другу врезающимся в тело капроновым шнуром. Шутник, по-моему, получал удовольствие от ситуации; я тоже не сопротивлялся, но только от полного неприятия происходящего.

Раввин стоял рядом с нами, временами поворачивая голову из стороны в сторону, как бы сторожа темноту вокруг. Нелепые перья у него на голове колыхались. Он молчал. Потихонечку стали неметь руки, прижатые к бокам. Наконец это, кажется, надоело и Шутнику.

– Послушайте, ребе, – произнес он почти издевательски, но довольно равнодушно, – выкупа за нас вам никто не даст, а если мы просидим так еще немного, то пропустим камлание у Вольфа. А это значительно интересней, чем упражнения в индейском фольклоре.

Раввин качнул головой, поправил очки и сказал голосом воина:

– Ты все равно не можешь оскорбить Великого Бизона, хотя бы потому, что ему совершенно безразлично, оскорбляют его или молятся ему.

– Это вы, что ли, Великий Бизон?

Раввин снова заколыхал перьями, задумался, а потом опустил лук, наклонился к лицу Шутника и, сменив тон на обычный, не вяжущийся с его нынешним видом, заговорил:

– Вы думаете, что я сумасшедший? Нет, это раньше я был сумасшедшим, как и все вы. Я – Великий Бизон? Нет конечно. Хотя, в какой-то степени... Когда в восьмидневном возрасте мальчику пускают кровь при обрезании – это от Великого Бизона. Понимаете? Все остальное – пшик! Все книжки написаны людьми. Все заповеди! Хотите верьте в них, хотите – нет. И что же остается? Почему я верю в правильного Бога, а он в неправильного? Как можно неправильно верить? И кто знает как правильно? Вот и остается только Великий Бизон, у которого, кстати, совсем нет заповедей. Его можно пощупать руками, он ничего не дает и ничего не просит, понимаете?

Я, как мог, повернул голову к Шутнику, и мне показалось, что тот нетерпеливо выжидает, когда же наступит пауза в мутных речах раввина. Но сказать он так ничего и не успел. Где-то, довольно далеко, раздался то ли взрыв, то ли рев – и стал стремительно приближаться. Чуть позже я сообразил, что это звук работающего на молную мощь автомобильного двигателя. В закрытом, хоть и большом помещении этот звук упруго надвигался на нас как огромный стальной шар. Шнур сильнее впился в меня – это Шутник беспокойно задвигался. Видимо все происходящее до сих пор как-то укладывалось в его замысловатые реальности, но этот звук явно не подходил ни к одной из них. Раввин тоже был удивлен. Но не долго. Он выпрямился, мощно натянул тетиву своего лука и повернулся лицом в сторону звука. Его лицо, подсвеченное ускользящими бликами догорающего костра, было непроницаемо, губы шевелились. Смотрелся он, если бы не очки и борода, убедительно; а головной убор и лук – аксессуары наивного полубезумия – удивительно сочетались с грозным звуком, надвигающимся на нас, костром и запахом горелого мяса.

Через секунду полыхнул свет фар – прямо на нас мчался автомобиль. Раввин не шелохнулся; по-моему, он прицеливался. Зато Шутник всерьез заволновался, подтолкнул меня спиной и потянул вверх, пытаясь встать. Сильно, как по свежей ране, резануло в руках, мы дернулись и завалились в сторону от костра. И в ту же секунду боковым зрением я успел увидеть низкий темный капот с драконьими глазами, материлизовавшийся прямо перед стоящим раввином. Взвизг тормозов, глухой удар и почему-то – сыплющееся стекло.

Уже не обращая внимание на боль, я судорожно задергался. Происходило что-то, чему не хотелось быть ни участником, ни свидетелем.

– Идиот, – громко и визгливо заорал Шутник.

Я не понимал, кому он кричит: мне или же тем у костра.

– Идиот несчастный!

Нам все-таки снова удалось сесть, и я увидел, что костра нет, а на его месте (под колесами еще тлел уголь) стоит маленький открытый автомобиль. На водительском сидении совершенно безучастно развалился человек в костюме. Нам были видны только лацканы пиджака и небрежно опущенный узел галстука. Тут Шутник сделал какое-то сумасшедшее усилие и почти поднял меня на ноги.

– Давай, шевелись – прорычал он, – не видишь, что твориться?

Мы неловко попытались развернуться, но тут раздался новый звук: раввин, где-то потерявший и лук, и шапку из перьев, прыгнул из темноты на капот машины. От сотрясения остатки лобового стекла посыпались прямо на водителя, но тот не пошевелился. Раввин взглянул на него, и лицо его передернулось; он пригнулся, чтобы поближе рассмотреть сидящего за рулем. Когда он повернулся к нам, то это снова был раввин – растерянный полуодетый раввин. Он неловко соскочил на землю и сказал:

– Послушайте, я же в него не попал... кажется. Так как же...

Тут, как бы впервые заметив, что мы связаны, раввин вытащил из кармана маленький складной нож и попытался его открыть. Но руки, видимо, дрожали, и он, пробормотав что-то, впился в лезвие зубами и так размашисто полоснул по шнуру, что я дернулся, а Шутник снова зарычал.

Освободившись, он быстро шагнул к машине и наклонился. Рядом беспокойно затоптался раввин. Мне не хотелось подходить. Недавно съеденное мясо нехорошо поднялось куда-то к горлу. Я смотрел на широкий мутный овал далекой стены – видимо был включен дальний свет и фары работали исправно – и думал, что если добраться до нее, а потом и до двери... Соображать, что произошло, моя голова отказывалась категорически. Хватит анализа и самоанализа. Проклятые реальности снова обманули меня и, кажется, я стал свидетелем, если не соучастником, настоящего убийства.

– Ну что, ребе, доигрались в Чингачгука, а? – Шутник оперся о дверцу и картинно скрестил руки. И только голос, нервически истончившись, выдавал нехорошее волнение. – Ну, и где же ваш Великий Бизон?

– Я же говорю, я в него не попал. Стекло разбил, да, но где стрела? Я не понимаю! Ничего не понимаю!

Раввин был близок к истерике, а Шутник, наоборот, успокаивался и, по-моему, наслаждался испугом раввина.

– Ну и что же будем делать? – спросил он тоном напрашивающегося на взятку чиновника. – Ситуация хреновая, ребе, очень хреновая. Что молчите? Из-за вас в Доме все поставят с ног на голову, да и вообще... Думайте, ребе: человек-то мертв. И, самое главное, какой человек! Это Марк Мазель, ребе. Тот самый. Мне самому страшно подумать, что будет дальше.

Я не очень понимал, зачем Шутнику нужно страшить и без того растерянного раввина. Это походило на шантаж, да только что взять с несчастного полуголого человека.

Раввин боком, что-то бормоча под нос, обошел вокруг машины, попал в свет фар, отгородив от меня спасительную стену, и снова подошел к Шутнику.

– У вас есть только один выход, ребе. Да что я говорю – у нас есть только один выход. Закопать его где-нибудь и отогнать машину подальше в темноту. Здесь, в середине, есть одно местечко, я покажу. А потом, ребе, мы, все трое, идем к Вольфу. И все.

Раввин внимательно посмотрел на Шутника, неопределенно покачал головой, и вдруг резко отодвинул, почти отбросил его от машины, открыл дверь и наклонился над телом водителя. Легкий Шутник налетел на меня, вцепился ледяной рукой в плечо и хмыкнул, как бы приглашая поучаствовать в затее. А мир плыл вокруг, и только желтое пятно на стене оставалось неподвижным маячком среди очумевших реальностей.

Раввин тем временем обернулся к нам, и выражение его лица было еще более странным, чем тогда, когда он вынырнул из темноты со своим луком. Шутник еще сильнее вцепился в мое плечо.

– Вот так всегда: мелочь, ерунда, маленький пустячок может испортить большое дело, понимаете? – Раввин прислонился к машине почти так же, как недавно Шутник.

– Великий Бизон – это не ваши паршивые игры в реальности. В этом сумасшедшем Доме и самому нетрудно сойти с ума, но... Я попал сюда случайно, но сейчас очень рад... Послушайте, если Бог создал человека по своему образу и подобию, то лучший способ понять Бога – это изучать человека. Вот такая дурацкая мысль пришла мне в голову. Зачем копаться в старых книгах, где в конце концов натыкаешься на то, что все это истина, только если ты в нее веришь? В истину нельзя верить или не верить, понимаете? А вот Великий Бизон не предлагает верить. Есть стрела, она летит. И когда она попадает в цель – это Великий Бизон. Но когда не попадает – это тоже Великий Бизон. Можно сказать, что он – на острие стрелы. Нужно в него верить? Кольните себя этой стрелой и поймете. Идолопоклонники от страха и дурости ему молились. Но что Великому Бизону их молитвы? Зачем ему вообще молитвы? Я посмотрел на людей, поковырялся и понял – люди произошли от обезьяны, Великий Бизон тут не причем!

Похоже, раввину было плохо, очень плохо. Мне стало даже жаль его. Мне. Но не Шутнику. Он отпустил мое плечо и легонько, как будто боясь спугнуть, шагнул к раввину.

– Ребе, пора кончать это дело, слышите? Я думаю там, наверху, сейчас не до Марка. Но это пока. Оставьте ваши проповеди для адвоката, хорошо? Давайте, вытаскивайте его из машины. Быстро.

Раввин как будто не слышал. Он неторопливо снял свои кривые очки, искал, чем бы их вытереть, не нашел, повернулся к покойнику и стал протирать стекла полкой его пиджака. Мы с Шутником переглянулись. По-моему, нужно было побыстрее убираться отсюда – к Вольфу, к Джулии, куда угодно. Но бесцеремонный Шутник не хотел оставлять сумасшедшего в покое. Он повернулся ко мне:

– Слышишь, соучастник, придется и тебе помочь, а то от ребе толку мало.

Ну уж нет! Мне жаль раввина с его бесполезным Бизоном, но становиться по-настоящему соучастником я не хочу. Не хочу и не могу! И хватит с меня покойников! Я попятился от машины в темноту. Тяжелая, удушающая слабость, как тогда на крыше, накатилась на меня. Сумасшедший раввин, непонятный, а может и опасный Шутник, да еще и мертвец – славная компания!

Наверное, я бы кинулся в сторону и, против воли, закричал. Но случилось то, чего я подсознательно ожидал, хотя и отчаялся в последнюю секунду. Я увидел, как отлетел от машины раввин, а вслед ему вытянулась над дверцей рука, держащая сломанную стрелу. Раввин нырнул в темноту, а Шутник, стоявший лицом ко мне, тряхнул головой ему вслед, оскалился в страшноватой улыбке, но головы не повернул.

Человек в костюме буднично вылез из машины, аккуратно прикрыл дверцу и шагнул к Шутнику. Он был небольшого роста и рядом с длинным перекошенным Шутником смотрелся довольно комично.

– Ну что, хорошо же ты встречаешь друзей, приятель! А говорил – мясо, костер, тихая беседа... Или не говорил? А вместо этого посылаешь всяких идиотов стрелять в меня. Если бы

я вовремя не нагнулся, этот твой индеец испортил бы всю игру. А так он испортил только кожанное сиденье. Но все равно – молодец этот раввин!

Спокойная небрежность, с которой он говорил, напомнила мне злополучного Гарри. Те же барственные, вальяжные манеры. Только Гарри казался простодушным увальнем рядом с этим маленьким ядовитым человечком.

– А ты бы еще на реактивном самолете к костру подрулил, Марк!

По-моему, Шутник пытался отвечать в тон ожившему приятелю, но получалось у него плохо: видно было, что он недотягивает, что нет уверенности, а есть легкий такой, холодящий отголосок страха. Странно.

Марк подошел поближе к Шутнику и положил руку на скошенное плечо. Шутник чуть дернулся – то ли хотел сбросить эту маленькую руку, то ли, наоборот, присесть.

– А ты ведь думал, что похороны не удались? Так вот, сообщая: прекрасно удались. Вышло даже лучше, чем предполагалось. А тут еще твой сумасшедший раввин... Как он там говорил – Великий Бизон на наконечнике стрелы? Есть в этом что-то, определенно есть. Ну а поскольку зарывать меня, по крайней мере сегодня, не нужно, то садись в машину, поедем.

Он подтолкнул Шутника, который отпрянул от машины, как от горячей печи, но тут же понял, что проиграл – показал испуг, и повернулся ко мне, давая этому Марку понять, что он не один. Тот тоже обернулся, и я почувствовал, что начинаю подыгрывать его мягкой, но очень недоброй светскости: поправил сбившийся ворот халата и, как мог элегантно, подтянул штаны.

– Мистер Мазель, это... – Шутник запнулся – он явно не помнил, как меня зовут, – смущенно скомкал церемонию, но потом нашелся: это от ваших, его Джулия привела, ты должен знать.

– Ну конечно, мы и его возьмем с собой, может оказаться очень кстати. Ты же знаешь, куда мы едем, там все кстати.

Он даже не посмотрел на меня толком, так – скользнул взглядом, и полез в машину. Мне совсем не хотелось куда-то ехать в этом Мазелем, но Шутник, отбросив показную независимость, снова вцепился в меня и потащил к открытой дверце. То есть он, как бы дружески, приобнял меня, пропуская вперед, но я понимал, что дергаться не стоит: я не раввин, и отбросить эту худую цепкую руку не получится.

Втискиваясь втроем в маленький двухместный автомобиль, даже если все трое худы – дело довольно неприятное; во всяком случае, я оказался между двух сидений сжатый благоухающим хорошим одеколоном Мазелем и остро пахнущим потом Шутником. Снизу жестко уперлась в копчик железяка ручного тормоза. Мазель, чуть наклонившись вперед, посмотрел на Шутника, потом на меня – с нехорошим сюрпризом во взгляде – и резко развернул машину. Маленький автомобиль, с целым табуном лошадей под капотом, понесся в темноту. Я не понимал, как Мазель ориентируется по подпрыгивающим в дыре света дальним стенам. На такой скорости аттракцион мог закончиться страшным лобовым ударом, и я вжался, отодвигаясь от Мазеля, в острый бок Шутника. Шутник недовольно поерзал, но промолчал. Он сидел откинув голову назад и закрыв глаза. Я тоже зажмурился, но так было еще страшней и противней. Тут машину легко подбросило, и мы въехали в круто уходящий куда-то вниз широкий коридор, быстро проскочили его и остановились в типичном гараже с подъемником, ящиками с инструментом и запахом бензина и масла. После всех этих быстро меняющихся реальностей обстановка была столь обычна и незатейлива, что мне представилось, как мы вылезает из машины, и Мазель, подняв капот, просит помочь ему сменить масло или завернуть потуже гайку.

Он, и в самом деле, заехал на лапы подъемника, вылез и молча пошел к небольшой боковой двери. Я, чувствуя облегчение, шагнул за ним, но почувствовал упершийся в спину

взгляд Шутника. Он пытался что-то сказать мне глазами, даже выпучил их на секунду, но понять, что он хочет, было совершенно невозможно.

Мазель открыл дверь, кивнул нам и стал подниматься куда-то по крутой металлической лестнице. Шутник живо выскочил из машины, подтолкнул меня к двери, а сам шагнул в сторону и, выдвинув один из ящиков, вытащил небольшой, но по виду тяжелый, блестящий как хирургический инструмент разводной ключ – и сунул его в карман. Шаги на лестнице приостановились, и голос Мазеля, сохраняющий все ту же светскость, сказал:

– Не делай глупостей, Шутник, не заставляй разочаровываться в твоих способностях. Ты-то ведь не раввин.

Мазель опустил на несколько ступенек и присел, в проеме показалось его интеллигентное улыбающееся лицо. Он не мог видеть Шутника – мешала открытая дверь, но на меня по-прежнему не смотрел, а обращался в пространство:

– Я же сказал, что похороны прекрасно удались, не так ли? Или ты тоже хочешь поиграть в Великого Бизона?

Шутник придвинулся ко мне, поймал взгляд Мазеля, кисло улыбнулся и выбросил ключ на землю.

– У тебя, Марк, разыгралось воображение. Я, как ворона, люблю красивые блестящие вещицы, говорил ведь тебе.

Он снова пытался держать себя на равной ноге с Мазелем, но и сейчас получалось плохо: кислое выражение так и не сошло с лица, а когда Мазель стал снова подниматься по лестнице, он воровато оглянулся на лежащий ключ. Я не знал, как вести себя с этими двумя, скорее врагами, чем друзьями: один меня просто не видел, а второй, несмотря на все подмигивания, не дал бы мне уйти отсюда, если бы я попытался. Похоже, что Шутник почему-то не мог противиться воле Мазеля, а меня не отпускал из нежелания оставаться с тем одному.

Мы долго шли по лестнице вверх, и я изрядно запыхался, но когда узнал тот самый зал, где опрокинул покойника, то забыл про отдышку. Правда, сейчас тут не было ни гроба, ни постамента, а в центре стояли кругом с десятков кресел, и в них расположилась довольно пестрая компания. Даже не разглядев их толком, я почувствовал себя очень неудобно: во-первых, эти люди, очевидно, имели прямое отношение к потревоженному мной трупу, а во-вторых и в главных, – в кресле прямо напротив меня, развалившись, в роскошном смокинге сидел Гарри. Воспоминание о нашей последней встрече разбудило потерянное где-то в веренице событий и реальностей чувство собственного достоинства, и я заставил себя посмотреть на него независимо и с вызовом. Но Гарри не заметил меня, он перелистывал какой-то блокнот у себя на коленях и улыбался.

Мазель куда-то исчез. Но зато Шутник, видимо, зная, что от него требуется, протиснулся между кресел и уселся на полу в самом центре круга. Вид у него был и жалкий, и дурашливый. Он уперся крупными ладонями в пол, вытянул ноги и пошевелил носками больших кроссовок. Сидящие зашептались. Я увидел, что все они – и мужчины в хороших костюмах или смокингах, и женщины в щедро декольтированных платьях – держат на коленях такие-же как у Гарри блокноты. На меня никто не обращал ни малейшего внимания. Чем-то все это напоминало выставку собак, только, вместо щенка, в кругу судей сидел Шутник. Он все так же дурашливо вертел головой, но я, встретившись с ним взглядом, понял, что если он и напоминает собаку, то, скорее, окруженную волчьей стаей дворнягу. И как-то тоскливо и безнадежно заныло в низу живота от этого, в общем-то, мирного зрелища – тихие, хорошо одетые люди со своими блокнотами, окружившие несчастного Шутника.

Я вздрогнул и резко обернулся, когда до меня кто-то дотронулся: за мной стояла в том же длинном декольтированном платье Джулия. Она приложила палец к губам и улыбнулась

так знакомо и по-родному, что я еле сдержался, чтобы не кинуться к ней, уткнуться головой куда-то под грудь и там, в уютном запахе и темноте, не видеть происходящего. Джулия, как всегда, что-то такое почувствовала и отступила назад все с той же улыбкой. Я понял, что начинаю запутываться: Джулия и этот Мазель... Если она здесь, то значит... А обитатель таинственного подвала сидит сейчас перед ними...

Появился Мазель. Он неторопливо обходил каждого, низко наклоняясь, выслушивал, кивал головой. Кое-кто из судей пожимал плечами, и тогда Мазель разочарованно приподнимал брови. Я видел, что Шутник напряженно, но не оборачиваясь, вслушивается в эти тихие переговоры. Наконец Мазель обошел всех сидящих, на секунду задумался, потом улыбнулся и махнул рукой Джулии. Она ответила ему кивком и сразу же приблизилась ко мне, взяла под руку. Я отчего-то похолодел. Джулия предавала меня! Краем глаза я видел, что Шутник встал, с вызовом осмотрелся, вытер руки о штаны и вылез из круга. Я с надеждой провернул к нему голову, но он не обратил на меня никакого внимания, и пошел к дверям. И только почти перступив через порог, он оглянулся и бросил на меня совершенно безразличный взгляд поверх узких «змеиных» очков.

Джулия прижала к себе мою руку, и локтем я почувствовал ее мягкую грудь, но сейчас мне это было неприятно. К тому же все сидящие в креслах смотрели в нашу сторону, и я понял, что теперь моя очередь влезать в этот круг, и мне было невыносимо мерзко делать это, и хотелось стряхнуть с руки Джулию, как слизняка, упавшего на голое плечо. Но эти люди смотрели на меня так безучастно и, в то же время, с такой уверенностью, что ничего неожиданного произойти не может, так по-чиновничьи, что я понимал: бежать глупо, а противиться бессмысленно.

– Ты ничего не бойся, это только такая процедура. Это не надолго, хотя может быть и не очень приятно, – зашептала Джулия. Теплое ее дыхание было влажным и противным, я отстранился и посмотрел на нее. Аппаратика в ухе не было. Значит ли это, что говорить с ней бессмысленно? Глаза были слегка затуманены, языком она облизывала ссохшиеся губы, и вдруг я, сильно и ясно, представил пронзительно откровенную сценку. Я и она. И ее губы и глаза, смотрящие снизу вверх. Совершенно невероятно – эта женщина мне сейчас просто противна, но это ощущение почему-то подталкивает меня к деталям вертящейся в голове картины. Она еще что-то прошептала, но я не расслышал, да и не вслушивался. Потом подтолкнула меня к сидящим.

С мутной головой я вылез в центр и, так же как Шутник, уселся, вытянув вперед ноги. Из всех пихающих меня, как бильярдные кии, взглядов я помню только полные издевки глаза Гарри, да еще одни, большие, темные и сострадающие. Женские глаза.

И снова по кругу пошел Мазель. Я не мог слышать, что они говорили ему, но чувствовал, что вот сейчас это действие закончится, что в этом есть какой-то непонятный мне смысл, и мои судьи вынесут мне окончательный приговор. И та грозная деловитость, с которой они чиркали в блокнотах, готовила меня к чему-то, чего мне отчаянно не хотелось. Будь это сложный и пышный какой-нибудь варварский ритуал, мне было бы легче. В ритуалах всегда есть элемент игры, отзвук невесомых реальностей, живущих в этом Доме. Маски, заунывная музыка, таинственные приготовления вернули бы мне ощущение театральности. Так уже случалось. Сейчас никакой игры не было. Безмятежные, хорошо одетые люди обыденно вписывали меня куда-то, а откуда-то вычеркивали.

Наконец все зашевелились, встали и заговорили громче. Ко мне протиснулась Джулия и опустилась рядом.

– Ну и что? – обреченно спросил я, имея в виду: что же будет дальше. Но она, не слушая, прошептала быстро и жарко, что теперь, когда все кончилось, когда меня выбрали, а она знала это с самого начала, о-о, как только увидела меня тогда на улице, сразу же и

поняла... Так вот, теперь я очень и очень важный и нужный здесь человек и можно плюнуть на Гарри, который был против, а, главное, теперь уж она точно не оставит меня одного, даже и не может оставить, а она и не хочет...

Я пытался уловить, что же все-таки произошло и что, поэтому, должно произойти дальше, но Джулия все шептала и шептала. Я и не заметил, как гнет происходящего потихонечку превратился в легкий серебристый покой, даже был горд тем, что меня выбрали, и что теперь вся процедура не кажется мне неприятной и непонятной. Знать бы только, куда меня выбрали. Реальности снова встали на свои места, а Дом остался Домом.

Мы с Джулией снова оказались в лифте, только на этот раз без лифтера, а потом шли коридором, и я совсем не удивился, когда мы попали в ту самую комнату с фальшивым солнцем за окном. Только теперь мне казалось, что было это безумно давно, да и чувствовал я себя теперь по-другому, своим что ли. Потому и комната показалась мне уютнее, а когда я по-свойски раздвинул шторы, то не удивился, что за окном теперь ночь – должна же когда-нибудь спать бедная похотливая Берта.

Мы снова опустились на пол перед никелированным бачком с кофе, мне снова не хотелось есть, а вот кофе был как раз то что нужно. Джулия сидела возле меня, но остатки моих ощущений, даже ту мысленную сцену, смыло приятным надежным чувством чего-то сделанного, трудного и важного, после чего хорошо с удовлетворением сказать себе, что заслужил отдых, кофе и тишину.

Расслабленная поза и горячий кофе располагали к сигарете. Удивительное дело – та самая пачка, которую давным-давно Джулия бросила мне, до сих пор лежала в кармане халата. Я неторопливо вытянул сигарету, предложил Джулии, она замотала головой и только улыбалась, глядя на меня, как жена, кормящая мужа после тяжелого и успешного дня.

Держа пачку сигарет в одной руке, я полез за зажигалкой, и тут вспомнил, что собирался, да так и не отдал ее Джулии, но сейчас чувство причастности ко всему в Доме стерло эту маленькую неловкость. Пальцы все-таки немного дрожали и подвели меня – зажигалка блеснула, вывернулась и опустилась на обтянутые платьем колени Джулии. Хоть и тяжелая, она не могла сильно ее ударить. Неожиданности, по-моему, никакой не было. Но Джулия вздрогнула. Она странно посмотрела на меня, снова на безобидную зажигалку – и вскочила на ноги. Я уже немного привык к переменам настроения Джулии, но такого как сейчас я еще не видел.

– Где ты ее взял?! – взвизгивающий, вывернутый голос, так кричат истерички при виде мыши или лягушки, – где ты мог ее взять? Ты... Ты... Это же *его* зажигалка! Где он? Ты знаешь где он? Ты понимаешь, что будет, если ее найдут у тебя? Ты вообще что-нибудь понимаешь?

Она переступала с ноги на ногу, выдвигая то одно, то другое колено вперед, и я понял, что это действительно истерика. Как будто перед ней, разинув пасть, стоял настоящий дракон. Джулия уронила зажигалку, ударила по ней и отшвырнула мне. Я начал ошарашенно подниматься, так и не прикурившая сигарета повисла, прилипнув к губе. Но, стоило только мне встать, как Джулия отскочила.

– Не подходи ко мне! Не подходи! Все, все меняется теперь! Но ничего, ты сейчас все расскажешь!

Она не договорила, вернее – недокричала, сморщилась и, махнув рукой, рванула к двери. Я дернулся за ней, пытаюсь объяснить, как попала ко мне эта чертова зажигалка, но дверь хлопнула, и я услышал, как поворачивается в замке ключ.

Все до смешного повторяется. Только теперь у меня, кажется, есть все основания бежать отсюда, потому что если тот же Мазель отреагирует на эту безделушку вполнину так бурно как Джулия... Мысли вскачь понеслись назад, и меня передернуло – надо же, идиот,

расслабился! Да тут, как на минном поле – непонятно куда ставить ногу! Далась им эта зажигалка! Я опять вляпался, но теперь у меня нет ни малейшего желания выяснять куда. Сейчас сюда придут, а это значит... Впрочем, как минимум, один выход, о котором забыла эта истеричка, у меня есть.

Я кинулся к окну, за которым в ночи спала Берта. Если у нее не закрыто, то я могу проскочить через ее гнездышко в одну секунду, даже не разбудив хозяйку. Куда бежать потом я не думал – окно было закрыто на задвижку, которая выскальзывала у меня из пальцев. Ну, наконец-то! Я рывком поднял нижнюю половину. И тут же раздался знакомый, звучащий с охотничьим азартом, повелительный голос Гарри:

– А ну-ка стой! Тебе говорю – стоять!

Я замер – по его голосу можно было предположить, что в меня целятся, по крайней мере, из ружья. Никогда еще моя спина не казалась мне такой широкой. Видимо, стремясь предельно сузить мишень, в которую она превратилась, я начал поворачиваться к Гарри боком. Но еще не закончил движения, как услышал женский вопль (с Гарри была и Джулия), потом еще один и, когда я, наконец, повернулся к двери лицом, она с грохотом захлопнулась. И как раз вовремя – мгновением позже в дверь, как раз на уровне груди, с хищным звуком ударила стрела – знакомая стрела с оперением.

Я еще не успел толком понять, что же происходит, как здоровенная рука, вынырнув сзади, вцепилась в халат и рывком утянула меня в окно. Но, даже для раввина, я оказался тяжеловат, и мы оба упали. Раввин крякнул – я попал в него локтем, – потом легко отодвинул меня и, отдуваясь, встал. Света из открытого окна было достаточно, чтобы разглядеть, что он почти не изменился, исчез только головной убор вождя краснокожих.

– Ну что, порожденье обезьяны, я еще когда говорил тебе, что здесь не место для прогулок. К счастью, у Великого Бизона есть не одна стрела. И если в прошлый раз я и промахнулся, то уж Великий Бизон никогда не промахивается. Понимаешь? Ну все, пошли отсюда. Великий Бизон на стороне всех, потому, что он ни на чьей стороне. И стрел у него хватает.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

У Сэма было странное ощущение: его Дом – придуманный, созданный им маленький и невероятный мир – зажил сам по себе. Это было как раз то, чего ему и хотелось, но... Погрузившись в него, Сэм, в отличие от остальных обитателей, был вынужден изредка выныривать в большой мир с его единственной реальностью. Кроме того, что несоответствие этих миров мучительно резало мозг, возникали проблемы, с которыми не было ни сил, ни желания бороться.

Однако все как-то обходилось. Время от времени к нему являлся его поверенный, всегда с недовольным лицом взрослого человека, идущего на поводу у капризов нездорового ребенка. Сэм плохо слушал его объяснения, совсем ничего не понимал в бумагах и счетах, которые подписывал и вяло кивал на все предложения. Финансовая сторона происходящего не укладывалась в его голове. Деньги, которые он выиграл, были просто Большими Деньгами, и их бесконечная величина никак не вязалась со счетами, процентами с капитала и колебаниями на бирже.

Поэтому, когда однажды вместе с адвокатом в его маленьком кабинетике под крышей появился мистер Мазель, Сэму пришлось болезненно сосредотачиваться, чтобы понять, зачем к нему привели этого маленького и очень худого человека.

Безликий и насупленный, поверенный говорил в этот раз долго. Ситуация, как понял Сэм, сложилась почти катастрофическая. Его, Сэма, оказывается, уже давно предупреждали, что безответственное разбрасывание средств, кратковременные вклады с низким процентом, а также, увы, существующая налоговая политика, привели к тому, что на сегодняшний день, после выплаты накопившихся задолженностей, денег у Сэма почти совсем не остается. Что это означает, объяснять не приходится: банкротство, выселение из дома и его продажа. А дальше – только пропасть и, не имеющие уже смысла, сожаления.

Сэм поежился. Дом, который он давно уже не считал своим, а, скорее, сам ощущал себя его частью, оказывается, зависел от принятых им решений, от ненадежного внешнего мира и от бесконечного количества непонятных вещей в нем.

Но, многозначительно заметил поверенный, к счастью, существует путь, позволяющий избежать крушения. Именно поэтому он и позволил себе привести к Сэму мистера Мазеля. Чувствовалось, что он безусловно гордится найденным выходом из положения и видит себя благодетелем и Сэма, и мистера Мазеля. Конечно же, многое зависит и от самого Сэма (тут маленький человечек усердно закивал головой), и от того, насколько все это подходит организации, которую представляет пришедший господин.

На вопрос Сэма, кого же он представляет, Мазель покосился на поверенного, словно они были в сговоре, и уклончиво ответил, что сначала хотел бы осмотреть дом и убедиться в его пригодности для целей организации. Если дом ему подойдет, торопливо продолжил он, то, конечно, все финансовые заботы они возьмут на себя, оставив в доме все по-прежнему, а Сэму – его прежнюю должность. Какая, собственно, у него должность, Сэм не знал, но спорить не стал, а снова повторил вопрос о таинственной организации мистера Мазеля.

Поверенный, слегка раздраженно, заверил, что его репутация не позволила бы ему втягивать клиента ни в какие сомнительные дела. И если ему было доверено распоряжаться миллионами Сэма, которые, увы, оказались столь бездарно растрочены не по его вине, то уж тем более можно положиться на его рекомендации. Сэму оставалось только пожать плечами.

Сэм с Мазелем (поверенный идти отказался) отправились в Центр, и по дороге оживившийся гость задал множество вопросов. Сэм чувствовал, что Мазель уже подготовлен к тому, что увидит. Это было странно: поверенный никогда не соглашался пройтись по дому, даже из любопытства.

– Ну, – сказал Мазель, – у нас есть свои источники информации. И не подумайте, что мы просто пытаемся воспользоваться вашим положением. Я уже давно собирался прийти побеседовать. Только вот связаться с вами непросто. Ну а сейчас ваш поверенный, когда я высказал ему свои соображения, охотно взялся мне помочь.

Мазель был одет в безупречный костюм преуспевающего бизнесмена, улыбался и вел себя довольно раскованно, но почему-то Сэму было немного жаль этого человека. Пожив в Доме и перестав ориентироваться в чем-либо практическом, рациональном, как слепой обострившимся слухом, он интуитивно ощутил в Мазеле тоску, страх и неуверенность. Что-то тут было не так. Хотя, подумал Сэм, а как – так? Все мы немного не те, за кого себя выдаем.

Он показал Мазелю «Улитку» и «Пароход», потом, через «Блуждающий лабиринт», провел в «Тронный зал», и даже предложил спуститься в подвал к «Белому кругу». Но Мазель замотал головой. Достаточно, вполне достаточно, не хочется лезть в подвал, да и нет нужды. Он считает, что все, что он уже увидел, вполне подходит. Осталось только завершить ряд формальностей, подписать бумаги и...

– Секундочку, а как же объяснения? Хотелось бы понять, что вы собираетесь делать с Домом и его обитателями. Выбора, как я понял, у меня нет, но все же.

– Да уж, выбора у вас и в самом деле нет. Но я уже сказал, что мы не собираемся ничего менять в этом доме. Просто сюда, к вам, мы подселим еще несколько человек. На тех же условиях. А, кстати, сколько всего здесь живет народу?

Он не удивился услышав, что Сэм и сам точно этого не знает.

– Не страшно, к вам придет только десять-пятнадцать новичков, не больше. Думаю, что для них места хватит. Мы ведь почти никого не встретили за все это время. Значит у вас тут не тесно.

Мазель помедлил, давая Сэму время неопределенно кивнуть, и с улыбкой, из-под которой высвечивала тревога, спросил:

– А что, есть у вас какие-нибудь ритуалы приема в вашу... э-э... коммуноу? Что-нибудь таинственное и мистическое?

Сэму показалось, что он разочаровал Мазеля, объяснив, что нет никаких ритуалов, да и вообще никакой особой таинственности, просто человека впускают в Дом, а дальше он сам решает, где и, главное, как он будет существовать. Только не полагается брать с собой часы, календари и телефоны.

– Ну, здесь нам придется кое-что изменить, – протянул Мазель и тут же замахал руками, чтобы Сэм его не прерывал его. – Послушайте, Сэм, ведь я могу вас так называть, правда? Изменения никак не отразятся на вашем Доме, я обещаю. Наоборот, станет еще интересней. Ну, не можете же вы бесконечно крутиться по этим лабиринтам и ловушкам. Вам нужны новые люди, новые реальности. Если я правильно понял ваши объяснения, то, как профессиональный психиатр, могу гарантировать, что еще полгода-год вы сами пришли бы к тому, что я вам сегодня предлагаю. Только через полгода у вас уже не будет этого Дома.

Да нет, Сэм не против: Дом все равно живет сам по себе, просто... просто хотелось бы знать, что именно имеет в виду доктор Мазель, какие изменения?

Мазель помолчал, наморщив лоб и что-то соображая. Потом, как-то стыдливо скосив глаза, сказал, что в первую очередь нужно устроить Похоронный Зал.

Сэм с облегчением вздохнул. Он-то боялся, что речь пойдет о оборудовании квартир, пробивании окон и еще чем-то таком, что наделало бы дыр в хрупкой оболочке Дома и тогда, через некоторое время, его «Лабиринт» превратился бы в зимний сад для скучающих и нелюбопытных жильцов, а в «Белый круг» и впрямь налили бы воду.

Конечно, он согласен на такие добавления, да и новых людей примут здесь с удовольствием, почему же нет. Если никак не будет изменена сама идея Дома, то остальное не так уж и важно. «Похоронный Зал»...

– Ну вот и отлично.– Мазель, тоже с облегчением, потер руки. – Кроме того, вы, Сэм, совершите благое дело, я бы сказал, Великое Благое Дело. Наша организация, я просто не хотел останавливаться на этом вначале, – в ней тоже никакой таинственности нет, к сожалению, даже наоборот, так вот: это даже и не организация, это, скорее, клуб. А я являюсь одним из его учредителей. Принимают к нам только очень и очень богатых людей, поверьте мне. Ежегодный членский взнос составляет не менее пяти миллионов.

Он ожидал, что Сэм как-то отреагирует на названную сумму, но тот только покивал головой. Тогда доктор Мазель с нарастающим воодушевлением объяснил, что членство в клубе определяют не только деньги, но и другие важные параметры. Но это не главное. Все пятнадцать членов его клуба давно уже искали что-либо необычное, потому как устали от всех доступных им прежде удовольствий и развлечений. В то же время, все члены клуба – взрослые и умные люди и прекрасно понимают разницу между аттракционом, пусть и очень занятным, и той возможностью жить в другой реальности, которую дает им этот Дом. Именно поэтому, получив соответствующую информацию, все были восхищены идеей и поручили ему, доктору Мазелю, провести соответствующие переговоры и подготовить все необходимое для вселения в Дом членов клуба. Конечно, его можно было бы купить за сравнительный бесценок, стоит только дать Сэму разориться, но... Именно он, Мазель, настоял на том, чтобы здесь ничего и никого не трогали, потому что вместе с Сэмом и остальными обитателями исчезнет то самое... Ну, в общем, то, из-за чего этот дом так ценен клубу. С финансовой же стороны... Пусть Сэм не беспокоится: в дело будут сразу же вложены такие капиталы, что волноваться уже не надо будет никогда. Никогда. Великолепно, не так ли?

Сэм уже не очень слушал милого доктора. Все складывалось и впрямь неплохо. Только вот получалось, что и его, Сэма, покупают вместе с его Домом. Более никаких подробностей о таинственном клубе Мазель ему не выдавал, но уже услышанное заставило его задуматься о том, каким привлекательным его Дом может оказаться для многих и многих. Но будут ли они, эти люди, теми самыми, кто нужен Дому? Сам он подбирал жильцов только в начале, да и то это были специальные люди, актеры, привыкшие ко множеству реальностей и легко освоившиеся в Доме. Из случайно попавших в Дом задерживались только те, кому это было необходимо, и кого принимал Дом. Для них Дом был, наверное, чем-то вроде монастыря. Конечно, очень своеобразного монастыря. А тут – скучающие миллионеры... Впрочем, увидим.

Через несколько дней Сэм подписывал бумаги. Дом переходил в собственность клуба, названия которого Сэм в бумагах не нашел, да и не старался. Подписывал все, что ему подкладывали, почти не вникая. Заметил только, что на бумагах этого клуба стоит непонятная эмблема – что-то вроде паука, разделенного пополам. Сэм убрал руку с авторучкой и поднес бумагу ближе к глазам. Его поверенный и Мазель переглянулись. Паук оказался не пауком, а крабом, и через разделенные половинки шла наискосок лента с каким-то латинским девизом. Впрочем, какая разница? Сэм подписал все. В заключение Мазель торжественно пожал ему руку и попросил называть его Марком.

Новые жильцы действительно ничего не изменили в Доме. Ну или почти ничего. Сам доктор Мазель представил Сэму всех членов клуба, но имен Сэм не запомнил; запомнил

только, что среди них было четыре женщины: три молодящиеся и некрасивые, взволнованно-оживленные и одна по-настоящему молодая, очень бледная и очень печальная, с неестественно черными, как показалось Сэму, длинными волосами. Она держалась чуть в стороне от остальной компании.

Мужчины были разного возраста, но что-то в их манерах и глазах объединяло их как униформа. Может быть деньги, подумал тогда Сэм. Но вели они себя совсем не заносчиво. Наоборот, стоя со своими саквояжами в тесном кабинете, они выглядели скорее просителями, чем хозяевами. Сэму даже стало неловко, он заторопился, предложил всем устраиваться и побыстрее ушел к себе.

Спустя время, может быть месяц или два – кто здесь считал время? – Сэм решил выйти на свою обычную прогулку и посмотреть, почувствовать, изменилось ли что-нибудь в Доме. Вроде бы ничего. А зачем им нужен Похоронный Зал? – подумал вдруг Сэм. Смерть или, по крайней мере, связанные с ней ритуалы не совсем увязывались с реальностями Дома, но, с другой стороны, каждый имеет право на свою реальность. Бессмертие, в конце концов, – вечная мечта человека. И потому-то смерть часто сопровождается таинственным обрядом – довольно жалкая попытка уверить себя, что мы причастны к самому явлению и, следовательно, в какой-то мере можем управлять им.

Задумавшись, Сэм шел вперед и сам не заметил, как оказался в той части Дома, которую раньше старался избегать. Здесь обитали самые темные и непонятные Сэму реальности. Средневековая мистическая мрачность, агрессивность, с которой здесь встречали пришельцев, очень не нравилась ему. Однажды, когда он вот так же шел по этому сводчатому коридору, из мрака перед ним возник огромный косоглазый мужик в кожаных штанах и загородил дорогу. Кожаные манжеты закрывали его руки от кистей до локтя; голый, измазанный сажей торс со вздутыми грудными мышцами блестел от пота. Он ухватил Сэма за плечо и втолкнул в какую-то крохотную и сырую каморку. Потом расплылся небритым лицом в кривой улыбке и пробормотав: «Выкуп за тобой, сука!», захлопнул тяжелую дверь.

Сэм не был пришельцем в Доме, он не испугался. Лег на холодный каменный пол, положил руку на шершавую стену и, в полной темноте, принялся осознавать происходящее, подчиняться новой для него реальности. Лежал он долго, пока не услышал громкие голоса, лязг и, кажется, шум драки.

Дверь отворилась, и Сэма довольно бесцеремонно вытащили наружу. В свете факелов он увидел расслабленно прислонившегося к стене Шутника. Шутник улыбался совершенно безмятежно, но его нога в странной туфле с загнутым носком стояла на горле того самого косоглазого здоровяка. Тот бурно дышал, однако не делал попыток вырваться и даже глаз на Шутника не поднимал, скосив их в сторону, как человек, боящийся увидеть ужасное. Рядом, держа факела, стояли двое в кожаных безрукавках и тоже старательно отводили глаза от прислонившейся к стене фигуры с перекошенными плечами. Сэм удивился непонятной власти Шутника. Ведь Шутник не был здесь главным, он вообще жил в подвале. Но расспрашивать не стал, а поблагодарил и ушел. Дойдя до поворота, он обернулся и увидел, что Шутник так и стоит, держа ногу на горле поверженного.

С тех пор Сэм ни разу не забредал в эту часть Дома. Не виделся он и с Шутником. Сэму казалось, что стоит ему встретиться с этим обитателем подвала, как тот обязательно начнет рассказывать о его, Сэма спасении, и тогда выяснится что же происходит в Доме, а Сэму совсем не хотелось этого знать. Он подумал, что, укрывшись в Доме и невольно вызвав к жизни все эти реальности, он теперь укрывается и от них, движимых неподвластными ему законами.

Сейчас он устыдился своей трусости и пошел по мрачному коридору, зябко ожидая за каждым поворотом столкновения с нехорошим. Сэм невольно ускорил шаг, но пока коридор был пуст.

Он еще раз повернул за угол и сразу увидел, что из полукруглой арки дверного проема на каменный пол падает полоса яркого света. С разбега он проскочил мимо, но боковым зрением успел заметить странную фигуру, освещенную сверху узким лучом. Сэм помедлил секунду; ему показалось, что он узнал стоявшего человека, и шагнул назад.

Да, это и в самом деле была она. Та самая молодая женщина из клуба миллионеров, запомнившаяся Сэму своей отрешенностью и красотой. Она застыла в густом луче, одетая в непонятный серый балахон, подняв и крепко прижав к голове правую руку. Казалось, она хочет дотянуться до источника света высоко над ней: мышцы обнаженной руки были напряжены, пальцы подрагивали. И только лицо ее совершенно не соответствовало позе: это было лицо глубоко задумавшегося, уставшего и несчастного человека. И это несоответствие, и балахон, и свет, серебривший ее черные волосы, и мрачная темнота вокруг как будто парализовали Сэма. Одинокая и неподвижная, с живыми страдающими глазами, смотрящими прямо на него, она вызывала непонятное сочувствие и страх в то же время – страх разрушить что-то непонятное, как было бы страшно дотронуться до человека, стоящего на цыпочках на карнизе крыши.

Тем не менее Сэм сделал робкий шаг вперед, сам не понимая зачем и догадываясь, что лучше бы ему идти дальше не останавливаясь. Глаза женщины расширились, губы чуть дернулись – она то ли запрещала Сэму приближаться, то ли, наоборот, звала его и не верила, что он откликнется.

Сэм неуверенно шагнул еще раз – кружилась голова – и почувствовал горьковатый медицинский запах, смешанный с нежным женским потом. Она все смотрела на него, только тянувшиеся вверх пальцы задрожали сильнее. И когда Сэм придвинулся еще ближе, женщина вдруг резко выдохнула, уронила руку и отпрыгнула в темноту. Сэм вступил в освободившийся световой круг, жалея, что не прошел мимо и нарушил ее хрупкое одиночество. Обычно реальности, при необходимости, легко и безболезненно переплетались в Доме, наслаиваясь друг на друга и создавая новые затейливые круги. Сейчас же Сэму показалось, что он пришелец, и что нарушенный им ритуал больно отзовется на жизни Дома.

Чтобы успокоить себя, он постоял еще немного и решил обязательно увидеться с Марком Мазелем, чтобы узнать, как поживают новые жильцы и этот ли этаж выбрали они для своих реальностей. А вообще, кажется, пора прекращать вот такие бесцельные прогулки по дому – слишком сложным и непредсказуемым стал его Дом.

Сэм повернулся и вышел в показавшийся еще более темным коридор. За его спиной ничего не изменилось – скорее всего женщина ушла и не вернется, по крайней мере, до тех пор, пока он не удалится. Ну что ж, он удаляется.

Ее лицо все еще стояло перед глазами, и он понял, как эти люди могли изменить реальности Дома – кажется, они принесли с собой Нечто. До сих пор в Доме могли существовать и страх, и даже мистический мрак, но существовали они не сами по себе, а были лишь антуражем, мелкой деталью, приправой, если хотите. Но это лицо в ярком свете, нелепо вытянутая рука... Недаром его насторожили слова Мазеля о Похоронном Зале.

Сэм так задумался, что уже без всякой опаски поворачивал, следуя изгибам коридора. Услышав смех, он вздрогнул и, миновав очередное колено, оказался лицом к лицу с той самой компанией в коже, которую когда-то напугал Шутник. На сей раз встретили его вполне дружелюбно. Косоглазый при виде Сэма потер шею и громко расхохотался.

– Ты сейчас тоже будешь смеяться. Представляешь, у нас канализация испортилась. Так мы, как обычно, через Лифтера передали, ну и... В общем приходит к нам сюда

сантехник, повозился полчаса, починил все, но ничего так и не понял. Что у вас тут, говорит, дурдом, что ли? И электричество за неуплату отключили? Ну, Фрэнк и начал про ерунду всякую, вроде реальностей, рассказывать. У того морда стала – ну точно, к психам попал, сейчас кусаться начнут. Но главное: собрал свои вещички и говорит: хорошо бы, ребята, на чай получить. Я ведь работал. Понимаешь? Чаевые просить? У кого? У нас? Пришлось ему «Кромешную дыру» показать. Это Фрэнк нас остановил, а то бы мы его туда и опустили. Не думаю, чтобы он пришел еще раз.

Он снова захохотал, но быстро оборвал смех, уставившись на Сэма. И, скривив лицо, сказал после паузы:

– А, знаешь, дела-то вообще хреновые.

Сэм не знал, как надо реагировать на это заявление. Точно так же он не знал, что собой представляет эта «Кромешная дыра». Кроме того, он не был уверен – не валяет ли дурака этот тип. И, вспомнив о недавней странной встрече, забеспокоился. Но постарался попасть в тон ожидающим ответа.

– А кроме сантехника, вы тут новых встречали? Ну, не наших?

– Так о том и речь! – к Сэму шагнул тот, кого звали Фрэнком. Он выглядел похлипче остальных и посмышленной. – Нехорошие вещи стали происходить. Не знаю как там у вас, но здесь уж точно.

– Да в чем дело-то?

– Эти новые – страшные люди! Я тебе серьезно говорю. Ходил к Шутнику, а он только улыбается и руками машет. Во второй раз пошел, начал рассказывать, а потом смотрю – у него все те же сапоги на ногах, знаешь, со шпорами. Какой уж тут с ним разговор!

Сейчас с ним не шутили, Сэм это почувствовал. Но и сильно испуганы тоже не были, скорее обеспокоены. Вот и к Шутнику несколько раз бегали. Значит все-таки что-то серьезное. Но не объясняют в чем дело, тянут. Странно.

Косоглазый тоже почувствовал, что Фрэнк никак не выговорит, подвинул его грязной ручищей и, улыбнувшись, чтобы никто не подумал, что ему не по себе, безразлично сказал:

– Люди у нас стали пропадать. Причем по-плохому.

В этом средневековье, подумал Сэм, люди просто должны пропадать. Но до сих пор ничего подобного не случилось. Да, их реальность груба и мрачна, а игры предельно суровы, но... Додумать он не успел: качнулся в сторону хлипкий Фрэнк, второй, с факелом – тоже, а у заводилы стерло улыбку с лица. Из глубины коридора к ним приближался доктор Мазель.

– Сэм, это замечательно, что мы встретились. Как раз собирался искать вас.

Мазель выглядел по-прежнему, и его отглаженный костюм диковато смотрелся в факельном свете. Да, он не изменился, только жесткий взгляд уже не давал ни малейшего повода для жалости. Маленький, спокойный и интеллигентный Мазель. Только почему одеревенели грубые мужики в коже? Даже Шутнику, чья власть над этой компанией удивила Сэма, пришлось вступить с ними в драку, а тут...

– Пойдемте ко мне, Сэм, если не возражаете. Я обосновался тут неподалеку.

Он взял Сэма под руку и, даже не кивнув оставшимся, повел его обратно по коридору. Они прошли несколько поворотов, но как Сэм не пытался, он не мог понять, где же именно видел ту женщину.

Мазель толкнул одну из дверей – грубую, схваченную железными скобами, и пропустил Сэма в уютную гостиную с камином, в котором горел огонь, и с двумя огромными кожаными креслами перед ним. Мазель предложил Сэму присесть (кресло было жестким и, не смотря на близость к камину, очень холодным) и заговорил.

От коньяка и сигары Сэм отказался. Чувствовалось, что Мазель всячески пытается создать видимость легкой и непринужденной беседы, но светскость его тона совсем не

вязалась ни с явным испугом тех троих в коридоре, ни с самим видом Мазеля. По неожиданной аналогии Сэм вспомнил давно канувшего в прошлое Джо, и подумал, что милый и интеллигентный Марк Мазель может оказаться страшнее отпетого уголовника.

Сэм нащупал в кармане зажигалку, ту самую. Не веря в талисманы, он все же всегда носил ее с собой. Но нет, Мазель не внушал ему тревоги, от него не веяло опасностью, как когда-то от Джо. Тут было что-то другое, но что именно – Сэм не мог понять.

Мазель уселся в кресло напротив и закинул ногу на ногу. Он неторопливо выбрал в стоящем на небольшом столике ящике сигару, понюхал ее и прикусил зубами. Неожиданно для себя Сэм выбросил вперед руку с зажигалкой и чиркнул кремнем. Мазель благодарно наклонил голову и прикурил.

– Оригинальная вещица, разрешите взглянуть.

Он покрутил зажигалку в руках, похмыкал и положил на столик рядом с сигарным ящиком. Сэму показалось, что Мазель не собирается ее возвращать. Но было бы невежливо встать и забрать зажигалку.

– Так вот. Надеюсь, что не отниму у вас много времени. Чувствую себя обязанным кое-что вам пояснить. Сразу же после нашего вселения произошло несколько мелких недоразумений. Но это нормально поначалу, я понимаю. Сейчас, мне кажется, все встало на свои места. Женщины, например, очень довольны, все трое обитают внизу у этого... Шутника. Я спустился туда взглянуть: действительно занято.

– Погодите, – перебил его Сэм, – но женщин было четыре и, кроме того, одну из них я...

Он не закончил фразы, почему-то решив, что незачем Мазелю знать о том, что он видел.

– Да, сначала их действительно было четыре, но... произошли некоторые изменения. Поверьте мне, это частное дело членов клуба. Но я хотел поговорить не об этом. Понимаете ли, члены нашего клуба – люди специфические, иначе бы они не вселились сюда. Так вот, я хотел бы попросить вас, если это возможно, объяснить своим, что возникшие с нашим приходом перестановки, изменения – назовите как хотите, – только лишь еще одна реальность. Вы ведь это так называете? Не исключено, что мы кому-то и помешали. Мне, например, не нравятся эти факелы и сырость, но я готов мириться... по собственным причинам. Но и наши, скажем так, ритуалы должны быть приняты здешними обитателями. А по Дому пошли нелепые слухи, я знаю. Вот и сейчас вам тоже жаловались на нас. Ведь так?

Сэму надоел этот вежливый уговаривающий его голос. Кроме того, он не понимал, чем, собственно, он может помочь: он не знает и половины живущих в Доме и никакой власти над ними не имеет. И Мазель не может этого не знать. Поэтому он пренебрег дипломатией и прямо спросил:

– Это вы исчезновение людей называете перестановками и изменениями?

Мазель с удивленной улыбкой откинулся в кресле. Может быть, слишком удивленной. Просто изо всех сил показывал, что не догадывается, о чем идет речь.

– Исчезновения людей? Не понимаю. А что, раньше Дом никто не покидал?

– Ну почему, несколько человек ушли в разное время. Но до сих пор я еще ни разу не слышал о исчезновениях.

Мазель согнал удивление с лица. Сквозь вежливость начали проступать обида, недоумение и даже разочарование.

– Дорогой мой, здесь, в Доме, вы говорите о исчезновениях как о чем-то ненормальном? Впрочем, если это волнует вас всерьез, я покажу вам кое-что из наших реальностей; может быть вы поймете, откуда берутся эти слухи. Пойдемте.

Он решительно поднялся, бросил сигару в камин, и, не оглядываясь, пошел к двери, как человек, желающий немедленно доказать свою правоту. Они снова оказались в полутемном коридоре, и Мазель, движения которого из аристократически плавных стали резкими, не останавливаясь, нырнул в первый же проем, в темноту. Сэм заколебался – жесткие движения и тон Мазеля настораживали.

– Идите сюда, помогите!

Сэм инстинктивно пошел на голос. Его тут же схватила горячая рука и потащила вниз. Сэм почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, упал на Мазеля, и они оба покатались куда-то вниз по сильно наклонному и скользкому полу.

– Черт, – прошипел Мазель, – я вас не об этом просил! Ну да ладно, сидите тут, я сейчас.

Он отступил куда-то в темноту, потом раздался негромкий удар – видимо Мазель на что-то натолкнулся, – и через секунду вспыхнули два мощных направленных луча. Свет бил куда-то в сторону, и Сэм отчетливо увидел маленький приземистый автомобиль с горящими фарами и стоящего рядом Мазеля.

– Садитесь, – Мазель легко прыгнул в открытую машину и распахнул пассажирскую дверь, – сейчас мы с вами прокатимся.

Сэм устроился на низком и мягком сидении. Руки Мазеля на руле подрагивали, он улыбался не разжимая губ. Мощный «Порш -Бакстер» резко рванул с места. Этаж, на котором они сейчас находились, перестраивался несколько раз, но в целом, представляя себе географию дома, Сэм понимал, что на такой скорости они вот-вот должны врезаться в стену. То ли пыль, то ли туман окружали машину, и в пучке света дрожало и разлеталось марево, посверкивая отдельными частичками. Искушенный в трюках, которыми был набит Дом, Сэм подумал, что может быть машина стоит на месте, и иллюзия движения создается специальными механизмами. Он чуть выставил руку из кабины, и сильный поток воздуха ударил в ладонь. В принципе, и это можно сымитировать... Тут Мазель сильно ударил по тормозам, и сомнения Сэма развеялись: «Бакстер» качнулся и пошел юзом. Мазель вывернул руль, выключил двигатель и расслабил руки.

– Ну вот. А сейчас посмотрим, куда мы приехали. Выходите, только осторожнее. Смотрите куда ступаете.

Сам Мазель живо выскочил, подошел к переднему бамперу и присел. Когда Сэм сделал несколько шагов вперед, то понял, о чем его сейчас предупреждал Мазель: передние колеса машины стояли на самом краю крошащегося бетона, дальше начиналась глубокая темнота. А фары по-прежнему разгоняли поднимающуюся пыль. От этого пропасть казалась совершенно бездонной.

– Делается это просто, – поняв голову и глядя перед собой проговорил Мазель, – жмешь на газ, считаешь до десяти и тормозишь. Но каждый раз я останавливаю машину все ближе и ближе к обрыву. Почему? Не знаю.

Не боясь испачкать костюм, он неожиданно лег, свесив голову и руки в провал. Сэм одеревенел.

– Говорите – люди исчезают? Может быть... Может здесь вот и исчезают. Не знаю. Наверное.

Неожиданно он вскочил в машину и, не дожидаясь Сэма, подал ее назад. На секунду Сэму показалось, что сейчас Мазель рывком бросит «Бакстер» в пропасть. Но тот резко, почти на месте, развернулся. Пыль обволокла Сэма.

– Кстати, я все время – из стеснения наверное – обходил вопрос: что же за клуб у нас. Так вот, мой дорогой Сэм, тут все очень просто. Когда ты богат, почти бесконечно богат, то обиднее всего, когда в тебя неожиданно и подло – всегда подло – проникает болезнь.

Неизлечимая болезнь. Все члены нашего клуба, включая меня, больны раком, в разных стадиях. А это, сами понимаете... Мы играем в другие игры. В общем, не удивляйтесь больше исчезновениям, ладно?

И Мазель бросил взревевший двигателем Порш вперед, оставляя Сэма одного, в темноте, на краю пропасти.

Нечто, поселившееся в Доме с приходом этих людей, было очень серьезным, как их болезнь, и Сэм почти физически почувствовал, как корчится Дом, вбирая в себя это Нечто. Теперь все пойдет по-другому. Бездна – сила и еще одна реальность. Сэму стало страшно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Временами, вот как сейчас, я и сам начинаю верить в Великого Бизона. Какая, в конце концов, разница, как назвать то движение жизни, что крутит нас всех, начиная с наивного, почти безгрешного Адама – силой, совокупностью совпадений, связью причин и следствий: все это, как я понимаю, и есть Великий Бизон. Кроме того, все непреложные истины, которые мы считаем законами Бытия, по сути – лишь результат нашего скудного опыта. Опыт основан на реальности всего происходящего. Вероятно, камень, подброшенный вверх, где-то там, высоко, имеет шанс перескочить в другую реальность и не вернуться к нам никогда. Как ни странно, но в этом случае, говорит раввин, никакого отношения к Великому Бизону происшедшее иметь не будет. Только Сейчас и только Здесь, утверждает он, мы имеем дело с проявлениями Великого Бизона. Далее он увлекается и, жестикулируя и помаргивая огромными глазами в кривой оправе, несет такое, что даже в Доме, как мне кажется, не приняли бы его всерьез. Он утверждает, что не следовало Богу изгонять Адама и Еву из Рая. Это как посадить провинившегося подростка в камеру в отпетыми уголовниками: через некоторое время выйдет вполне сформировавшийся бандит. Ну трахнул Адам Еву - ослушание, конечно – но что этот грех в сравнении с грехами нынешних? Тьфу! Ничего! А Всеведущий не мог не знать что делает. Пустил по наклонной дорожке свои создания? Нет, вот тут-то и появляется Великий Бизон!

Мы сидели в маленькой проходной комнате с железным вибрирующим полом, куда он утянул меня в темноте, мимо Бертиного балкона, через какие-то двери и переходы. У меня было странное ощущение, что все реальности этого Дома замкнулись в кольцо. Я бегаю по кругу как лошадь на корде. Но по-прежнему не очень понимаю, что же происходит. И со мной, и вокруг меня. Раввин рассуждал о том, как выбраться из Дома, опираясь на Великого Бизона и его, раввина, знание каких-то переходов и лестниц. Интересно, если мы все-таки найдем выход, он что – так и пойдет голый по пояс с луком и стрелами? И вообще – есть ли что-нибудь там, за пределами Дома?

Пол в нашей комнатенке вибрировал оттого, что под нами, похоже, была силовая установка, мощные трансформаторы пахли озоном и еще чем-то электрическим. И туда, вниз, вела лесенка. Великий Бизон, очевидно, предлагал нам с раввином спуститься и попробовать вырубить все электричество в Доме. По подозрению раввина, внизу и есть главный распределительный щит. Ну а в темноте, понятно, легче будет скрыться.

Но мне нужны были объяснения. Я созрел для объяснений, черт возьми! Кроме того, сильно сомневался, что в темноте мы сможем найти дорогу во всех этих лабиринтах. Я все еще не очень верил раввину. От чего он меня спас? Сначала меня выбрали... куда-то, зачем-то. Потом эта история с зажигалкой... Гарри пришел, чтобы я объяснил ему, где я эту зажигалку взял? Ну и что? Теперь, после вмешательства раввина с его Бизоном, получается, что мы с ним заодно, то есть для меня это означает, что я снова убежал от Джулии. В прошлый раз мне, конечно, не дали уйти. Но сделали это мягко: появилась Джулия, и я снова окунулся в их игру. Сейчас меня выдернул из этого круга раввин. Кстати, как это ему стало известно, где я? И, если он и сам здесь почти пленник, откуда такое знание всех ходов? Появляется, как призрак, из стены – и туда же уходит. Уж не Мазель ли является Великим Бизоном, которому раввин так преданно служит?

Раввин положил мне руку на плечо, встал и полез по лесенке вниз.

– Главное – разобраться, какой нам нужен рубильник. Но знаешь что? Я тебе скажу. Мы выключим все – он захихикал и приостановился на лестнице так, что видна была только его голова. Я вспомнил, как безжизненно висела его рука из люка в комнате у Гарри. Нелогично получается: раввин говорил, что не может выбраться из той мышеловки, но вот как-то выбрался и отправился не домой, как хотел, а играть в индейцев. Значит, они с Гарри обо всем договорились. Но я же ясно видел, как только по чистой случайности раввин из своего лука чуть не убил этого самого Гарри!

– Нашел! Я нашел, иди сюда! – прокричал снизу раввин. Как человек, отлично понимающий, что делает заведомую глупость, я спустился вниз. Зачем, спрашивается, ему нужен я, если он нашел главный распределительный щит? Мог бы спокойно сам все выключить.

Раввин действительно стоял перед большим щитом с рядами рубильников с массивными ручками. Над щитом тускло горела лампочка. Я прошел по узкому пространству между сдержанно рокошующими шкапами трансформаторов.

– Ну вот, – раввин обернулся ко мне, – мы и пришли. У меня есть свеча, так что мы не останемся в темноте. Видишь эту рукоятку, красную с пломбой? Давай, дергай! Великий Бизон снова натянул свой лук. Представляешь, что сейчас будет?

Может быть мои чувства обострились, заточенные вихрем реальностей, а может быть просто раввин переигрывал со своим Бизоном. Я даже не вздрогнул, когда, уже почти дотронувшись до рубильника, услышал голос Мазеля: чувствовал, что что-то должно произойти. Выследить нас ничего не стоило, а раввин еще так долго распространялся о Великом Бизоне, идиот.

– Вам лучше не трогать эту штуку. Для вашей же пользы. Это ловушка для дураков. На этом рубильнике нет изоляции.

Мазель стоял за моей спиной, и тон его был тот же, что и в подвале, когда он так испугал раввина, да и меня, признаться, тоже. Я посмотрел на раввина. Тот стоял разинув рот и выпучив и без того огромные дальнозоркие глаза. Но это был не страх, а, по-моему, сильное удивление. Что-то сродни восторгу пробегало по его лицу. Словно он и действительно встретился лично с самим Великим Бизоном.

Если Мазель хотел испугать меня своей ловушкой, то это у него получилось плохо. Я просто не поверил в его изолированный рубильник. А он, в первый раз за все время, посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Странно, но под его взглядом я почувствовал себя полным дураком: пойман на месте преступления в компании с таким же дураком – раввином...

– Наши игры совсем не для вас, как я понимаю, – Мазель продолжал улыбаться, – и если бы не досадная необходимость, вызванная целым рядом причин, вас бы тут не было. Выбирать нужно было срочно, но ведь не этого же балбеса Шутника. Поэтому выбрали вас. А подробности... Поверьте, это совершенно вам не интересно – все наши внутренние склоки и интриги. Давайте так: вы сделаете то, о чем мы вас попросим, а потом вы будете свободны поступать как вам захочется.

Сейчас он совершенно не обращал внимания на преданно смотревшего на него раввина. Считая разговор законченным или, по крайней мере, желая его закончить, Мазель уже развернулся и пошел между трансформаторами, но тут же остановился и добавил:

– И вот еще что. Дайте-ка мне сюда эту зажигалку. Она ведь с вами, не так ли? Или вы ее потеряли?

Зачем он дал мне возможность отговориться и оставить зажигалку у себя? Ведь я сам еще не так давно хотел отделаться от этой вещицы и уйти. А сейчас мне не захотелось отдавать ее этому человеку. Не знаю почему. Может я собирался вернуть ее Джулии? Если она закатила истерику, увидев у меня зажигалку, значит тут что-то важное. А я совсем не

уверен, что Мазель – именно тот человек, к которому должна попасть зажигалка. Откуда я знаю, что связывает его, Джулию и Гарри? В общем, я замотал головой и что-то пробормотал. Но тут очнулся от удивления раввин, кинулся ко мне, по-обезьяньи ловко вытащил из моего кармана зажигалку, заискивающе глядя на Мазеля, сунул ему в руки, улыбнулся и мне, и Мазелю и очень быстро побежал. Мы оба подняли глаза на загрохотавший у нас над головой металлический потолок. Три прыжка, три удара – и раввин исчез. Куда на этот раз направит его Великий Бизон?

Я думал, что уже разучился смущаться, тем более в моем нынешнем положении. Но нет. Меня чувствительно кольнуло разоблачение этого мелкого вранья. Мазель, казалось, совсем не удивился и не смотрел на меня с осуждением. И даже не поинтересовался зажигалкой; так, взглянул и положил в карман. Потом пожал плечами, показывая, что не придает значения таким мелочам и вообще пришел не за этим.

– Ну что ж, пойдете, – мы двинулись к выходу, прошли наверх и когда оказались в широком коридоре с дверями, очень похожем на тот, которым меня когда-то вела Джулия, Мазель взял меня под руку, чего я совсем уж от него не ожидал. И даже почувствовал себя немного польщенным.

– А не расскажете ли вы мне, где и когда вы нашли эту безделушку, ну, зажигалку?

Я чувствовал себя немного обязанным этому неприятному, но безукоризненно любезному человеку. И не видел теперь никаких причин что-либо скрывать, раз уж все так получилось. Я, как мог обстоятельно, рассказал, что Джулия привела меня пить кофе, потом дала пачку сигарет и ушла, а я нашел зажигалку у бачка с кофе; и как потом, попав через квартиру Берты на лестницу, пытался ее подбросить под дверь, чтобы не получилось, что я ее украл, да вот раввин...

– На раввина вы внимания не обращайтесь. И старайтесь не попадаться на его трюки. Это – особая история. Может быть потом, когда будет время... А сейчас я бы хотел сосредоточиться на том, что вам предстоит сделать в ближайшем будущем. И, надеюсь, больше никаких перевернутых гробов на вашей совести не окажется.

Я сбился с шага. Вот так! А я-то надеялся, что эта история прошла незамеченной. Мазель сказал об этом в своем стиле – никак не показывая своего отношения – но ведь упомянул! Я сдержанно кивнул, но чувствовал себя как пойманный мужем любовник. Противное ощущение зависимости от Мазеля усилилось, а гордость, примостившись где-то у уха, нашептывала, что я просто валяю дурака, что никакая это не зависимость; вернее, нравится мне сейчас думать, что она есть, вот и забавляюсь, но если мне это перестанет нравиться, то уж тогда...

Я ожидал, что сейчас мы войдем в очередной зал и, в общем-то, был готов, следуя каким-то непонятным мне указаниям, сделать что-то бессмысленное, но, видимо, важное для этих людей. И тогда начнется очередной круг моих странствий по Дому и его реальностям. Но, вместо этого, мы с Мазелем вошли в небольшой кабинет, почему-то совершенно круглый, с круглым же столом посередине. Мазель сел и аккуратно положил ладонь на ладонь.

Что-то почти забытое дернулось во мне, как неожиданно проснувшаяся на кухонном столе рыба. Передо мной сидел Начальник, Босс, Хозяин. Да к черту, подумал я, денег он мне не платит и в рабство меня еще не продали, так что же это я?.. Я сел, откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу.

– Прежде всего, Алекс, я вам гарантирую, что все происходящее здесь, в Доме никогда не выносится за его порог. Это может показаться нелепым, но вам придется сразу же, не выходя из кабинета, надеть маску. Иными словами: ваша – скажем так – миссия будет строго конфиденциальной. Только члены Совета осведомлены о вашем участии в... в предстоящем. И вообще – о том, что вы находитесь в Доме, знает всего несколько человек, но куда вы

исчезли после того, как вас утащил раввин, не известно никому, даже Джулии. Так что все складывается удачно. Теперь я объясню, куда и зачем вас выбирали. Дело тут довольно тонкое. В Доме, с некоторых пор, существует что-то вроде комиссии или совета, и в случаях, когда нужно принимать важные решения, ответственность делится поровну. Мы дали вам возможность погулять по Дому, немного с ним познакомиться, так что вы представляете себе – более или менее – где находитесь. Давно, в самом начале, некий Сэм – человек, который создал этот Дом – не смог... Ну, в общем, ему не хватило воображения, да и денег развивать и поддерживать всю идею. По некоторым причинам, нам... в данном случае мне, очень важно, чтобы этот Дом продолжал реально существовать. Вы не психолог и не психиатр, поэтому мне трудно объяснить вам некоторые нюансы, но если все предельно упростить, то можно сказать, что наши реальности существуют всерьез, только если под ними есть фундамент. Это ведь мало – обнаружить себя, скажем, в пещере, у костра, чтобы зажечь той, первобытной жизнью. Реальность, она на то и реальность. Нужно еще, чтобы в ночи у пещеры рычали дикие звери, и чтобы ты знал, что это не звук из динамиков, а настоящие хищники. А там, даже если ты там консервами питаешься, это уже не так важно. Но хоть одна точка, где все настоящее и всерьез, должна быть обязательно. Иначе, увы, каких ни строй домов, каких фантазий себе ни внушай, игра получается только поверхностной. Хотя, конечно, надо отдать должное Сэму: вот так отгородиться от внешнего мира – идея интересная. Но, без фундамента, как я уже говорил, в лучшем случае можно, намеренно или нет, свести человека с ума – вот как раввина – но и только. Поэтому Сэм и зашел в тупик. К счастью, в Доме появились мы.

Я смотрел на Мазеля и думал, что все тут не так просто. Он меня явно к чему-то готовит, психиатр. И, кстати, про Сэма он упомянул в прошедшем времени. Интересно. Шутник, мне помнится, говорил о нем же в настоящем. Впрочем, для меня никакой разницы нет. Ну сменил Мазель Сэма – и что? Может для постоянных обитателей это и важно. Я и внимание-то обратил на эту несогласовку времен только потому, что Мазель говорил о Сэме с каким-то скрытым значением, что-то подчеркивал, словно подозревал, что я с Сэмом знаком и, более того, могу передать ему наш разговор, а отношений с Сэмом Мазелю портить не хочется. Так мне показалось в тот момент.

– У вас есть какие-нибудь вопросы? – Мазель улыбнулся, давая понять, что спрашивает скорее из вежливости. Я начал догадываться, почему при первой встрече – тогда, у Шутника – Мазель показался мне таким опасным. Этот человек любезен и даже мил только пока все идет так, как хочет он, в противном же случае стальная начинка сразу начинает проглядывать сквозь его плюшевую корректность. И как-то сразу становится очевидно, что он не играет в «крутого», да он и не крутой, хуже: он – Тот, у Которого Власть. Хотя воспользоваться его любезностью я, кажется, могу.

– А скажите, – начал я и почувствовал, как слегка просел предатель-голос, – почему такая... такой ажиотаж с этой зажигалкой? У Джулии, по-моему, истерика началась, когда она ее у меня увидела.

Я произнес имя Джулии и тут же пожалел об этом. Кажется я немного ее предал. Мазель устало и досадливо покачал головой: ему не хотелось отвлекаться, но, тем не менее, он объяснил, что эта зажигалка... (Безвкусная вещица, не правда ли? – Он, через стол, запустил ее ко мне. – Можете оставить ее у себя.) Так вот: Сэм, о котором он уже упоминал, почему-то никогда с ней не расставался, а потом... Потом Сэм исчез. Скорее всего, ушел из Дома. Это он, Мазель, так думает. Ну, а остальные, которые видели в Сэме основу Дома, решили, что... В общем, его стали искать, но народ тут такой, что объективную информацию получить практически невозможно. Ну и, конечно, когда у меня в руках увидели эту самую зажигалку, то решили, что я как-то причастен к пропаже Сэма...

Вот ведь как занятно получается, что я и зажигалку нашел (а сам Мазель не сомневается, что Сэм просто оставил ее уходя, он любил такие эффекты), и сейчас очень помогу Дому в трудный момент. То есть как бы замену на время Сэма. Впрочем, дело настолько серьезное, что Мазель готов при необходимости заплатить.

Он постучал пальцами по столу и выдержал паузу, давая мне возможность согласиться или отвергнуть столь меркантильное предложение. Но я промолчал. Значит, эта их комиссия выбирала меня как временную замену Сэма. Но почему же именно меня? Я уже хотел было спросить об этом Мазеля, но пауза закончилась и время, отведенное на вопросы, истекло.

– Теперь перейдем к самому главному. К тому, что вам предстоит сделать.

Может показаться, что я бесстрастно внимал тому, что говорил Мазель. На самом же деле, каким бы светским и чарующим тоном он не вешал, я чувствовал, что ко мне пододвигается жесткая и неприятная, как понедельничное утро, реальность. Хотя бы потому, что он так долго и округло распространяется об очевидных и не очень ему самому важных вещах. О ДOME, о неприятностях, которые доставляют ему жители подвала во главе с Шутником. И это после его слов о переходе к главному. Я было подумал, что у Мазеля не хватает духу в лоб предложить мне что-то такое... Что-то ужасное? Но потом, перехватив его взгляд, догадался, что он намеренно играет со мной, специально для того, чтобы я перебрал в уме все мыслимые кошмары и почувствовал бы облегчение, услышав, что же все-таки он от меня хочет. Я уже начал терять терпение и раздражаться – не люблю, когда меня считают идиотом.

– ...Ну вот, а раввин – это случайность, поверьте мне. Он довольно давно здесь околачивается, и я уж хотел было его гнать, но потом решил, что он принес в Дом что-то свое... Особенно теперь, с этим своим луком и стрелами, да и с Великим Бизоном... Я не случайно вспомнил о нем. Помните, он ведь вполне всерьез стрелял в меня тогда, в подвале. И в Гарри он тоже мог попасть, вы же видели. Но это как раз и добавляет еще один камешек в фундамент наших реальностей. Конечно, можно было завести крокодилов или пантер... И даже кое-что в этом направлении сделано. Но не вздрагивайте: я быстро сообразил, что по нашей неопытности это зверье всех бы просто съело. Или пришлось бы его перестрелять. Поэтому купленные нами две пантеры, крокодил и пара питонов содержатся в зоопарке. Пока. Но я надеюсь, что не возникнет необходимости выпускать их в ДOME. И, отчасти, благодаря вашей помощи.

Он приостановился, посмотрел на меня, решил, что я созрел для лобовой атаки и легко и просто объяснил, что от меня требуется. Ослышаться или неправильно понять его я не мог. Мне предлагалось стать палачом. Настоящим. В самом прямом смысле слова. Фокус тут в том, что хрупкие реальности Дома стали ускользать и рушиться; остались лишь бессмысленные игры для психов и пошлые сексуальные утехы, как у Шутника. Скорее всего именно поэтому Сэм и покинул нас. Мазель же не хочет, да и не может позволить развалиться этому чудесному Дому. И их советом, или как их там, было принято решение устроить смертную казнь. Вернее, сначала были похороны, и затея удалась великолепно, вываленный из гроба покойник даже усилил необходимое впечатление, спасибо. Но... Траурная панихида по умершему своей смертью вызывает не те ощущения и переживания. Оставшиеся, в основном, радуются, что сами живы. Никакой опасности, никакого напряжения воли, так – шекочущий нервы декор. Казнь – дело совсем другое. Это – Живая Смерть. О, об этом можно очень много говорить!

Мазель чуть закатил глаза и убрал руки со стола. Чувствовалось, что он возбужден, хотя не хочет этого показать. Но это не было нездоровым возбуждением садиста. Мне показалось, что он, скорее, представляет себя на месте осужденного, и что за всем этим есть еще что-то, о чем мне, непосвященному, не узнать никогда.

Конечно, продолжал Мазель, можно бы было выбрать на эту роль кого-нибудь из своих, но... Тут масса нюансов. Во-первых, палачу не удастся остаться анонимным: здесь все, так или иначе, знают друг друга. И потом палач – фигура мистическая, незнакомец тут подходит идеально. В этом члены Совета единодушны.

Я остолбенел. Видя мое состояние, Мазель впервые откровенно выказал нервозность – вскочил из-за стола и заходил по кругу.

– Вас наверняка волнует несколько моментов. Первый – это, конечно, будет ли казнь настоящей. Увы, я не могу ответить вам на этот вопрос. Поведение палача во время экзекуции, его... эмоции – вам не сыграть этого, да и никому не сыграть. Но если вам будет легче считать, что казнь – такая же декорация, как многое в этом доме – пожалуста, думайте так. Согласитесь, я ведь мог просто сказать, что казнь – фикция. И вы бы сделали это играючи. Но я не хочу подтасовок. Вы ведь и про похороны думали, что... В общем, как видите – я с вами откровенен настолько, насколько это возможно. И еще одно, может быть вам это поможет, – человек, которого... В общем, осужденный – подумайте над этим! – сам вызвался на эту роль. Сам. И у него, поверьте, есть для этого основания.

– А что если я откажусь?

Выговорить это было нелегко: я просто по-детски боялся этого человека. Который, похоже, действительно не представлял себе, что я могу воспротивиться его воле. Он остановился, повернулся ко мне и вдруг расхохотался. Мне стало еще страшнее.

– Знаете, эта нимфоманка, Джулия, говорила мне, что, судя по тому, как вы выбирались из Дома, и вообще по вашей реакции, вы – распространенный тип труса-авантюриста. Это когда и хочется, и колется. Вот сейчас вы ведь про отказ просто так сказали. Вам же хочется в этом поучаствовать, а? Не поверю, что нет. Представьте: однажды в жизни испытать, что это такое – убить человека. И при этом почти анонимно. Никто, кроме Совета, не узнает, что палач – это вы, ручаюсь! Только если вы сами почему-либо не захотите открыть лицо. Такое тоже может быть, уверен. Но главное – вы избавлены от моральной ответственности. Какой бы то ни было. У вас просто нет выбора. Поверьте мне.

Последнего он мог бы и не говорить – тут я сразу ему поверил. Не знаю, намеревался ли он напугать меня, но как-то неожиданно стало легче. Противное, но волнующее предвкушение отодвинуло во мне все остальные беспомощно барахтающиеся ощущения. Я понял, что Мазель прав: вот сейчас-то и начинается настоящее приключение. Самая нереальная реальность. В то же время, краешком сознания, я понимал, что меня «сделали», «обработали», что Мазель знал, куда нажимать. Но в этом была подлая приятность.

Мазель легко почувствовал мое состояние – вскинул руку, показывая, что говорить ничего не надо, а надо сидеть молча. Я что – зомби? – отстраненно подумал я. – Может быть... Наверное, это приблизительно так и происходит с зомби: сначала – сопротивление чужой воле, потом перелом, а после – полное почти чувственного удовольствия подчинение.

Вышел ли Мазель из кабинета или нет, я не заметил. Показалось только, что за моей спиной кто-то стоит, но обернуться не успел: мне закрыли лицо и на затылок надавил жесткий ремешок. Маска была носатой и, кажется, улыбающейся. Прорези для глаз были небольшими – видимость сузилась. Я ожидал, что сейчас из-за спины покажется Мазель. Но, то ли боясь испортить уже сделанное, то ли именно потому, что все уже сделано, и его участие больше не требуется, Мазель исчез. Я повернул голову, непривычно двигая глазами, и обнаружил стоящую за спиной женщину. На секунду мне показалось, что это Джулия. Но нет. Высокая и очень бледная, она была мало похожа на Джулию. Длинные черные волосы, огромные черные глаза... Я вздрогнул. Там, в подвале, лежа на стекле... Только сейчас на ней был просторный балахон. И все равно воспоминание о каплях крови на этом теле... И ее лицо... Куда уж тут простушке Джулии!

Похоже, она поняла, что я узнал ее. Чуть дрогнули уголки трагических губ. Она шагнула ко мне и плавно стянула с моих плеч халат. Под его тяжестью упали и еле державшиеся штаны. Сознание слегка запаздывало, я еще ничего не успел понять, а она уже достала что-то белое и ловко накинула на меня через голову. Я попал вялыми руками в рукава и сообразил, что это такой же балахон. Я еще успел подумать, что зацепись материя за маску, потребовались бы какие-то суетливые движения и одергивания, а это разбило бы напрочь фантастическое марево, в котором я сейчас плыл. Но, к счастью, ничего такого не произошло. Или я просто не заметил. Я переступил через валявшуюся на полу одежду и пошел за женщиной.

Мы снова оказались в том самом коридоре с офисными дверями и табличками, но я уже не чувствовал себя здесь неуютно. Наоборот – маска и балахон в сочетании с бюрократически-строгим интерьером – как во сне, непрочно, но убедительно – сливались в ритуал, в предвкушение, в сладкий кошмар.

Наконец женщина остановилась, медленно распахнула двухстворчатую дверь и выжидающе посмотрела на меня. Было еще что-то в ее взгляде. Предостережение? Просьба? Но слишком поддавало снизу вверх сердце, слишком давила лицо маска. И нетерпение... Ах, какая же я сволочь!

Я прошел мимо и почувствовал, что она, шагнув следом, закрывает двери. Почему я отвлекся на этот легкий клацающий звук? От страха или чтобы продлить удовольствие перед тем, как взглянуть вперед?

Прямо от входа начинался длинный узкий помост. Обычно на таких помостах, покачивая бедрами, прохаживаются манекенщицы. Но не сейчас. Сейчас по нему медленно, чувствуя на себе внимание множества притаившихся в темноте людей, шел ужасный человек. Шел Палач. Был ли это я? Не знаю. Но главное было впереди.

В конце помоста, ярко освещенное прожекторами, стояло сооружение... Не могу описать его – я видел только лишь высоко поднятое кровожадное лезвие, покрытое темной краской, остро отточенная кромка грозно блестела. Сбоку появилась еще одна фигура в белом. Это Он, – подумал я... или Палач. Внутри предательски заныло. Но это был не осужденный. Когда я подошел ближе, то увидел, что все унижительные и страшные приготовления уже закончены – прямо под висящим ножом гильотины, в деревянной двойной колодке, открывающей узкую щель шеи, лежал человек, завернутый в черное.

Стоящий, в маске и таком же как у меня белом балахоне, приблизился и указал мне пальцем на рычаг, пускающий в действие нож. Я подошел еще ближе и физически ощутил, как напряглась тишина в зале. Это так просто – дернуть за рычаг и... За мной послышался шепот:

– Как только погаснет свет. Только когда погаснет свет, не раньше.

Неожиданно я почувствовал легкое разочарование. Самое страшное, самое влекущее действие должно совершиться в темноте. Почему? Значит ли это, что казнь все-таки не настоящая? В общем-то, Мазель и не отрицал такой возможности. В этот момент смертник в черном пошевелился. Он живой, значит... Вдруг я осознал, что мне просто необходимо посмотреть ему в лицо. Не знаю зачем. Может быть Палач хотел насладиться видом другого участника. Соучастника? А, может быть, по его глазам понять, действительно ли мы... Или только играем. С залом, сами с собой, друг с другом.

Я обошел гильотину и наклонился к лежащему. С этой стороны массивные деревянные балки станины были предусмотрительно обиты жостью. Ну да – кровь... Палач застыл над жертвой, а мое собственное «я» заметалось в ужасе от всех этих деталей. Я знал, что еще немного, и оно оторвется от Палача, но боялся, что Палач, почувствовав это, успеет дернуть проклятый рычаг.

Послышалось что-то вроде стоны – это обреченный, увидев меня, пытался что-то сказать. Маска не позволяла мне разглядеть его, и я наклонился еще ниже. На меня, вывернув голову и скосив глаза, смотрел Гарри.

Дальше я видел все вокруг меня в каких-то размытых застывших фрагментах движения. Я разогнулся, рука потянулась к рычагу. Чья рука? Наверное моя. Потом – женский крик, еще более жуткий, чем все остальное. Маска давила еще сильнее, не давая дышать.

И тут погас свет. Наконец-то погас. И я понял, что не могу сделать то, для чего меня сюда привели. И с радостью осознал, что не сделаю это. И долго еще буду содрогаться от того, что подошел совсем близко... А, может быть, жалеть, что не смог, не переступил. Какая гнусная ловушка была мне подстроена! Как тяжело и нечем дышать в этой проклятой маске! А крик, женский крик, оказывается, уже прекратился и стало еще тише, и эта невидимая сжавшаяся в комок толпа...

Я уже начал падать, чувствуя, что делаю это в несколько отдельных приемов, и руки мои, подчиненные тому же ритму, белели то передо мной, то где-то сбоку. И тогда – я слышал это отчетливо! – скрипнул опущенный кем-то рычаг, прошелестело мчащееся вниз тяжелое лезвие и смачно чавкнуло, приземляясь между колодок.

Когда вспыхнул свет – сразу же или спустя долгое время – я не знаю. Я стоял на четвереньках спиной к гильотине. Потом я неуверенно поднялся на ноги и почувствовал, что толпа подалась от помоста. Значит ли это, что самым страшным во всем этом зрелище был я? Прекрасно! Эта пугливая, подлая, как и я, толпа боится меня. Ну так получите, гады!

Я рванул обеими руками душашую меня маску. Смотрите сюда! Да, это я! Хотите меня запомнить? Запоминайте! Тут я почувствовал, что этого недостаточно. Какой-то вывернутый, выкрученный спиралью голос твердил, что только унизив сейчас себя, я унижу и этих, смотрящих на меня из темноты. Но что я могу? Ах, да! Я ухватился за ворот балахона и рванул. Тонкая ткань разлезлась у меня под руками. Все! Теперь я – совершенно голый – стоял на помосте, как помоями облитый светом прожекторов. Вот он я какой, сволочи! Дергая руками и ногами, я исполнял судорожный танец – танец унижения, отвращения и скорби. Но еще это был танец освобождения и восторга, выхода в совершенно невозможную реальность, когда только и остается, что вытянуть шею, запрокинуть голову и, увидев в небе луну, неожиданно согласиться, что она черная... Только вот повернуться лицом к гильотине я не мог. И, подумав о ней, понял, что уже вообще больше ничего не могу.

Как был, голый, я рванул по помосту к далекой, очень далекой двери. Ну наконец-то! Еще один рывок в коридор... И сразу же увидел скорбную физиономию Мазеля. А за его спиной неумолимо, как расплата, стояли двое полицейских.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Не было никаких мыслей. На мгновение почудилось, что и меня самого тоже нет. А потом стали возвращаться какие-то ощущения... Показалось, что я по-прежнему лежу, приклеенный к крыше, и задыхаюсь от ужаса и желания криком развеять густой кошмар. А еще – чувство подлого страха. Потому подлого, что внушенного не случившимся (случившимся ли?), а появлением полицейских. Настоящая ли это полиция или только лишь мазелевские ряженые -не знаю. Но только я бросился бежать от них и чувствовал, что чем быстрее бегу, тем меньше остается на мне налипшей, как битум, невообразимой кровавой реальности.

Каким-то чудом я попал в ту самую комнату, с которой и началось мое путешествие по Дому. Здесь ничего не изменилось. Все так же горела лампа в углу, все тот же застоявшийся сигарный запах. Самое удивительное, что я знал – я не схожу с ума. Скорее наоборот: ко мне возвращался рассудок. Какого черта я кинулся раздеваться там, на помосте?! Ай да я! Моя незащищенная нагота волновала меня больше всего. Ну куда я теперь пойду? Хотя здесь рядом ванная, а в ней, наверное, все еще лежит моя грязная одежда. Плевать, сойдет и грязная. А что потом? Не знаю. Выбраться из дома? Но как? Вероятнее всего, что ловить меня будут на выходе. К счастью, в этом Доме есть где спрятаться. Почему-то я был уверен, что лучше всего сначала пробраться в подвал, к Шутнику. Не должен он меня выдать. Но сначала все-таки одежда. Даже если мои тряпки Джулия успела выбросить, то какие-нибудь халаты или полотенца здесь должны быть!

В ванной было темно, и я никак не мог найти выключатель. А на двери висело только одно полотенце. Я снял его с крючка. Это была целая махровая простыня. Представив себе, как, замотавшись в нее, стараюсь проникнуть в подвал, я рассмеялся. Надо искать что-то другое. Может все-таки мои джинсы еще валяются где-то здесь на полу. На ощупь я обошел всю комнатку и наткнулся на ванну. Моя ищущая рука окунулась в воду, приятно теплую воду. Естественно, как будто именно за этим и пришел, я залез в эту воду и растянулся во всю длину. Мыльной пены на сей раз не было, но все равно мне показалось, что вот-вот войдет Джулия, принесет сигару и... Все начнется сначала? Вода ли, темнота ли и тишина, но ощущение отмотанного назад времени было фантастически очевидным. И я легко поверил, что мы снова встретимся с Гарри, и что теперь я... А что я мог сделать иначе? Не убежать от Джулии к Берте? Не подсаживаться к костерку Шутника?

Теплая, восхитительная вода... Сейчас я спокойно уйду отсюда, вот только появится Джулия со своей сигарой. Вот сейчас...

Я и не пошевелился, когда сквозь прищуренные веки разглядел, как в дверях появилась женская тень и медленно приблизилась ко мне. Сигары не было, но это не смутило меня. Не может же все повториться буквально. У скачущего времени свои законы. Джулия, вероятно, лучше меня видела в темноте. Она чуть склонилась над ванной. Если я ничего не путаю, сейчас мне следует подняться во весь рост. Но вот только проклятая вода так разморила, что двигаться совсем не хочется.

Мне показалось, что Джулия все-таки не разглядела меня и решила, что перед ней пустая ванна. Потому что, помедлив, она шагнула в воду. Время резко крутанулось вперед, и я уже почти слышал, как она истерически кричит от испуга. Но Джулия не закричала. Широкая ванна вполне позволяла ей стоять не наступая на меня, и ее ноги касались моих бедер. Она молчала в темноте, сжимая меня лодыжками как-то очень уж сильно. Сбрасывая

дремоту, я просто, как будто видел, ощутил, что она раздета. Но почему-то я одеревенел и ничего эротического не почувствовал. Жесткая хватка и молчание – это совсем не похоже на Джулию. И сразу мне перестало казаться, что время вернулось назад. Потому что это была не Джулия.

Женщина наклонилась ко мне, и чуть привыкший к полутьме, я увидел рассыпавшиеся по плечам густые волосы. Боюсь, что я знаю, кто это. Когда она присела на корточки, сомнений у меня не осталось. Она протянула руку, и я почувствовал неожиданный укол стыда – как мужчина я вряд ли мог сейчас собой гордиться. И тут же вцепился в ее запястье: мне было больно. Только тепло ее тела говорило о том, что это не ожившая статуя: рука была такой сильной, что оторвать ее от себя я не мог. А она все сжимала и сжимала стальные пальцы. Ванна была широкой, но не настолько, чтобы хоть как-то ускользнуть от этой руки или хотя бы оттолкнуться ногой. А сквозь боль прорывался смех – меня сейчас кастрирует очаровательная женщина, а я лежу в ванне и ничего невозможно с этим поделать! Но становилось все больнее. Я дернулся, хлебнул воды и закашлялся. Глупее всего было то, что совершенно не понимал, чего хочет эта сумасшедшая. Действительно мне все оторвать? Или это садистская техника получения удовольствия? Но, как бы там ни было, боль становится непереносимой, и вот-вот я постыдно и визгливо закричу.

Тут женщина ослабила хватку, и я неожиданно погрузился в легчайшее ощущение свободы. Мышцы ног и живота ослабли, вся нижняя часть тела оказалась где-то высоко, выше головы, запарила. Жесткая, холодная рука стала теплой, почти ласковой. С ужасом, удивлением, удовольствием я почувствовал, что... Но она снова сжала меня сильно, очень сильно, почти невыносимо. Я сейчас умру! Вода сделалась ледяной, по ногам прошла судорога. Я сейчас умру.

Вдруг зажегся свет. Фурия, вцепившаяся в меня, дернулась, закрыла лицо руками, как будто свет обжег ее, и кинулась из ванны. Но в панике, зацепившись ногой за бортик, она неловко, боком упала на кафельный пол, заскользила, забилась и, вскочив на ноги, вылетела в дверь.

Когда надо мной склонился человек, я лежал бездумно, наблюдая, как колыхнется, успокаиваясь, вода. Я узнал этого человека. Тот самый толстячок, который рассказывал мне про нижние запахи в яме посреди лабиринта. А за ним виднелось озабоченное лицо Гарри. И еще какие-то лица. Кажется вся ванная комната набита народом. Потом откуда-то из-за бортика вынырнуло еще одно знакомое бородатое лицо в кривых очках. Раввин помотал головой, стыдливо уставился взглядом в стену и сказал:

– Говорил я тебе, что будет страшно. Говорил, чтоб ты не связывался с глухой. Ну вот и все, кончились твои реальности. Хорошо еще Сэм успел вовремя.

Он поднял голову на толстячка, на что-то показал ему своими огромными глазами и снова обернулся ко мне.

– Ну все, теперь иди домой. Нечего тебе здесь больше делать.

Свет исчез. Стало совсем холодно. Я начал подниматься в ванне, не заботясь о том, что вода льется на пол. Вероятно, я задремал, вода остыла – вот мне и привиделись всякие ужасы. Занемевшее холодное тело подсказало мозгу полусон с невыносимой яркостью ощущений. Кажется, у меня и действительно все болит. Я поставил ногу на бортик, и мне вдруг показалось, что он слишком скользкий. То есть в ванне была не просто вода, но и мыльная пена. Простенький такой факт. Когда я прибежал сюда голый, то не заметил ее. Пена, если оставить ее надолго, просто растворяется. Кажется, теперь я понимаю... Оставалось только решить, в какой момент я заснул здесь. Конечно, приятнее всего предположить, что тогда и заснул, придя с крыши. Но такими длинными и подробными сны не бывают. Или бывают? А

если так, то сейчас и действительно должна прийти Джулия с сигарой, потом я надену в халат и...

На пороге появилась женская фигура. Она прислонилась к косяку, и я увидел, что это Джулия, в шортах и майке, как... как тогда, на крыше. В ноздри опять полз сигарный запах. Джулия подняла руку, и я увидел толстую точку заженной сигары. Но не стал задумываться, как там было в первый раз. Я просто переступил через бортик ванны.

– Пойдем, нас уже ждут, – мне показалось, что ее голос звучит разочарованно и устало, – только оденься, пожалуйста. Я тут принесла.

Она подтолкнула ногой незамеченную мной кучку одежды на полу. Не очень-то вежливо. Когда я шагнул к ней, Джулия отступила на шаг в коридор. Не желала видеть меня голым? Нет, она не отвела глаза. Во взгляде я увидел то же, что услышал в голосе – усталость.

На полу я нешел джинсы и майку. Все это плохо надевалось на мокрое тело, но я с наслаждением натянул на себя и то, и другое. И, застегнув молнию на джинсах, почувствовал себя значительно увереннее. Дурной сон заканчивался, вот теперь мы поборемся. Великая все-таки сила – одежда.

Джулия еще несколько секунд смотрела на меня, потом прикусила сигару и махнула рукой. Ощущение повторяющихся событий снова вернулось ко мне. Ничего не спрашивая, я был готов снова идти за Джулией. Может быть, несмело подумал я, все и действительно вернется к началу, и Джулия приведет меня к Гарри. И это будет означать, что ничего, на самом-то деле, не случилось. Только не будет в этой истории Мазеля и его затей. И вообще ничего не будет. Когда живой и невредимый Гарри предложит мне остаться, я тихо и вежливо откажусь принимать участие в их играх. Сейчас у меня есть все преимущества человека, побывавшего в будущем. И, значит, у меня есть шанс не выть на черную, невыносимую луну.

География этого Дома совершенно не укладывалась у меня в голове. Пройдя несколько поворотов по знакомому мне коридору, Джулия толкнула дверь и равнодушно пропустила меня вперед. Я стоял на лестничной площадке, рядом с лифтом. Это что же, меня отпускают домой? Но Джулия слегка улыбнулась и пошла вверх по лестнице. Ничего не понимаю. Наш маршрут изменился с прошлого раза. Уж не на крышу ли мы идем? Я представил, как меня снова укладывают в горячий битум. Неприятное ощущение, но что если это плата, необходимая мера, забор, отгораживающий меня от случившегося в первый раз?

На площадке между этажами Джулия остановилась и посмотрела на меня. Я все еще стоял внизу. Она улыбнулась шире, превращаясь в прежнюю Джулию, и снова махнула рукой.

– Пойдем, пойдем. Теперь-то чего уж... Говорю же – ждут тебя там. Не бойся.

– А я и не боюсь.

В ответ на мое мальчишеское замечание она покачала головой и показала на свое ухо. Я поднялся к ней на площадку и увидел, что никакого приборчика на этот раз у Джулии нет. Неужели она и в самом деле глухая?

И снова я шел за ней неведомо куда и непонятно зачем. И вдруг весь этот Дом представился мне нескончаемым аттракционом, по которому я ношусь безостановочно, словно где-то сломался выключатель. И вот уже подступает к горлу от череды этих предсказуемых неожиданностей. И вообще, чего они от меня хотят? А чего хочу я?

Мы поднялись на следующий этаж и Джулия, бросив сигару прямо на плитки пола, достала ключи и открыла одну из двух дверей. В небольшой прихожей на вешалке кучей висели зимние пальто и куртки. Джулия провела меня в комнату – маленькую уютную спальню с небольшой низкой кроватью и множеством горшков с искусственными растениями, развешанных под потолком. В спальне никого не было. Джулия подошла к

кровати, помедлила и оглянулась на меня. На секунду у меня неуместно заработало сознание. Но нет, конечно же, нет. Джулия еще помедлила, несколько раз постучала голой пяткой в ковер на полу. Потом пожала плечами и постучала еще раз.

Я вздрогнул, когда из-под кровати высунулась сначала рука, а потом и голова. Впрочем, человека я узнал сразу же. Это был тот самый любитель нижних запахов, только что являвшийся мне во сне. Он повертел головой, улыбнулся Джулии и махнул рукой.

– Лезьте сюда, оба. И побыстрее, пожалуста. Ногами вперед.

Голова скрылась, а я слегка оторопел. Что мы там, под кроватью будем делать втроем? Даже если поместимся. Но Джулия, нетерпеливо оглянувшись на дверь, схватила меня за руку. Я лег на пол и, только наполовину протиснувшись в узкую щель, понял, что кровать скрывает под собой люк. Ноги неожиданно потеряли опору и я, изрядно стукнувшись подбородком, провалился в этот самый люк. И еще не поняв, где это я, почувствовал, как на голову мне съезжает Джулия. Прежде чем мы оба совершенно по-дурацки свалились, я узнал эту комнату. Мы были в той самой старухиной спальне, куда я впервые попал, перемахнув через фальшивый балкон. Люк располагался прямо над ее большой кроватью, куда мы с Джулией и упали.

– Кажется, так и не получилось представиться вам, – сказал любитель запахов поглядев, как мы барахтаемся. – Я – Сэм. И сразу же хочу принести извинения за мою помощницу. Увидев у вас в руках мою зажигалку, Джулия решила, что вы имеете отношение к моему исчезновению. Иными словами, что вас ей подсунул мистер Мазель.

Я сел и посмотрел на Джулию, стоявшую сейчас за плечом Сэма. Значит она – его помощница. А сам он куда не исчезал. Вернее, прячется от Мазеля в самом Доме. Ну а при чем тут я? Сэм переступил с ноги на ногу и предложил пройти в гостиную. Там мы с Сэмом уселись в знакомые кресла, а Джулия расположилась на полу рядом. Джимми и Билли висели все там же, Берта так и не поменяла порванную мной картинку. Только самой старухи нигде не было видно. Интересно, Берта тоже помощница Сэма? Я вспомнил, что она мне рассказывала о нем. Только вот она утверждала, что он умер лет десять назад. Сэм посмотрел на меня с беспокойством, угадывая, видимо, мое замешательство.

– Бедная Берта, когда-то я нанял ее на роль моей жены. Да, она актриса, вернее была ею: возраст, знаете ли. Понемногу жизнь в Доме совсем свела ее с ума. Но она славная, поверьте. Играла вдову миллионера, ну и вела себя соответственно. А потом попала в руки к Мазелю и компании. Вы, наверное, слышали про похороны? Так вот Берта должна была играть покойницу... Только у Мазеля появился настоящий покойник. И все равно в последнюю минуту все сорвалось. Так же, как и с казнью, впрочем.

– Вы что, хотите сказать, что Гарри жив? И ничего на самом-то деле не происходило, никакой казни?

Сэм потупился. Потом повернул голову к Джулии и кинул ей. Она легко встала и снова ушла в спальню.

– Вот тут-то и начинаются сложности, Алекс. Про Гарри нам ничего толком не известно. Я думаю, что и сам Мазель не был до конца уверен в том, что казнь настоящая. А может, наоборот, знал что делал, а всем внушал, что это игра. Только все сорвалось у них не потому, что вы... ну, не поучаствовали в казни должным образом. Просто эффект получился совершенно неожиданный.

Он не договорил, потому что из спальни появилась Джулия с чемоданчиком, а за ней шел, одетый как ему и положено, раввин. В руке у него был стаканчик с кофе, и нетрудно было догадаться, где он этот кофе взял. Сэм встал, как бы приветствуя раввина, но не сел обратно, а отошел к стене с Джимми и Билли. Зато раввин уверенно и спокойно уселся на освободившееся место, покосился на меня и безмятежно занялся кофе.

– Вы, конечно же, знакомы, – произнес Сэм, а раввин, не отрываясь от кофе, кивнул. – Так вот, дорогие мои, дело подходит к концу. Все происходит так, как и должно. Хотя и не совсем так, как я предполагал.

Он взволнованно зашагал вдоль стены, поглядывая то на нас, то на плакатики с быками-культуристами. Раввин допил кофе, потряс бумажный стаканчик над широко открытым ртом, роняя капли себе на бороду, потом скомкал стаканчик и, не зная, куда его деть, положил к себе на колени.

– Вы, Сэм, – сказал он, неловко повернув голову, – скоро останетесь один в этом сумасшедшем доме. Не знаю, как у вашего Мазеля, но у Шутника разбежались все дамы. Так он сам говорит. Если это то, чего вы добивались – радуйтесь. Но вообще-то сюда скоро поналезет куча всякого нехорошего народа: журналисты, полиция и прочие. Нужна вам эта головная боль? И учтите, я тоже уйду. В подвале у Шутника есть пара выходов в канализационные системы.

Сэм странно посмотрел на раввина, как будто не слушая его, а думая о чем-то своем. А может быть, просто не доверяя его рассудку. Мне же раввин показался совершенно нормальным, особенно сейчас, когда он принял свой прежний облик и не рассуждает о Великом Бизоне. Ментоловый холодок скользнул у меня по груди: получалось, что все эти реальности, как туман под порывом ветра, исчезнут вместе с хозяевами, а останется только заржавленный остов изначального Дома, где, возможно, совершено убийство, и я имею к этому, увы, самое непосредственное отношение. Тогда моя сумасшедшая черная луна начинает обращаться в кокарду на фуражке дотошного полицейского.

Тем временем Джулия напоминающим жестом пододвинула к Сэму чемоданчик. Он взял его, щелкнул замками, посмотрел в щель и улыбнулся.

– Не пугайте молодого человека, ребе. Ничего ужасного не будет. Я вам обещаю.

– Ну что вы мне можете обещать, Сэм? Или вы хотите, чтобы я верил вам, а не своим глазам? Даже мой Великий Бизон не предлагает верить ему на слово. А полицейские будут в доме не позже, чем через час-полтора. Как только народ очухается настолько, чтобы сообразить, что же здесь произошло.

Раввин рассмеялся и стал протирать очки полой своего засаленного пиджака. Я посмотрел на Сэма. Ну пусть он докажет, что все это ерунда, что Дом никуда не денется, что раввин псих, наконец! Но Сэм только задумчиво улыбался, баюкая в руках свой чемодан. Джулия вообще была безучастна к происходящему.

– Все очень просто. – наконец произнес Сэм, – Алекс боится, что на него повесят убийство Гарри; вы, ребе, не хотите оказаться в сумасшедшем доме, даже Джулия и то... Куда она денется, если Дома не будет? Надо сказать, что Мазель все-таки добился желаемого эффекта. Перепугались все, не исключая его самого. А страх... Эх, ребе, что там ваш Великий Бизон говорит о страхе?

– У стрелы – нет страха, у тетивы – нет страха, у руки – нет страха, у глаза – нет страха. Ищите его и, если найдете, убейте.

Раввин прислушался к себе и удовлетворенно кивнул головой.

– Хорошо сказано, ребе. Так вот. Я знаю, где искать этот страх, а самое главное, знаю, как его убить. Говоря попросту, как только в Доме не останется ни одного человека, Дом перестанет существовать. В буквальном смысле. То есть снаружи это будет все тот же многоэтажный дом, а вот внутри... Ничего хитрого: в этом чемодане – обычный дистанционный пульт. Нажимаешь кнопку, и все внутренние перегородки, кроме несущих, включая полы и потолки, в сильно покореженном и перемешанном виде лежат в подвале. Вот и все. Но... Тут есть большое «но». Так уж получилось, что пульт этот может сработать, только если человек, который нажимает кнопку, находится в самом Доме. Поэтому весь Дом

разделен на три секции – первые семь этажей, потом следующие шесть и, наконец, оставшиеся три. Три раза нажать на кнопку и, именно в этом порядке, все внутренности сложатся как карточный домик. Да наш Дом и есть карточный домик. Ну вот. Мы на пятнадцатом этаже. Ну и... Вы понимаете. В принципе есть вариант попробовать забраться на крышу, но уверенности в том, что крыша устоит и не обвалится вниз, у меня нет. Все это было специально задумано так, чтобы ни у кого не возникло искушения подорвать Дом из мести или по глупости. Да видите, как все обернулось...

Я посмотрел на Джулию. Она все с тем же отсутствующим видом сидела на полу. Слышала ли она хоть что-нибудь? Раввин комкал в руках свой бумажный стаканчик, но совсем не нервно, а погрузившись в себя. Возможно, беседовал со своим Великим Бизоном.

Вся эта история, ее завязка и развязка... Выводы – простые и очевидные, как разгадка любой тайны – упорно стучались в мой отвердевший лоб. Но... Какая, к черту, разница, почему и что именно происходит в Доме! Вот передо мной трое людей, и я не знаю, кто из них более сумасшедший. А может быть весь Дом заселен больными людьми? Говорил же что-то такое Сэм, еще там, в лабиринте. Или это был не он, а Мазель? И вот сейчас милый и доброжелательный Сэм объясняет, что кто-то должен стать самоубийцей и обрушить Дом, потому что... потому что вся эта история зашла слишком далеко. Я поймал себя на том, что уже и сам не чувствую себя нормальным: я ведь тоже часть Дома, и мои пляски под черной луной...

– Не верю я во все это, – раввин оторвался от комка бумаги и посмотрел на меня. Огромные глаза медленно двигались в черной раме оправы. – Даже если Сэм и вправду думает, что может все взорвать, это еще не значит, что взрывчатка существует. У них же все так намерено, что... На самом деле, как не крути, а все ерунда одна. Он говорит, что я сумасшедшего дома боюсь. А хотите, я сейчас эту кнопку нажму? Прямо сейчас? И ничего не будет. Кончились фокусы! Надо уходить. Пока Мазель нас тут не накрыл. У того еще большая каша в голове. Я в него из лука стрелял. Да все никак.

Сэм печально смотрел на раввина. Потом как кошка, почуявшая мышь, резко повернул голову в сторону двери. Я тоже прислушался. Несмотря на отделявшие нас от входной двери коридор и тамбур, отчетливо доносились голоса людей. По-моему, дверь толкали и толкали сильно. Раввин тоже услышал это и торжествующе поднял палец. Сэм сначала кинулся в коридор, но, с полдороги, метнулся ко мне и схватил за руку.

– Быстро, за мной. Джулия! Скорее!

Он почти поволок меня в спальню. Джулия шла следом. Она быстро откинула одеяло на старухиной постели, одним рывком сбросила с себя майку, под которой ничего не было и, чуть замешкавшись, стянула шорты. Сзади послышалось уханье раввина. Я еще и не понял, что происходит, а Джулия уже расстегивала мои джинсы. В ее чуточку нервной деловитости не было ничего эротического. Да и какая тут эротика! Я сообразил, что мы сейчас ляжем с ней в постель, и это почему-то нужно Сэму для того, чтобы отвлечь Мазеля. Сэм помог мне выпутаться из майки. Джулия плюхнулась в постель, укрылась и приподняла одеяло в ожидании меня.

– Ну давайте, не подведите, – Сэм уже тащил раввина к балконной двери и исчез. Входную дверь еще не сломали, но уже доламывали. В паузе между ударами Джулия повернулась ко мне лицом. Глаза ее странно блеснули и не мигая смотрели на меня. Она улыбалась, но не мне, а чему-то внутри себя. Кажется она даже что-то шептала.

Когда дверь поддалась, и шаги были совсем уже близко, Джулия резко кинулась на меня, опрокинула на спину и бешено, волнами, запрыгала. Горячее тело двигалось на мне, всерьез прижимаясь. Но я ничего не мог с собой поделать. Джулия – та самая, за которой я

столько времени безропотно шел – сейчас была со мной, и ее глаза уже горели по-настоящему, а тело искало меня. Но я не мог даже притворяться. Я ждал.

Они вошли втроем – Мазель и еще два незнакомых типа. Вошли и остановились. У одного даже челюсть отвалилась. Мазель смотрел на нас, нехорошо улыбаясь.

– Ну, давай же, ну, – прошипела мне Джулия. Все получилась как-то само собой. Я не знал почему, но притворяться уже не было нужды. Я видел, как Мазель говорит что-то своим людям, и умом понимал, что сейчас, здесь, при них ... Но... Подо мной рывками ходила кровать, а надо мной клонился во все стороны потолок. Еще немного и...

Типы, которых привел Мазель, схватили за плечи Джулию и рывком оторвали от меня. Кровать напоследок скрипнула и качнулась. Джулия взвизгнула, зарычала почти по-звериному.

– погоди, сучка, сейчас мы тебя оформим, надолго хватит.

Я уже начал приподниматься, чувствуя, что вот-вот получу удар, и тут где-то под нами раздался взрыв. Тряхнуло так, что держащий Джулию бандит выпустил ее и стал клониться к стене. Второй, замахнувшийся уже на меня, отлетел к Мазелю. Хлипкий Мазель с перекошенным лицом вцепился в него, чтобы удержаться на ногах.

Дом качнулся от второго взрыва, и с потолка посыпалась нехорошая мелкая пыль. Мазель сразу же оторвался от своего помощника и прыжком оказался в проеме, отделявшем спальню от гостиной. Кажется, он что-то знал о существовании мин в Доме. Я почувствовал спиной зыбкость кровати и пола под ней. Вот сейчас будет третий толчок и... Джулия как-то по-собачьи подползла ко мне и легла сверху. По ее подрагивающему телу метался страх. А я с трудом пересилил себя, чтобы не сбросить ее; она давила на меня, как еще не обрушившийся потолок.

Но, вместо толчка, который наверняка сорвал бы нас в подвал, в спальне неожиданно появился раввин. Вид его был ужасен. По бороде, спекаясь капельками, текла кровь; очки, соскочившие почти к кончику носа, были мутными от пыли, руки тряслись. Он открывал разбитый рот, пытаясь что-то сказать, но только сипел и кашлял. Мазель, забыв об опасности, подскочил к нему.

– Это Сэм?!

Раввин кивнул, сплюнул прямо на пол кровь, показал три пальца, на секунду скрестил руки у груди и уронил их вдоль тела. Все было понятно. Третий взрыв снесет остатки перекрытий, возможно, что под нами уже пустота. Я все пытался отодвинуть прилипшую ко мне Джулию. Она мешала мне встать, мешала дышать.

Мазель, что-то крича, побежал к входной двери, за ним кинулись остальные. Джулия все так же прижималась ко мне, а раввин утирал грязным рукавом рот рядом с кроватью. А я странным образом расслабился. Если Сэм уже взорвал остальные этажи, то ожидать, что он пощадит нас и себя, не приходится. Выбора просто нет. Сейчас осядет под нами пол, мгновение невесомости, а потом догнавший нас потолок не лишит необходимости рассуждать.

Но ничего не происходило. Джулия подняла голову, огляделась и рассмеялась. Подошел раввин, похлопал меня по плечу и тоже рассмеялся. Крови на нем уже не было.

– Время, время поджигает. Вы что, ночевать тут собираетесь, а? Или хотите подождать, пока Сэм действительно все взорвет? Говорил ведь – очередная шутка. Трясти – трясет, но ничего не обваливается. Декорация. Но давайте быстро отсюда! Мазель ведь совсем не дурак, сразу сообразит.

Что-то стало проясняться. Мы с Джулией лихорадочно одевались, проталкивая потные тела в дерюгу и трикотаж. Третьего взрыва не будет. Не было и первых двух. Вот оно как серьезно все задумано. Я вдруг остро пожалел, что Мазель ворвался слишком рано. Джулия

натянула майку. Ну вот. Пружина, томительно сжатая в ожидании взрыва, распрямилась, дышалось легко и просто, но смотреть на Джулию было больно. Как будто я подвел в самый ответственный момент, сорвался, предал... А предал самого себя, похоже. Но, кто же мог знать? Этот Сэм с его идиотскими штучками...

Мы быстро вылезли через балкон в темноту, побежали за раввином вдоль декорации и протиснулись по одному в приоткрытую дверь (раввин заявил, что дверь перекосило от взрывов – хороших взрывов... Ведь надо, чтобы все выглядело натурально).

– Так, – сказал Сэм, сидящий на какой-то табуреточке в фонарем в руке, – у нас есть минут двадцать-тридцать, не более. Собственно, Мазелю нужен только я, но оставить здесь раввина, Джулию и Алекса мы, конечно, не можем. Значит, пробираемся все вместе на шестнадцатый этаж, а оттуда на крышу. Это последнее место, где нас будут искать. Мазель решит, что мы воспользовались лифтом и рванули вниз к Шутнику, он ведь тоже знает или догадывается о канализации. Значит, про крышу он подумает в последнюю очередь.

– Подождите, а почему Мазель так упорно вас ищет? – я почувствовал в его рассуждениях какую-то трещину, в которую просачивалась логика, досадную несоразмерность причин и следствий.

– Неужели он не объяснил вам? Мазель и его люди – что-то вроде общества самоубийц. Все они неизлечимо больны. Ну и к тому же это очень богатые люди. Не хотелось им помирать в своих роскошных постелях и оставлять идиотам-наследникам свои миллионы. Случайно узнав о Доме, они решили, что лучшего места для них и не придумать. И действительно – когда от жизни почти ничего не осталось, не очень ею и дорожишь: никакая опасность не страшна. А тут появилась возможность пожить напоследок в фантастическом мире. Вот только, чтобы поддерживать их реальности, нужна была настоящая кровь.

– Конечно, – вмешался раввин, – Великому Бизону следует смазывать губы кровью... и спермой!

Сэм не проявил должного почтения к Великому Бизону. Дальше, сказал он, все совсем просто. Красивая и чистая сэмова реальность стала замутняться безнадежными реальностями умирающих миллионеров. Сэму пришлось начать партизанскую войну. Вот, собственно говоря, и все. Сэму помогали все его люди, оставшиеся в Доме. Их Мазель не решился выгнать – сами по себе больные не смогли бы обеспечить необходимой атмосферы. И Мазель пошел на крутые меры. Не очень понятно, зачем были нужны похороны, а вот казнь...

Нужно было идти. Хотя я по-прежнему не понимал, как может так надолго задержать Мазеля имитация разрушений. И почему ему не придет в голову искать нас на крыше. Сэм чего-то не договаривал.

Следуя за ним, мы вышли на лестницу. Темная, гулкая, наполненная густым воздухом, почему-то режущим легкие, внутренность Дома. Только небольшой лучик фонарика юркал со стены на стену и под ноги. Мы стали подниматься по лестнице вверх, огибая сетчатую шахту лифта. Двигались мы медленно. Сэм усиленно водил фонариком по ступенькам, словно не был уверен, что они в сохранности. В сохранности... Я вцепился пальцами в ячейки сетки и прижался к ней лицом. Снизу, из шахты, пахло так, что у меня окончательно запершило в горле.

– Сэм! – громко, слишком громко в этой темноте и пустоте, закричал я. От неожиданности Сэм всем телом повернулся ко мне вместе с фонарем. Луч скользнул в шахту. Ноги у меня начали подкашиваться: вместо стальных тросов, держащих кабину лифта, на уровне моего лица покачивались жалкие, разлохмаченные обрывки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Лицо Сэма было безмятежным, задумчивым и ласковым, как у человека, с головой погрузившегося в музыку. Джулия, тяжело дыша, пыталась улыбнуться, но все равно смотрела испуганно, и в ее глазах не отражалось ничего, кроме пустоты и непонимания. Самым довольным выглядел сумасшедший раввин. Он, когда попал в луч фонаря, оскалился и браво помахал топорщившейся бородой. Похоже, единственное, о чем он жалел – об отсутствии головного убора вождя. Великий Бизон знает, что делает. Раз кнопки были настоящими, то это только на пользу ушедшим в пыль реальностям. Сколько же можно просто пугать, пора уже шарахнуть всерьез!

Самого себя я не видел, но мысль, что под нами, возможно, погребены не только пустые реальности, но и люди – Шутник, Берта, еще кто-то, не успевший или не желавший уходить, вызывала пока только пресное беспокойство из-за неизбежных полиции и пожарных, из-за нудной необходимости что-то объяснить. А вообще-то, несмотря на неосевшую пыль, хотелось думать, что это очередной трюк, как и всегда в Доме. И казнь – трюк, и взрыв – трюк. Сейчас неожиданно вспыхнет свет, появятся Мазель, Шутник, Гарри, и что-нибудь совершенно непонятное начнет крутиться вокруг этих людей со всей многозначительностью очевидной бессмыслицы.

– Вам всем, наверное, кажется, что я ужасный человек, – вдруг заговорил Сэм. – Я утащил чемодан у Мазеля и нажал, сумел так нажать эти кнопки. И это я, который вынужден был скрываться даже от Берты... Какое отвратительное ощущение! Но я же был почти убежден, что ничего на самом-то деле не произойдет! Или мне хотелось так думать. Однажды мне пришлось спастись от бандитов. Но тогда я был испуган. А сегодня... Мне хотелось испытать... Себя, Мазеля, этот чемоданчик, вообще Дом.

– Верите ли вы в Бога, Алекс? – неожиданно обратился он ко мне.

Нелепый вопрос. Даже Великий Бизон – пустая выдумка в этой тьме и пыли. Сейчас все настоящее. Неужели он этого не понимает?

– Наверное когда-то Бог тоже нажал какую-то кнопку – и зажегся свет; а потом – другую, третью... И все пошло как пошло, а он все старался вмешаться, помочь, переделать. Но... Вот Аврааму он помешал убить сына, да только все равно – людям почему-то нужна была жестокость. Иисус должен был мучиться на кресте, иначе он не был бы Иисусом. И убежать от всего этого невозможно. Мазель прав. Значит, все это было просто необходимо. Ну вот я и... Мазель говорил, что заряды настоящие, но... А может он специально все так устроил, чтобы я...

Он стоял на площадке последнего, шестнадцатого этажа, держа фонарь вертикально вверх. Пыль слоилась в луче, рассеянный свет скрадывал стены, и Сэм с чемоданчиком в руке завис этаким самодельным Богом в самодельных облаках. Колочее дежавю корябнуло меня. Пыль в луче света... Где-то это уже было.

Неожиданно раввин, очнувшись от своих видений, бросился на Сэма, схватил его левой рукой за шею, а правой стал вырывать чемодан. Сэм уперся рукой с фонарем в лохматый подбородок, и освещенное снизу лицо раввина казалось еще страшнее. Рядом со мной опустилась на ступеньки Джулия. Раввин громко сопел, Сэм молча сопротивлялся. Я не знал, кому из них мне следует помочь. Да и вообще – следует ли. Что если Сэм идет на крышу, чтобы обрушить последние уцелевшие этажи? А раввин? Заигравшись со своим Великим Бизоном, он ведь тоже запросто может нажать на последнюю оставшуюся кнопку.

Решение созрело совершенно независимо от моей воли. Я кинулся вперед и успел как раз к моменту, когда Сэм уже начал сдавать, и волосатая раввинова лапа почти дотянулась до ручки чемодана. Свет метнулся в сторону и вниз. Это Сэм бросил фонарь, стараясь схватить чемодан второй рукой. Фонарь не разбился, а осветил безмолвную Джулию. Я рывком выдернул опасный чемодан из сплетения рук ... и понял, что совершенно не знаю, как поступить. Раввин и Сэм ошалело уставились на меня, не понимая, что я собираюсь сделать.

Дальше... Ах, какое восхитительное слово «дальше». Оно подразумевает, некое прошедшее время, о котором можно рассказывать, отстраненность рассказчика от происходящего. Славно и странно порой, как легко и просто запредельность и неосмыляемость укладывается в простую логику повторяемого время от времени «дальше». Так вот – дальше ничего не было. По крайней мере, мне так казалось. Я стоял, прижав пыльный плоский чемодан к груди, у края площадки. Ступенькой ниже, за моей спиной, застыла Джулия. А впереди, так и не отпустив друг друга, почти прижавшись, смотрели на меня Сэм и раввин.

– Три, пять, десять тонн строительного гипса – это очень много пыли, я вам скажу, – послышалось с нижней площадки, – особенно если уронить все эти мешки в шахту лифта с шестнадцатого этажа. Даже в подвале – пыль.

В луче фонаря блестнули стекла и метнулись длинные черные припорошенные волосы. Шутник выставил вперед руку, заслоняясь от света, и я заметил, что ладонь у него испачкана в крови. Он слегка покачивался и говорил совершенно пьяным голосом.

– И среди пыльного безмолвия я встречаю знакомые лица. Только не говорите мне, что это Алекс нажал на кнопку, я не поверю. Ребе, это вас Великий Бизон надоумил или у Сэма хватило мужества проверить, как все это работает? Впрочем, теперь это неважно.

Он, крепко держась за перила, поднялся ко мне, покривившись, взял чемодан, помахал им перед носом у Сэма, как бы предлагая убедиться, что никакой ошибки нет, что это именно он и это именно тот самый чемодан, и стал неторопливо спускаться по лестнице.

Ну вот, очередной розыгрыш, неожиданный даже для Сэма. Значит, Дом не обвалился! Сбросили из-под крыши мешки с гипсом, и, конечно, удар получился ощутимый; мешки порвались – поэтому и пыль. А человек, нажимающий последнюю, третью кнопку либо чувствует себя неудавшимся самоубийцей (отвратительное ощущение), либо сидит на крыше в полной уверенности, что все кончено, и под ним провал в шестнадцать этажей, а он – преступник, погубивший в этом провале с десятков жизней.

Что-то бормоча себе под нос, Шутник скрылся в темноте, пробираясь к себе в подвал пешком. Он был всего лишь этажом ниже нас, когда Джулия вскочила и, не говоря ни слова, тоже исчезла вслед за Шутником. Я оглянулся на Сэма. Он поднял валявшийся фонарь, зачем-то посветил в потолок, подвигал луч туда-сюда. Безразлично пожал плечами и, толкнув ближайшую дверь, скрылся в темноте квартиры.

Раввин тоже посмотрел на потолок, потом подошел в шахте лифта, прижался лицом к сетке и скосил глаза, пытаясь взглянуть в темноту. Но что он мог там рассмотреть?

– Говорил ведь – надо уходить отсюда! Ну зачем все эти сложности! – он стукнул по сетке, взвилась пыль, но раввин этого не заметил, снова приник к сетке и крикнул в пустоту шахты. – Зачем?!

А я вдруг сообразил, что Сэм унес фонарь, но раввина прекрасно видно. Это, правда слабо, в полнакала, загорелась лампа под потолком. Ну все, облегченно решил я, действительно пора уходить. Сеанс окончен. Пока кто-нибудь не решил нажать еще одну кнопку. Пока меня не нашел оправившийся от взрыва Мазель. Пока я, в очередной раз, не уснул в очередной ванне. Насколько мог стойко, я шел по кромке этого бреда, участвовал в непонятных мне играх и даже – правда совсем не надолго – получил в обладание Джулию.

Покрытый пылью, я, не обращая внимания на равнина, что-то бормочущего мне вслед, стал медленно спускаться по лестнице.

Следующий этаж был все еще погружен во тьму, и все остальные под ним тоже. Ну и что? Шестнадцать этажей – это совсем немного, особенно если спускаться вниз. И если существуют перила, за которые можно держаться – аккуратные полированные металлические перила, полого и удобно скользящие под рукой. Случилось только то, что случилось. Разве могу я винить себя за глупое и неожиданное участие в казни, если даже Дом рухнет не по-настоящему. Я теперь не уверен, была ли, например, Джулия настоящей или так, надувная кукла, умело дергающаяся благодаря хитроумному механизму. Ну а сам я, ведомый, покорный и молчаливый субъект, что там у меня внутри? Может быть тоже железяки, позволяющие ходить, двигаться, дышать. А что еще? Робкая душа? К черту все это! Марш-марш, вниз. Когда-то, невообразимо давно, я вошел из горячего полудня в respectable дом...

Темнота способствует погружению в себя. Я так задумался, мерно касаясь рукой перил и переставляя ноги, что не сразу почувствовал неладное. Просто рука моя почему-то перестала скользить вниз, а с разгона пошла вверх и вбок. Это неожиданное движение сбilo меня с шага, и я благоразумно остановился.

Держась за искореженные перила, я попытался нащупать ногой следующую ступеньку. Но следующей не было. Пустота. Меня не прошиб холодный пот, не пошла мурашками кожа. Я вполне буднично присел на оставшиеся ступеньки и только рука крепко держала прогнутый железный прут.

Интересно, откуда же тогда пришел неутомимый Шутник? И куда делся потом, вместе с Джулией? Какие же мешки с гипсом, если я сижу перед пропастью в тринадцать, да, в тринадцать этажей! Нехорошее подозрение, что все это, весь страшный и слишком реалистический спектакль затеян только для одного зрителя – для меня, заворочалось в глубокой, как волчья нора, темноте. Но этого просто не может быть – обрушить Дом, чтобы впечатлить ничего не значащего, случайного человека! Значит, мне просто необычайно повезло оказаться здесь в то самое время, когда... Ну и что? Я ведь уже давно отказался от попыток что-либо понять. Чтобы лучше усвоить эту мысль, я вслух произнес:

– Я давно уже не пытаюсь что-либо понять.

– Ну и правильно.

И я опять никак не отреагировал. В темноте кто-то осторожно дотронулся до меня и, судя по слабым шорохам, присел ступенькой выше. Сам не понимаю, как я узнал его – тут и голос, и еще обострившаяся чувствительность кожи, какими-то точками и полосами ловающей слабые колыхания во тьме. И эти же ощущения подсказали, что одна игра закончена, правила заменены, но начинается другая, в которой я могу спокойно сидеть над обломками прежнего Дома.

– Маленькие люди опасны своей непредсказуемостью, – сказал Мазель, и я не совсем понял, кого он имеет в виду, – то есть не непредсказуемостью, а кажущейся простотой реакций. Взяли да и нажали кнопку. А ведь понятно было, что ни в коем случае не следует. Даже если есть шанс, что не взорвется. Это ведь вы, Алекс? Вы шли вниз? М-да... Вот и нет Дома.

Он замолчал, а я неожиданно простил ему и жестокую шутку казни, и последующую погоню. Это в той, ушедшей игре, он был надменным и свирепым божком, а сейчас рядом сидел усталый и немного растерянный человечек. Во всяком случае, я легко представил его сейчас в помятом и грязном костюме, с опущенной головой.

– А зачем все это было нужно? – спросил я, неуклюже выражая сочувствие, – чемодан, кнопки, мины под Домом?

– А зачем Богу нужно было указывать Адаму, какое дерево было запретным в райском саду? Зачем оно вообще там росло? Странно ведь, правда? Почему-то мы прощаем нелогичность поведения только Богу и самим себе, но не другим людям. Вот вы – покрутились по Дому, что-то увидели краем глаза, что-то услышали... Признайтесь, что временами вас сильно раздражало полное отсутствие какой-либо логики. Все врут, многозначительно рассказывают всякую ерунду, занимаются глупостями. И никто ничего толком объяснить не может. Так ведь? Ну а я вам сейчас открою самую большую тайну – никто ничего и сам не понимает. Отсюда и многозначительность. А копаться, доискиваясь до того, зачем и почему в самом деле... Ну выпотрошите вы медвежонка, торжествуя, убедитесь, что внутри опилки, ура! А потом? Медвежонка-то уже не будет. А кучку опилок и плюшевую тряпочку к себе в кровать не положишь. Так что лучше уж не трогать. Вот Дом и существовал...

Он замолчал. А я почему-то подумал, что такая долгая тишина и темнота как-то не вяжется со всем происшедшим. Что-то другое должно было последовать за взрывами, проваливающимися этажами, искореженными перилами. Ну конечно – ведь грохот, толчки, пыль... Где же сирены мчащихся к месту происшествия пожарных, полиции, скорой помощи? Почему нас никто не беспокоит? Может быть, я просто неверно оценил время? Но все равно: вот-вот здесь будет толпа зевак, прожектора, усиленные мегафонами команды и муравьиные шлемы пожарных.

А Мазель тихо сидел где-то рядом со мной. И снова, усиленные темнотой, покалывания неведомых сигналов: я понял, что Мазель совсем не удручен случившимся, не раздавлен, а, наоборот, доволен; что что-то такое и должно было случиться по его сценарию, а, может быть, это было сомнительное удовольствие человека, оказавшегося правым в своих самых худших опасениях.

– Ну что, – сказал я, аккуратно привставая с жесткой ступеньки, – сейчас нас начнут спасать. Как вы думаете, следует изображать на лице шок от случившегося и рассказывать о подозрительном запахе газа?

Я еще не закончил фразы, как почувствовал, что зря взял этот тон. С Мазелем, даже скрытым темнотой, он не годился. Я услышал, как он хмыкнул и тоже поднялся на ноги.

– А как вы думаете, почему это пожарные и полиция так задерживаются? То есть, они, конечно, почти всегда опаздывают, но, все-таки, не настолько же. Кстати, зажигалка с вами? Нет? Ну вот и прекрасно. Значит, вы натолкнулись в полной темноте на оборванные перила и яму вместо площадки и решили, что Дом и в самом деле перестал существовать? Это весьма и весьма косвенные доказательства. Ну, еще я вам говорил... Но вы ведь уже научились никому здесь не верить, я надеюсь. А теперь вы получаете косвенное доказательство, что все это очередной фокус, хотя бы потому, что снаружи никак не отреагировали на взрыв.

Он замолчал, предлагая мне прислушаться. Дом, взорванный или нет, был тих. Внизу, где-то под нами, послышался шорох. А этажом выше вдруг яростно хлопнула дверь.

– Вот и представьте себе положение, – нарочито громко заговорил Мазель, и я понял, что он уже поднялся выше, на площадку, куда выходили двери квартир, – может ли кто-нибудь знать, что же на самом-то деле натворил? Даже я сам – человек, который это все устроил? Я имею в виду чемоданчик. Потому, что – играть так играть: в одну из конфет кладется смертельный яд, потом в коробке все они перемешиваются, да еще вдобавок половина просто выбрасывается, а оставшиеся предлагаются игрокам.

– Это называется «русская рулетка», – произнес я в темноту.

– Ничего подобного. Ни один из играющих не знает наверняка, есть ли там, в этой коробке, конфета с ядом. Нюанс, но тут ведь все на нюансах...

– Именно поэтому и начался такой ажиотаж, когда исчез Сэм с этим чемоданом.

Голос прозвучал где-то совсем близко, а может быть это была просто акустика. Но язвительного тона Шутника она не изменила. И, почти сразу, снова хлопнула дверь. Намеренно громко. Судя по паузе, Мазель не ожидал услышать Шутника. Его подчеркнутое обращение ко мне было, конечно, приемом. Он обращался к Темноте, к Дому. А Шутника, видимо, считал погребенным в подвале, что ли? Пауза тянулась и тянулась, и я уже решил, что Мазель куда-то ушел, так же неожиданно, как и появился. Но он кашлянул где-то рядом и сказал, теперь уж точно обращаясь ко мне одному:

– Ажиотаж вокруг Сэма и чемодана возник только потому, что я подумал, что Сэм совсем ушел из Дома. Согласитесь, оставить нас без такой игрушки... А теперь он сидит где-то у себя, на шестнадцатом этаже и уж последнюю-то кнопку никогда не нажмет. Но зато будет шить себя иллюзией, что в его руках...

Мазель был как раз тем человеком, чьи заблуждения почему-то приятно было разрушить. Но я немного помедлил, представляя себе его снова обретшую уверенность физиономию, и только потом невинно заметил, что чемодан-то вовсе не у Сэма, а как раз у Шутника. Я ожидал удивления, может быть испуга или негодования. Но Мазель, помолчав, очень буднично заметил, что уж этот-то, сластолюбец, никогда этого не сделает, и что даже обидно, до чего просто все получается.

– Бедный Сэм, – добавил он, – теперь будет мучиться, что почти развалил Дом, но ведь ни за что не пойдет проверить, был ли взрыв на самом деле. И я его понимаю. Ну да ладно. Я устал немного и иду спать. Если еще побудете немного в Доме, заходите в гости, Алекс. Я живу на пятом этаже. Покажу вам парочку любопытных вещей. Вам, наверное, будет приятно узнать, что вы произвели неизгладимое впечатление на... впрочем имя вам ничего не скажет. Она говорила, что впервые вы встретились в подвале. Да, и вот еще: рак кожи в последней стадии – мучительнейшая вещь. Гарри был счастлив от него избавиться. Хотя все получилось грустно. Кто же мог ожидать, что все так испугаются, а? Да, грустно. Ну, всего доброго.

До сих пор Мазель только говорил. Можно было верить или не верить сказанному. Он рассудочно улыбался в темноте, мягко двигал руками, приходил и уходил. Вот только что, он прошел мимо меня, совсем рядом, задев меня полкой пиджака. Но сейчас шел он вниз! По лестнице! Даже если никакого взрыва не было, я сам проверил: после лестничного марша с загнутыми перилами – пустота! И Мазель спокойно ушел туда...

Я рванулся было задержать его, но почувствовал, что уже поздно, что не успею, что в темноте могу и сам... Я не сдвинулся с места, и знакомое уже липкое бессилие сноровисто спеленало мозг. Вот сейчас, в тишине, откуда-то далеко снизу долетит звук удара. Но – никаких звуков. Ах так, подумал я, ну и ладно! В таком случае я тоже отправляюсь вниз и, проходя мимо пятого этажа, мысленно извинюсь перед Мазелем за несостоявшийся визит. Как-нибудь в следующий раз. Странное, дурацкое ощущение...

Мазель ведь почти наверняка упал. Откуда я знаю, какой звук бывает от упавшего тела? Это так далеко внизу. Но до самого конца он меня мистифицировал. Хорошо, я тоже пойду вниз, пусть за шутки самоубийцы – недостойные шутки человека, решившего, что не только своей, но и моей жизнью он вправе распорядиться – ответит... Кто ответит? Не важно! Перед кем? Перед Богом, сократившимся до туповатого Бизона? Что должен делать человек в такой ситуации? Что предлагает распавшийся на кусочки здравый смысл? Все наши ответы не сходятся с вопросами. Бог, как хороший политик, говорит туманно и всегда не о том, о чем спрашивают. Вот сейчас пойду и свалюсь с какого-то там этажа. Мазель вот говорил, что непонятное раздражает. Ничего подобного! Я, непонятно зачем, иду вниз по ступенькам в полной темноте и подозреваю, что мой прыжок в пустоту может и не состояться, что, вместо пропасти, я снова обнаружу покрытую плиткой площадку между этажами. И это будет легко и понятно, но как раздражительно! Будь у меня сейчас под рукой та самая последняя кнопка,

я бы с удовольствием ее нажал. И если бы взрыва не получилось, то тогда в Доме появился бы монстр, персонифицированный Великий Бизон, который залил бы Дом кровью, кровью и спермой. Так, кажется, говорил раввин? И так бы и случилось. Но, кнопки у меня нет, поэтому я просто иду вперед в полной темноте.

Однако двигаюсь я не очень быстро. Меня останавливает капля, побежавшая у меня по щеке. Что это? Я плачу? Тут еще одна капля, побольше, бьет меня по макушке. Я машинально поднимаю голову как раз в тот момент, когда в меня вонзается узкий луч фонаря. Обжигает глаза. Кончатся ли когда-нибудь эти бессмысленные, вылетающие одно из другого, приключения?

– Пойдем наверх, – говорит раввин и, впервые с тех пор, как я его встретил, говорит с интонациями нормального человека, – нечего тебе тут, в полной темноте, делать одному. Все в порядке, слышишь?

Вяло, очень вяло, я повернулся и пошел наверх. Раввин опустил фонарь, и я увидел, что на лестнице мелкими изломанными ручейками поблескивает вода. Я подошел поближе к раввину и попросил фонарь. Он переступил ногами в лужице и протянул мне черную увесистую дубинку – я видел такие только у полицейских, которые почему-то никогда не придут нас спасать.

Если это и была декорация, то такого мастерского исполнения я еще не встречал, даже здесь, в Доме. Еще не совсем улегшаяся пыль дымком вилась под лучом, но позволяла разглядеть довольно далеко внизу торчащие как корни обрывки арматуры, вывороченные куски стен. Мне показалось, что я вижу черную фигурку, неестественно маленькую на вздыбившихся, оскаленных бетонных плитах. Раввин стоял рядом, прислонясь к уцелевшим перилам, и тоже смотрел вниз.

– Там, внизу – Мазель, – сказал я, качнув фонарем. Голос у меня был самый обычный. Раввин кивнул. Он был совсем не похож на себя. Я даже не уверен, был ли он все еще раввином. Потрогав себя за бороду, как будто для того, чтобы удостовериться в целостности грима, он поправил очки и вздохнул.

Мы постояли, посмотрели, потом раввин взял у меня фонарь, и мы пошли наверх. Навстречу нам все сильнее текла вода – видимо где-то разошлись трубы. Раввин привел меня на последний этаж, но не полез по знакомой мне лесенке на крышу, а подтолкнул в открытую настежь дверь. Внутри, в комнате, как-то косо, со стены, развернутые в разные стороны, горели две лампы. На полу, чуть попадая в освещенный круг, сидела та самая, мучавшая меня во сне, женщина-статуя. Все то же бледное лицо, черные, сейчас кажущиеся сквозными, глаза. Она была в том же белом балахоне, при виде которого я вспомнил свой танец на помосте. Да еще сон, от которого до сих пор ноет низ живота. А на коленях у нее, прижавшись, как будто прислушиваясь, лежала голова Шутника. Его длинное тело со скрещенными ногами, уходило в темноту, а на груди стоял открытый чемодан, и длинные испачканные пальцы крепко держали его за бортики. Шутник повернул голову и, щурясь, посмотрел на нас.

Что-то готовящееся, что-то грозное и по-животному неприятное было в этой идиллии. И взгляд Шутника был совершенно непонятен, а голова без устали терлась и терлась о женское колено, почти так же, как когда-то о вспрыгнувшую ему на плечо кошку, и подбородок, высвечивающий через блеклую тень бороды, описывал крохотные круги и спирали. Раввин, похоже, не ожидал застать здесь эту парочку. Он замаялся, как-то задергал плечами и руками, потрогал свои очки и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Там здорово все обвалилось. И вода по лестнице течет. Надо бы уходить.

Шутник, не меняя положения, скосил на него глаза, потом вывернул их на безмолвную женщину так, что большущие белки и взломленные брови придали его лицу выражение

страдания и растерянности, и произнес, почему-то хрипло и высоко, напомнив мне пропавшую Бертю.

– Говорил ли вам, ребе, ваш Великий Бизон, что мир напоминает куриное яйцо? А добро и зло – это как белок и желток. Пока цела скорлупа – все разумно, все на своих местах. А уроните яйцо на пол... Поэтому на извечный вопрос отвечаю: в начале была скорлупа. Только вот почему это Великий Бизон не озаботился сделать ее толстой, как броня динозавра? Впрочем, может они потому и вымерли, что были слишком толстокожими? Скучно стало Великому Бизону с такими непробиваемыми, совершенно приспособленными для выживания машинами...

Он жалко усмехнулся – что-то мешало ему улыбнуться как обычно – и снова покосился на женщину. А она не обращала на него, да и на нас, никакого внимания. И если бы не зрочки, время от времени короткими быстрыми рывкамидвигающиеся из стороны в сторону, казалась бы совершенно погруженной в себя. И я понял, что с самого начала насторожило меня, ударило по глазам и нервам. Притворная вольность поз раскинувшегося Шутника и сидящей с поджатыми ногами женщины, да еще фривольное движение длинноволосой головы по белому балахону, не заслоняло удивительной, непонятной напряженности обоих. Руки женщины, как будто плечи ей свело судорогой, прятались под шевелюрой Шутника, а его пальцы, вцепившиеся в чемодан, словно ждали чего-то. Как если бы фотограф попросил этих двоих замереть в неудобных позах на секунду, до вспышки, да так и оставил дожидаться.

– Нет, в самом деле – что могло случиться с самым большим и злобным динозавром? Ел себе потихоньку окружающих, плодился – и все. Скучно. А Великому Бизону нужны были битые яйца. Правда же, ребе?

Шутник чуть дернулся вперед, но тут же захрипел и закашлялся. Потом неожиданно жалобно сказал женщине:

– А я писать очень хочу.

Женщина легко повела плечом, и Шутник снова закашлялся. Раввин, сообразивший все раньше меня, мягко двинулся вперед, обходя женщину слева. Когда светящийся со стены фонарь оказался у него за спиной, он присел, как-будто собирался шепнуть что-то ей на ухо, но не дотянулся до нее и застыл, касаясь одной рукой пола.

– У нас славное противостояние. Два одинаково больших динозавра. У нее шнур, у меня чемодан. Она не знает, надо ли меня душить, а я не уверен, следует ли нажимать последнюю кнопку. Вот и лежим. Но самое главное – я не понимаю, чего она все-таки хочет. И я сейчас постыдно описуюсь. Что по этому поводу говорит Бизон? А, ребе?

Раввин грузно опустился задом на пол и потер уставшее колено. И с заговорщичким видом, приглашающе посмотрел на меня. Я еще не догадался, что он собирается делать, но тоже шагнул поближе к ним и сел лицом к смотрящей сейчас перед собой женщине. И почему-то подумал, что если Шутник и действительно не выдержит, то лужа быстро доберется до меня.

– Ваш Марк лежит внизу, – сказал раввин, подавшись к женщине, – сейчас приедет полиция. Совсем скоро они поднимутся сюда, и все будет отвратительно.

Видимо она дернула руками: шнур натянулся, но говорил Шутник довольно беспечно:

– Черт с ним, с Мазелем. А полиция не приедет. Не будьте наивными. Как только Сэм исчез с этим чемоданом, вокруг Дома установили заборчик, пригнали какой-то экскаватор, что ли... Дом на реконструкции. А на стройке бывает шумно, вы знаете. Так что спасать нас никто не придет. По крайней мере, скоро. Только вот знает ли об этом Сэм?

Он хотел сказать что-то еще, но плечи женщины напряглись, она закусил губу, и нашее у нее проступили жилы. Шутник взмахнул руками и заскреб себя по горлу. Чемоданчик

соскользнул с его груди и, завалившись на бок, застыл торчком, как полураскрытая книга. Я привстал. И тут раввин, раскинув руки, кинулся было на женщину, но, почти донеся руки до ее плеч, остановился и откатнулся назад. Шутник хрипел все сильнее. Раввин, коротко размахнувшись, сильно ударил женщину кулаком в лицо. Она, как кукла, завалилась на спину, стукнув затылком о пол. Раввин посмотрел на меня и скривился. Извиняюсь. Но очень жестко. Я вскочил на ноги. Следующий тяжелый удар достался Шутнику.

Времени на выяснение отношений с раввином у меня не было. Я схватил чемоданчик и, как мог быстро, рванул в темноту. По лестнице уже сильно текла вода. Разбрызгивая ее, я побежал навстречу потоку. Все было очень просто. Нужно добраться до крыши, выбросить проклятый чемоданчик вниз и... не знаю что. Но там – хотя бы реальный мир. И, скорее всего, Сэм и Джулия. При нынешнем раскладе, не самые неприятные соседи.

Снизу, позади меня, раздавался голос раввина. Я не прислушивался к тому, что он кричал, а только остервенело перебирал ногами. Бесконечные лестничные пролеты... Сколько же их может быть? Воды, в какой-то момент, стало меньше, потом пошел сухой мрамор ступенек. Я хорошо чувствовал это босыми ногами. И бежал вверх. Долго бежал.

Даже задыхаясь, даже в отвратительной темноте, убегая от непредсказуемого раввина, я еще сохранил способность немного соображать. От Дома оставалось три этажа. Это по два лестничных марша с площадкой между ними. Совсем немного. Я должен был очень быстро оказаться на шестнадцатом, последнем этаже, а там еще небольшая лесенка и крыша. А я все бегу и бегу. И ребра ступенек сменяются гладкостью площадок. Сколько мне нужно времени, чтобы добраться до крыши? Почему площадок и лестниц больше, чем должно быть? Я спешу со своим чемоданом на недостижимую крышу. Как отставший от поезда пассажир. Поезд пошел, набрал скорость и ясно уже, что не догнать, но какая-то сила гонит и гонит вперед, туда, где нет перрона, по рельсам... Может быть крыши нет вообще? Но она была, и еще совсем недавно или очень давно я лежал на ней. Тогда где же она?

Я бегу, и это не сон, в который меня мог бы погрузить кулак раввина – это самая реальная на свете реальность. Потому что дыхания почти совсем нет, а руку оттягивает чемодан, время от времени бьющий краем по решетке перил, и еще внизу так и не удаляется рокот раввиновых увещаний. В этом несчастном Доме было все – трюки, приспособления, почти фантастические постройки и механизмы, но не искривленное пространство! А сейчас этот бесконечный бег наверх... Такого просто не может быть! У меня есть выбор – продолжать, пока еще несут ноги, или остановиться и присесть на ступеньку, дожидаясь раввина. А еще у меня есть чемоданчик. Можно его раскрыть и на ощупь нажать последнюю кнопку. Теперь уж совсем интересно – что будет. Ведь если оставалось три этажа, а я вознесся как минимум на десять, то... Что же будет взрываться?

Я, и в самом деле, опустился на холодный жесткий мрамор – просто больше не было сил. Все, я выдохся. Кто-нибудь скажет мне, где я нахожусь? Может быть раввин, который все ближе и ближе, судя по пыхтенью и неразборчивому бормотанию?

А дальше – снова это «дальше!» – появляется раввин. Конечно мне его не видно, на лестнице по-прежнему темно, но зато хорошо слышно.

– Ты что, – отдышавшись, спрашивает раввин, – зачем убегаешь? Испугался, да? Так ведь она Шутника-то чуть не задушила. А он сдуру мог и нажать что-нибудь. Мог ведь? Я понимаю, ты чемоданчик прихватил, но...

Он и еще что-то произносит, но я не слушаю, а думаю о том, как же это он меня вычислил в этой темноте. Он ведь без фонаря за мной бежал. Просто остановился передо мной, отдышался и заговорил. Не верю я, что у него прибор ночного видения. Неоткуда ему у раввина взяться.

– Где крыша, ребе? – неожиданно спросил я, потому что закралось странное подозрение, – где у этого дома крыша?!

Раввин сбился и замолчал. Я почувствовал, что он напряженно соображает. Но не отвечает. Наверное, ответить нечего. И вообще, кто он такой, этот раввин? Почему появляется неожиданно и там, где что-то происходит? И – то он испуганный еврей, пришедший за деньгами для синагоги, то дурак-индеец, а то – просто псих. Почему он со мной? Что ему надо? Чемоданчик? Ну так сейчас я ему устрою!

– Ты это зачем, – снова возникает раввин из темноты, услышав, как шелкнули замки открываемого мной чемодана, – ты только глупостей не делай, слышишь! Подожди, давай еще поговорим, ты же многое не знаешь. Ты просто ничего не знаешь!

Не знаю. Вот и прекрасно. И теперь уже не узнаю. И почему три этажа вытянулись в бесконечность – не узнаю. Потому что нащупал эту замечательную кнопку. Тут без ошибки – две уже провалены и осталась только одна – выпуклая, гладкая, приятная на ощупь кнопочка. Большим пальцем – так вернее, я ведь еще не знаю, с какой силой ее надо нажимать. Замечательно. Один раз, когда я шел к провалу, раввин остановил меня, но сейчас не получится. Я просто зол, потому что лестница не кончается. И этого достаточно. Все должно кончаться. Абсолютно все. Ну а раз она не кончается сама по себе, то есть отличное средство, оно поможет. И вообще – любопытно, где же грохнет взрыв. В этом доме все возможно!

Раввин, продолжая что-то говорить успокаивающим голосом, пошел на меня, и я понял, что еще чуть-чуть, и он меня коснется. А я не забыл, какие сильные у него руки. Поэтому чуть привстал от напряжения, сжал челюсти и, почти сладострастно, вдавил выпуклую, согревшуюся от моего пальца пластмассу. Рядом то ли всхлипнул, то ли кашлянул раввин. Под нами что-то рыкнуло, мне показалось, что нас вот-вот швырнет вверх вместе со ступенькой, но вместо этого режуще ярко вспыхнул свет. Обычное лестничное освещение. Оно застало раввина чуть пригнувшимся, с расставленными руками, подавшимся ко мне.

– Ну вот, – сказал раввин, – я же тебя предупреждал, что не надо это делать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я – лжец. Я стараюсь не задумываться над этим фактом. И не потому, что лгать аморально. Какая уж тут мораль! А просто – всегда грустна, да и гнусна природа этого мыльного пузыря. И осознание того, что все вокруг тихонько, для правдоподобия выкатывая глаза и двигая подбородком, врут себе и друг другу, совершенно не меняет для меня суть дела. И вообще, дело не в самой лжи, а в послевкусии, синдроме, уравнивающим ложь с алкоголем и наркотиками. Мы надуваем вокруг себя этот самый мыльный пузырь, блаженно в нем существуем какое-то время, а потом, понятно, он со скверным звуком лопается, разбрызгивая вокруг накопившийся за время своего существования продукт этого существования. Какая жалость! Надо поскорее надувать следующий, заслоняющий от хмурого похмелья, вот только пены – главного материала для вранья – уже не хватает.

Короче говоря, многое из того, что произошло со мной в Доме, либо не происходило вовсе, либо безнадежно искажено. Например, я никогда не ложился в постель с Джулией. Что за дурацкая идея остановить гонящегося за Сэмом Мазеля сценой из порнографического фильма? Просто мне захотелось, чтобы Джулия, неожиданно и без прелюдий, бросилась со мной в постель. А глупейший эпизод моих плясок голышом там, на помосте? Ничего этого не было. Точно так же я придумал дурака-раввина с его невообразимым и невнятным Великим Бизоном. Не было раввина! Разве бегал бы настоящий раввин с луком и стрелами? Какой в этом смысл? Зачем? Да, тут возникает множество «зачем», и откуда я знаю, откуда могу знать... Вот с раввином все очень просто: мне совсем не хотелось уходить из Дома. Раввин... он все время меня останавливал. Ну а, остановив, отбилась от рук... И, может, делал то, что хотелось бы сделать мне самому, да вот... Его существование оправдывало мои мелкие подлости и слабости. Конечно, возникает сильный иску предположить, что и казни не было, и самого Мазеля, но... это уже начинается новый пузырь, а мне бы соскоблить с себя, вместе с битумом, остатки прежнего.

Лукавенько так смотрю я вокруг и думаю: кого же еще я придумал для гладкости повествования и более или менее разумного объяснения своего барахтанья в реальностях Дома, которые я примеривал на себя с любопытством и уничижением, как чужое несвежее бельишко. И что же получается? Я стою на площадке между этажами в гулком парадном. Горит обычный свет. И вообще – все совершенно обычно. Раввин меня не догнал, растворенный моим признанием во лжи. У меня в руке, действительно, маленький плоский чемоданчик.

Крепко наступаю своей правой босой ногой на такую же босую левую. И не для того, чтобы проснуться. Вот, говорю я себе, кто-то сильно наступил тебе на ногу. Чувствуешь? Да, ту ногу, которой больно, чувствую. Но и ту, которая наступила, чувствую тоже. Голову свою я еще в состоянии обмануть, а вот ноги – не выходит. Получается, что ноги – механизм более беспристрастный, а, может быть, и совершенный, чем голова. К чему это я? Ах, да! Я ведь долго, очень долго бежал по лестнице вверх, стараясь добраться до крыши. Я задыхался, ноги стали подкашиваться, а тут еще темнота... Я распахнул чемодан, зажег свет, огляделся. Придуманный раввин пропал, непридуманный Сэм – тоже. Вместе с Джулией, про которую я придумал, что... Но ноги-то, ноги не обманешь! Они действительно устали от бесконечного бега наверх. А этажей – это я помню точно – было всего три! Если только до этого я не придумал взрыв и самоубийство Мазеля. Хотя, как тут придумаешь, я же сам все видел,

светил фонарем вниз. Фонарем, который принес придуманный раввин... Значит фонарь я подхватил вместе с чемоданом у Шутника.

Все так же жму на свою, начинающую неметь, ногу и пытаюсь сообразить, зачем я бежал на крышу. И почему бежал так долго. Я не придумал этот длинный бег, честное слово. Хотя хорошо бы, наверное, придумать, как я бегу и бегу, а крыши все нет, и три этажа растягиваются в тридцать, а, может быть, в триста. А крыши нет и не будет никогда, потому что ее я тоже придумал. Ну, если так рассуждать...

Я еще немного потоптался, потер левую ногу и медленно пошел дальше. Логичней было бы спуститься на пару пролетов, посмотреть, действительно ли провалились эти проклятые этажи. Но отчего-то не хотелось. А что, если никакого взрыва не было? Тогда получится, что все пережитое мной – результат трюка, что я совершенно зря испытал то, что испытал. К тому же, не менее интересно было попытаться выяснить, куда же подевалась крыша. Хотя, если я так долго и бессмысленно бежал в темноте, то уже неважно, буду я сейчас спускаться или подниматься: или я нахожусь в совершеннейшем кошмаре, на бесконечной лестнице, и тогда направление моего движения совершенно безразлично, или же это было временное помутнение рассудка, и тогда я доберусь до Сэма и Джулии. Некоторое подобие логики в этом было: Дом перестал существовать, единственный человек, которому важно знать, что случилось с чемоданчиком – это Сэм. Похоже, Сэм с Джулией – последние обитатели Дома. Оставшиеся в Доме, я надеюсь, а не в живых.

Правда, я забываю о том, что есть еще Шутник и женщина. Та самая. Но мой сон в холодной ванне, да и то, при каких обстоятельствах мы виделись в последний раз, не вызывали желания искать ни женщину, ни Шутника. И вообще, хорошо бы, если бы Шутник был придуман мною тоже. И даже если не сам Шутник, то уж все, что случилось после того, как я набрел на него там, внизу, у костерка.

Но, как бы там ни было, я поднимался по лестнице вверх, и дошел до очередного этажа, когда, совершенно разметаая все мысли, в глаза мне бросились аккуратные раздвижные двери лифта. Лифт! Как это я до сих пор не догадался! А что, если... Не успев додумать, я уже нажимал кнопку вызова. И вот, пожалуйста – двери дисциплинированно раскрылись. Прежде чем войти, я помедлил. Конечно, гудевшие от усталости ноги неопровержимо доказывали, что я долго бежал и, следовательно, сложилась совершенно невозможная ситуация, когда, взорван Дом или нет, но материальная природа вещей изменилась; когда пространство, никак не связанное с обитавшими здесь реальностями, вытянулось... Означает ли это, что декорация, которой изначально полагается иметь разочаровывающую изнанку, оказывается совсем не декорацией? И что придуманные наивной фантазией Сэма чудеса зажили сами по себе именно в тот момент, когда в Доме почти никого не осталось?

И еще я медлил входить в кабину лифта потому, что уже находился в том состоянии, когда нетрудно было поверить, что и ее, эту кабину, я тоже придумал. А что? Вымышленный дикий раввин активно вмешивался в то, что со мной происходило. Может быть я давно был бы дома, если бы он не остановил меня в самом начале, а потом, в подвале, не связал бы нас с Шутником... Вот тут я всерьез задумался. Каким бы абсурдом это не казалось, я ведь могу шагнуть в несуществующий лифт! Сколько раз в истории выдуманные персонажи и события существенно меняли ход человеческих судеб! Люди упорно создавали себе условности поведения, денежные отношения, религии. Были их боги настоящими или нет, миллионы людей они делали несчастными или, наоборот, счастливыми. Религиозные войны и сейчас – самая бессмысленная и жестокая выдумка. Но – мы так живем.

С другой стороны – если Дом стал существовать сам по себе, если любая фантастическая деталь становится совершенно реальной, то и придуманный лифт вполне готов нести меня туда, куда заблагорассудится.

На всякий случай я помотал головой, но кабина не исчезла. Ну вот, сказал я себе, шагнув внутрь, сейчас мы все и проверим. Невозмутимо поблескивала панель с кнопками, двери закрылись. Лифт ждал. Конечно, никакой логики в моих поступках не было. Только что я бежал и бежал вверх, к Сэму, на крышу, то ли отдавать чемоданчик, то ли просто от страха. А сейчас, увидев эти кнопки с цифрами без всяких пропусков – все этажи на месте! – я почувствовал непреодолимое желание испытать этот лифт, проверить, как далеко распространяется его существование. А что, если я сейчас спущусь вниз, в холл?

Лифт дернулся и стал медленно опускаться. Вот и все. Ничего неожиданного. Сейчас я окажусь внизу, на первом этаже и... Непонятно почему, но мне даже не было любопытно. По мере того, как кабина двигалась все ниже и ниже, меня охватывало трезвое разочарование. Нет никакого выдуманного лифта, а, значит, не было и взрывов, самоубийств и казней. А только что-то вроде тяжелого, укутывающего, как облако, сна, обитающего там, наверху. Выдумал ли я все это или нет – неважно. Я еду вниз, туда, к нормальным людям, к очевидности яркого солнца, при свете которого так хорошо видны хрупкая наивность и нелепость надуманных реальностей.

Но, запутавшись, окончательно потеряв точку отсчета, я поймал себя на мысли, что совершенно не уверен, нет ли у оживленных городских улиц и глубокого голубого неба изнанки с неструктурными подпорками и мешковиной. Лифт остановился, двери, как им и положено, разошлись в стороны, и теперь я медлил выходить из кабины. В общем-то я еще могу нажать самую верхнюю кнопку и вознестись обратно к Сэму, к Джулии и к той женщине-статуе... Не веря сам себе, понимая, что совершаю непростительную глупость, я поставил ненужный уже чемоданчик на пол и шагнул наружу.

Да, это был холл. Такой, каким я его запомнил тогда, когда тайком пробирался на крышу. Пусто, прохладно. Солнечный день за стеклянными стенами. Все та же тихая улочка. Ну и что это значит? Да только то, что сутки или двое я – неприкаянный маленький человечек – прослонялся где-то там, во внутренностях Дома, начиненных злыми шутниками, чьи мотивы мне неизвестны, а действия непонятны. И сейчас выберусь на жаркую, невыносимую улицу...

Раздались гулкие шаги; я как-то непроизвольно втянул голову в плечи: когда появится швейцар; неприятный разговор и полувежливое выставление за дверь мне гарантировано. Но тут меня коснулась совершенно не швейцарская, легкая рука. Я обернулся. Джулия, все та же Джулия, смотрела на меня и улыбалась. Не говоря ни слова, она поймала мою ладонь, развернула кверху и торжественно и чуть печально вложила в нее круглый и тяжелый блестящий предмет – знакомую зажигалку.

Менее всего я ожидал встретить Джулию. Если она здесь, со мной, то что-то еще продолжается, Дом существует. Да и зажигалка – вещь из закончившегося сна – увесисто лежала в ладони, подавая зыбкую надежду. Джулия еще секунду поулыбалась, потом развернулась и неестественно быстро оказалась у входных дверей, распахнула половинку – ту самую, ударившую меня когда-то невыразимо давно – и растворилась в ярком солнечном свете улицы. Значит ли это, что меня больше не удерживают? Но меня не держали и раньше! Я сам, иногда делая вид, что покоряюсь обстоятельствам, лез во все приключения. Ну и что, подумал я, многое ли я понял из того, что увидел? А что я должен был понять? Или, движимый неодолимым, непонятным любопытством, должен был, может быть даже заломав руку тому же Сэму, выпытать о Доме все, что только можно? Выяснить в деталях что, зачем и как происходило и происходит вокруг меня, чтобы потом удовлетворенно, разочарованно и сыто протянуть – а-а-а, вот оно как, оказывается... Так, что ли? Да разве кто-нибудь из ненасытных любителей развалиться перед телевизором лезет разбирать его на отдельные детали, а иначе, дескать, и смотреть неинтересно?

Нет, я не собирался ничего выпытывать! И вообще, все очень просто: мне стало нехорошо и страшновато наверху, подвернулся лифт, я спустился вниз. Судя по всему, мне подарили зажигалку. И Дом – вот он, стоит. И Джулия ушла куда-то по поручению Сэма. Все в порядке. Я могу делать все, что хочу, значит, обратно в Дом могу вернуться тоже. Если я сейчас уйду, то потом никогда не прощу себе, что не попробовал вернуться. И не для того, чтобы что-то выяснить. Чтобы знать, что такая возможность у меня есть!

Что-то зазбоило во мне: в этом безмятежном прохладном холле я как бы раздвоился. Я видел себя удаляющимся от Дома по горячей и яркой улице, говорящим себе, что все, хватит, эта история закончена, и зажигалка – подарок на прощание. Как разбалованного ребенка от карусели, я тащил себя за ухо дальше и дальше от Дома, внутренней неведомой мерой определив, в какой момент эта карусель превратит сладкое головокружение в тяжкое. И в то же время, я – этот избалованный ребенок – все еще стоял неподалеку от лифта и упрямо хотел назад. Знакомое ощущение глупости, которую сделаешь сейчас вопреки здравому смыслу и почти вопреки желанию.

– Да, надо бы и домой, – вслух произнес я, негромко и неубедительно.

Потом повернулся к автоматическим дверям. Чемоданчик стоял на том же месте, где я его оставил. И, уже ни о чем не думая, я снова вошел в кабину, помедлил с поднятой рукой над кнопками и нажал самую последнюю, под номером шестнадцать. Послушный лифт повез меня вверх. Ну вот, доеду – и что дальше? Чего я, собственно, хочу?

Лифт неторопливо карабкался вверх, помигивая бегущими огоньками меняющихся цифр. А что, если я сейчас вылезу на каком-нибудь другом этаже? Просто чтобы проверить. Хотя, конечно, и так понятно – никакого взрыва; я ведь спускался в холл, где все было в порядке.

Тут лифт остановился. Ну вот и приехали! Я уже собирался шагнуть наружу, когда заметил, что это совсем не шестнадцатый этаж, как я предполагал. Никакой лестничной площадки не было. Лифт приехал прямо в квартиру, потому что передо мной была типичная передняя с зеркалом и красивой вешалкой. Небольшая, но уютная. Так и есть: на табло горит красненькая шестерка. Значит, кто-то отсюда, с шестого этажа, вызвал лифт. Но прихожая была пуста. Ну что ж, поеду дальше. В этот момент в дальнем конце прихожей появился детина-лифтер. Увидев меня, он радостно и злобно хмыкнул и кинулся к лифту. Он бежал на меня оскалившись, как будто намереваясь смести меня своим телом или уж кулаком, по крайней мере. Даже не успев толком пожалеть о своем возвращении, я отступил в глубь кабины. Прятаться было некуда. Но, оказавшись у распахнутых дверей, он резко затормозил и, тяжело дыша, остановился в проеме. Как будто невидимый барьер отделял его от меня. Выражение его лица было странным: злость пополам с азартом, и что-то вроде жалости, и страх.

– Ну, – произнес он неестественно тихо, почти нежно и осторожно, будто опасаясь уколоться, протянул руку, – подай-ка мне чемоданчик. Я ведь тебя, козла, обыскался уже. Бегаю за блядью по всем лестницам, а ты – вот он, сам приехал. И это хорошо. А теперь дай мне чемодан, только аккуратно, ну!

Он что, совсем идиот, боится этого несчастного чемодана? Даже если кнопки были настоящими, так ведь все три уже нажаты! Правда, про последнюю они могут и не знать. Но, если не сработали две первые, то... Нехорошее, но приятное ощущение власти над этим дураком с его свирепой мордой клюнуло меня. Так, наверное, может быть, когда окруженный оравой пьяных и наглых рыл, уверенных в своей безнаказанности, ощущаешь вдруг в руке приклад автомата. Медленно и с отяжкой взводится затвор, так, чтобы он эффектно щелкнул в наступившей тишине, а побелевший палец уже на курке, и ствол с высокой мушкой мягко идет слева направо: ну что, взяли, сволочи!

Понимая, что это совершенная глупость и мальчишество, я подхватил чемодан, щелкнул замками и запустил руку вовнутрь. Получалось не так красиво, как с автоматом, но все-таки. Я тебе сейчас покажу козла, ты сейчас мордой вниз ляжешь! Но почему-то лифтер совсем не торопился падать.

– Я тебе сказал – давай сюда чемодан! Что ты в него полез, не соображаешь, что ли?

– Ты меня не пугай, а то у меня рука дрогнет от страха. А она у меня на кнопке лежит, понял?– стараясь попасть ему в тон, ответил я. Он покосился на потолок в моей кабине, чуть отступил назад и рассмеялся. И было за этим смехом что-то такое, что вдруг сделало мой грозный автомат дешевой и очевидной игрушкой.

– Да хоть на все три сразу нажимай для верности, гад! Ну, говорю тебе, давай его сюда. Быстро!

Сохраняя остатки фальшивого мужества, я поставил чемоданчик на пол позади себя и мило улыбнулся. Чего-то же он боялся, этот болван.

– А почему бы тебе самому не взять его, а? Не помню, чтобы нанимался к тебе чемоданы подавать.

Лифтер снова нехорошо засмеялся, и я почувствовал какую-то ловушку.

– А ты мне чемодан, тогда я тебе все объясню. Обещаю.

Ну хорошо, я знаю иной выход из положения. Я нажал еще раз на кнопку шестнадцатого этажа, ожидая, что сейчас уеду от него, а там – пусть побегает за мной по лестнице, может, похудеет. Но лифт не сдвинулся с места. Он отказывался ехать дальше. И двери тоже закрываться не хотели.

Я стоял посреди кабины – respectable кабины лифта, устланной серым ковром, с потолка мягко лился свет. А в двух шагах от меня пыхла бандитская физиономия лифтера. Выходить совершенно не хотелось. Отдавать чемодан тоже. Из чувства самосохранения. Наконец, лифтер окончательно потерял терпение.

– Слушай, ты, – сказал он почти ласково, – ну на хрена тебе этот чемодан? Я тебя не трону, не бойся. Ну, ты его просто пододвинь поближе, чтобы я мог достать. Иначе никак мне его не взять, понимаешь?

Он сделал паузу, его лицо выражало надежду на мое благоразумие и сообразительность. Я еще ни о чем не догадывался, а, может, и не хотел догадываться.

– Я тяжелый очень, соображаешь? Нет? Кабина висит на одном волоске, хорошо еще я заметил. Так что если я войду – вместе навернемся. Понял, наконец?!

Да, вот, оказывается, как все просто! И это совсем не розыгрыш. Что ему стоило и меня вытолкать, и чемодан отнять? Внутренним взором я мгновенно прострелил потолок кабины и почти увидел этот предельно напряженный волосок. На подгибающихся ногах, стараясь наступать на пол легко и мягко, без рывков, я пошел наружу.

– Только с чемоданом!

– Что?

– Чемодан подбери, тогда выпущу. Давай, сука, быстро, ты же легкий!

Ну нет! Назад я не пойду! Ноги тяжелели, и лифт держался уже на моем вытянутом нерве. Эта сволочь, убийца, так меня не отпустит, ему зачем-то нужен чемодан. Но сделать этот шаг назад... Я плавно, как в сиропе, развернул туловище почти на сто восемьдесят градусов. Кошачья пластика страха... Кое-как дотянулся до чемодана. Хрустнуло в позвоночнике, закололо в боку, но чемодан я за ручку ухватил. Теперь, так же плавно, назад. Главное – не упасть. Я начал терять равновесие, но лифтер ловким движением выволок меня из лифта. Я вздрогнул, запоздало сжался, но уже стоял рядом с ним, может быть убийцей и негодяем, но сейчас – славным парнем, ну, может быть, со склонностью к глупым шуткам. И, что самое удивительное, кабина осталась на месте.

Лифтер схватил чемодан и толстым пальцем указал на шахту лифта, прямо над кабиной. Сквозь сетчатое, окрашенное в цвет стен прихожей ограждение была видна, почему-то подвешенная прямо над кабиной к несущему тросу, яркая лампочка. А сам трос... Взлохмаченный пучок лопнувших стальных жил, как одуванчик на толстом стебле, сидел на крыше кабины. Другой такой одуванчик, только перевернутый, завис чуть выше. А между ними тоненькой, невыносимо тоненькой ниточкой напряженно вытянулись две оставшиеся витые проволоочки.

Говорил же я себе – не следует возвращаться в Дом! Знал же, чувствовал, что это лишнее. Надо было мирно уйти в спокойной паузе, когда было очевидно, что ничего не произошло, никакого взрыва; что это была только игра – бессмысленная игра полусумасшедших людей. Да, конечно, обидно, что я-то переживал все как настоящее и даже, для собственного оправдания, многое придумал. Но все равно, уже махнув рукой на попытки что-либо понять, я бы с облегчением покинул этот Дом. Может ли всерьез напугать, заставить задуматься о странностях этого мира посещение Дома с привидениями в Луна-парке? А сейчас, получалось, что... Не знаю, ничего не получалось.

Только теперь, не в силах оторвать взгляд от оборванного троса, я по-настоящему почувствовал, как устал. Голова гудела, из желудка поднималась тошнота. Самым печальным было то, что никакой лестницы на этом этаже не было. Значит, чтобы спуститься вниз, мне нужно было либо рискнуть воспользоваться лифтом, либо искать более безопасный выход.

Я огляделся. Лифтер исчез. Мне не очень хотелось идти за ним, но еще менее меня тянуло в капкан лифта. Так что выбора не было.

Где-то, не очень близко, горели свечи. Две свечи, кажется, прямо на темном столе. Гудение в голове не уменьшалось, поэтому я безразлично пошел прямо на огоньки – единственный ориентир в темноте, обступившей меня за дверью. Под ногами, как будто я был на берегу, попадались мелкие камешки, воздух был влажным, с запахом канализации. Стояла какая-то необычно гулкая тишина. Такая тишина бывает в огромных помещениях типа самолетных ангаров. Что-то легко потрескивало, как остывающий автомобиль или как ветки под ногами крадущегося человека.

Да, свечи стояли на столе. А за ним сидел Сэм, слева от него – Шутник, а справа, положив на колени открытый чемоданчик, пыхтел лифтер. Шутник не обратил на меня никакого внимания. Он скрючился на стуле, редкая борода почти касалась стола. Я вспомнил его падающим спиной в странный бассейн когда-то, давным-давно, и неожиданно остро пожалел, что не прыгнул вслед за ним. Никогда теперь не узнаю, что же там было, какие чудеса готовили мне таинственные обнаженные женщины. Сэм поднял глаза и смущенно улыбнулся.

– А Джулия ушла. Думаю, что совсем ушла. А мы вот сидим, думаем. Те, кто еще остался.

Он посмотрел на Шутника, как будто ожидая возражений. Но тот не отводил глаз от тающих свечей и молчал. Зато лифтер поднял голову и с удовлетворением сказал Сэму:

– Сделано. Там просто два контакта отошли, но я придавил посильнее клемму, теперь должно сработать.

Сэм кивнул головой и снова повернулся ко мне. Мне показалось, что ему не по себе в этой компании, что он почему-то рад моему приходу. Так человек, страдающий от сильной зубной боли, рад любому поводу от нее отвлечься. Мне тоже было не по себе. Странное молчание вообще-то говорливого Шутника, лифтер, возящийся с чемоданчиком... Кажется, я оказался тут совсем не вовремя. Да я бы и ушел, если бы только знал, как это сделать.

– Вы, Алекс, опоздали. Я имею в виду – опоздали с приходом в Дом. Ну что бы вам не появиться немного раньше! Мы бы прекрасно ужились. Я это понял, как только вас увидел.

Да и Джулия с самого начала вас рекомендовала. Глухие ведь очень тонко чувствуют. Она говорила, что у вас какое-то особенное ухо... Смешно, правда? И когда вы залезли на крышу, а вниз не спустились, она с радостью бросилась вас выручать. Ей казалось, что прилипнуть к крыше – это уже серьезный повод быть хорошо принятым в Доме. Хотя здесь жили все, кто хотел остаться. Даже Берта. М-да, начало было замечательным... И, конечно, не ваша вина, что все вот так... Да и не в том дело, чья вина. Что уж сейчас об этом говорить! Но почему-то все время получалось так, что вы оказывались вовлеченным в самый круговорот. Никто вас не винит, как я уже сказал, но... Вот если бы вы совсем унесли чемоданчик из Дома... Вы ведь его зачем-то вырывали у меня из рук? Ну и ушли бы с ним, что ли! А вы принесли его обратно. И теперь вот мы сидим и решаем. И, опять же, никакой вашей вины...

Он так часто говорил о моей невиновности, что я понял совершенно определенно – он считает меня виновником всего, что произошло. Знать бы еще, что именно произошло!

– А с чемоданом этим совсем ерунда получилась. Да вы и сами должны были понять. Это ведь вы нажали третью кнопку, правда? И зажегся свет. Шутник вот уверяет, что все это мазелевские трюки. Может быть, весьма может быть. Ведь Мазелю нужно было правдоподобие, а не правда. Ну, может быть иногда – слишком сильное правдоподобие. Я сюда тоже на лифте спустился. И, кажется, слышал, как вы там по лестнице бегали, про какого-то раввина кричали. Ну вот. А тут, в темноте, со свечами, сидит Шутник. И теперь мы все вместе думаем – нажимать еще раз кнопки или нет.

– Да не в этом дело, – вдруг вмешался Шутник, – новая реальность ничем не хуже тех, старых. Просто нажатые по второму разу кнопки, по идее Мазеля, должны включить аварийное освещение во всем Доме. Если мы это сделаем, то сразу станет понятно, насколько правдоподобен был Мазель, куда бы он не подевался. И если это все...

Он оборвал себя на полуслове и опять уставился на огонь. Сэм с тревогой посмотрел на него, покачал головой и извиняющимся тоном сказал мне:

– Представьте, что некоему человеку ампутировали ногу. Он просыпается после наркоза и еще не знает толком, что ему отрезали – ступню, по колено или всю ногу. Надо, конечно, посмотреть. Но страшно. Глупо, ничего ведь не изменишь, но страшно.

Шутник кривился, слушая Сэма, и, когда тот замолчал, перегнулся через стол и выхватил чемодан у лифтера. Сэм, увидев, что он собирается делать, закивал головой, как будто намеренно провоцировал его своими речами. Что-то не то и не так было с этим чемоданом, я чувствовал это, только вот все сильнее гудевшая голова не позволяла сосредоточиться.

Все произошло так быстро, как быстро донесся до нас свет: где-то очень высоко зажглись мощные лампы. Где именно – я не знаю, потому что, когда глаза привыкли к этой внезапной яркости, посмотреть вверх было просто некогда. Впрочем, вниз я старался не смотреть тоже. Жуткую, нечеловеческую картину увидел я – нереальную, не могущую быть. Но я стоял в самом ее центре.

Мы зависли над пропастью на узком обломке бетонной плиты, которая уже вся пошла трещинами, и я сразу понял, откуда взялось ощущение огромного пространства и это потрескивание. Вокруг нас – вверх, вниз и далеко в стороны – разметалась пустота. Я оглянулся. Чудом уцелевшая шахта лифта, с прилепленными к ней обломками этажей, казалась тоненькой и ненадежной. Трудно сказать, что именно позволяло держаться на весу этому длинному и узкому обломку, но сейчас он, очевидно, мог обрушиться в любую секунду. Вниз, далеко вниз, в перемолотые, рассыпавшиеся бетонные внутренности Дома. Туда, где, по-видимому, лежал Мазель. А я... Что мне стоило не пойти в темноте прямо на свет, а шагнуть в сторону...

Ни Сэм, ни Шутник не тронулись с места, а продолжали неестественно спокойно сидеть на своих местах. Шутник только покрутил головой и посмотрел на Сэма, как бы спрашивая, что же теперь делать. Лифтер, похоже, был потрясен не меньше меня, но не шевелился. Он, кажется, думал что любое его движение вызовет обвал. Медленно, невесомо, сдерживаясь, чтобы не побежать, я начал отступать к лифту.

– Ну вот, – сказал Шутник, – а что дальше? Ты ведь, Сэм, всегда посмеивался над моими подвальными потемками. Изволь, получи свет. Ну что, будем продолжать эксперимент? Или так все и оставим?

Сэм улыбнулся ему, почему-то помахал мне рукой и погладил по рукаву сидящего с выпученными глазами лифтера.

– Видишь ли, Шутник, я почему-то думаю, что Мазель как раз и предусмотрел такой поворот событий. И вообще, я начинаю понимать, что он был прав говоря, что без него у Дома не было бы будущего. Я ведь всегда считал, что Дом – это моя выдумка. А оказалось, что Мазель все игры с реальностями начал значительно раньше – тогда, когда создал клуб для неизлечимо больных. А был ли кто-нибудь из них по-настоящему болен, кроме самого Мазеля? На избитый, в общем-то, вопрос – быть или не быть, он придумал неплохой ответ: залезть куда-то в середину, между двумя состояниями. Но, конечно, чтобы пребывать в таком равновесии, нужны сильные средства, очень сильные. И вот, пожалуйста!.. Нет, я доволен тем, что произошло.

– Да ладно, – Шутник повысил голос, и эхо качнуло наш ненадежный пол, – теория теорией, я тебя спрашиваю, что дальше? Ведь кнопки, как известно, можно нажимать в разных комбинациях.

Я был уже почти у входа в прихожую и повернулся, чтобы открыть дверь. Сердце, как сумасшедшая медуза, отзывалось неожиданно в самых разных частях тела. Последнее, что я успел увидеть, отворачиваясь – Сэм и Шутник, склонившиеся над открытым чемоданом, и лифтер, бессмысленно смотрящий мне вслед.

Я очень аккуратно закрыл за собой дверь, стараясь отгородиться от оставшегося за моей спиной безумия. Лифт стоял на том же месте. После всего увиденного, в ожидании, что пол вот-вот уйдет из-под ног, даже висящая на волоске кабина показалась мне оплотом надежности. Но что-то было не так и с лифтом: ни одна из нажатых кнопок никак не отозвалась, кабина стояла не шелохнувшись. Где-то, по краешку сознания, прокралась мысль, что теперь надо дожидаться, пока рухнет висящая плита, и тогда... Но это было слишком страшно. Вдобавок раздался треск посильнее, чем раньше, меня чуть качнуло вместе с кабиной. Да черт с ним со всем! Кабина, возможно, снабжена гасящими скорость тормозами. Если намеренно оборвать трос... Да и ехать-то всего пять этажей...

Не раздумывая дальше, я подпрыгнул и со всего маху врезался задом в жесткий пол кабины. Тут же над головой громко и звонко лопнули остатки троса, кабина дернулась и на секунду ушла из-под меня. Я закрыл глаза. Еще через секунду меня стало прижимать к полу – кабина тормозила. Она двигалась рывками, то срываясь, то тормозя, а я совсем потерял голову и безучастно сидел на полу с закрытыми глазами.

Но, как бы долго это не продолжалось, в какой-то момент кабина остановилась совсем. Я еще какое-то время не открывал глаз. А потом легко поднялся и быстро вышел в холл. Солнце уже садилось и теперь косо било в дом напротив, но в остальном это был все тот же холл. Я глубоко вздохнул. Так не бывает! Сначала – бесконечный непонятный бег по лестницам, потом – варварство разрушения, теперь – тихий и безмятежный аккуратный холл... Ну что, стиснуть зубы и, плюнув на все, снова попытаться забраться наверх? О-о, нет! Тем не менее, я поднял глаза и сразу все понял – потолок был в страшных огромных трещинах и даже, как мне показалось, слегка провисал прямо над головой. Откуда-то сбоку

до меня добрался ветерок, я повернулся и увидел, что огромная, обращенная на улицу стеклянная стена лежит, разбросанная на тысячи осколков. Думать было нечего.

Прямо по этим осколкам, не чувствуя боли в порезанных ногах, я кинулся наружу. Бегом проскочил сонную улицу, долетел до угла с более оживленной авеню и остановился. Мимо шли люди, поглядывая на мое перекошенное лицо с равнодушным любопытством. Воздух был тягучим, по-летнему вязким. И вдруг и улочка, и авеню с ее прохожими, показались мне продолжением декорации, только не той странной, но безобидной, что у Сэма, а другой, еще более жестокой, чем у Мазеля. Потому что жестокость охватывает и эту реальность, как железный обруч бочку, и не дает ей рассыпаться. И нужда в жестокости здесь еще больше, чем в Доме. Кроме того, в Доме, в его реальностях, живут добровольно, а на этих улицах мы все заключены в одну бесконечную реальность, и убежать из нее можно либо в смерть, что страшно, либо в Дом, который так удачно застрял посередине. Дом...

Я повернул голову и, прислонившись к стене, стал опускаться на землю. Это было нетрудно, потому что земля под ногами дернулась, как недавно пол лифта, потом дернулась еще сильнее и загудела. Дом – тот самый, из которого я только что выбежал – начал медленно оседать, странно складываясь внутрь. В какой-то невероятный момент мне показалось, что, удержись я на ногах, и Дом остановит свое тяжелое, пыльное и грозное движение вниз. Но безрассудная, необъяснимая рука упрямыства тянула меня все ближе и ближе к теплоте асфальту. Из последних сил я сопротивлялся. Дом вроде бы замедлил движение, но потом быстро и равнодушно, покоряясь неизбежному, осел окончательно. Только дым рванул в стороны и вверх и к моменту, когда я коснулся асфальта, завертел в мелких смерчах, скрыл остальное разрушение. Пыль заслонила солнце, и я был почти уверен, что его просто кто-то на время пригасил, как и положено в этой сцене. Кричали и куда-то бежали люди. А я внезапно догадался, почему были так спокойны Сэм и Шутник в тот, последний момент. Дом остался Домом. Просто маленькая перемена декорации. Интересно только, что дальше.

КОНЕЦ

Июль 2001, Нью-Йорк.